Патьяна Латукова

Небо в алмазах

Мост Бизона — 1

Издательские решения По лицензии Ridero 2018

УДК 82-3 ББК 84-4 Л27

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Латукова Татьяна

Л27 Небо в алмазах : Мост Бизона — 1 / Татьяна Латукова. — [б. м.] : Издательские решения, 2018. — 402 с. — ISBN 978-5-4490-8851-2

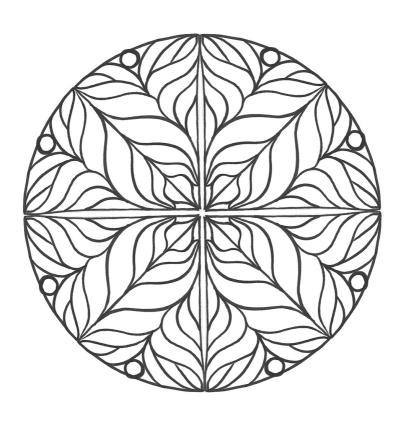
Мать наследника горной империи мечтает о спокойном отдыхе, но попадает в катастрофу планетарного масштаба. Горстка выживших прячется в заброшенном бункере. Что скрывает альенка, рассказывая о несбывшихся мечтах? О чём умалчивает хромой умник, переиначивающий старые истории? Какие тайны открывает скромный инженер?

Братство бункера отчаянно ищет пути спасения, но у каждого выжившего своя дорога. Не пожалеют ли счастливчики о сделанном выборе?

УДК 82-3 ББК 84-4

(18+) В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ПРОЛОГ * ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Прекрасны сады под светом звёзд. В них зреют яблоки надежд. В яблоках сидят червяки. Чтобы бабочки могли наполнить мир Трепетом нежных крыльев.

Александер Аквинорский проводил свой очередной урок, когда орбитальная станция одной из школ Службы Безопасности Галактической Федерации подверглась неожиданному и жестокому нападению. Неопознанный корабль возник словно ниоткуда, хотя в густонаселённом Центральном секторе его давно должны были заметить и блокировать. Враг прицельно обстрелял станцию издалека, лишил её антенн дальней связи и быстро пристыковался, едва не спихнув сооружение с орбиты. Ученики, полностью дезориентированные, не оказали никакого сопротивления, и высадившиеся молчаливые воины деловито согнали всех в большой зал. Туда же привели и знаменитого создателя Кодекса Уважения.

Александер остановился у лестницы, ведущей к небольшой сцене, повернулся и гордо выпрямился с едва заметной пренебрежительной улыбкой. Высоко поднятая голова и открытый взгляд придали старику сходства с древними святыми, и мальчики, сгрудившиеся за колоннами возле стен, восхищенно зашептались. Несколько учеников собрались было подойти к учителю, но тут в зал вошел ещё один незваный гость.

Мужчина в грязных штанах и видавшей виды куртке небрежно взмахнул бластером, и молодежь замерла. Однако через несколько секунд вдоль стен пронёсся тихий недоуменный ропот. Гость со смешной растрёпанной причёской походил не на коварного злодея, а на заблудившегося бродягу, и в умы мальчишек закралась мысль, что происходящее — лишь спектакль, в котором Александер проверяет реакции своих учеников.

Бродяга воткнул бластер в карман на штанах и подошёл к старику, изобразив поклон:

— Привет, великий гуманист! Прости за переполох, надолго не задержусь. Я уж и не чаял свидеться, да оказия подвернулась, решил подскочить, попрощаться. Ты действительно совсем плох? С виду так ещё ничего, годный старикан.

Александер неприязненно поморщился, но его голос прозвенел спокойно и насмешливо:

- Ты едва не опоздал.
- Я знал, что ты меня дождёшься.
- Я ждал тебя в тени Исидионы, я готовился к встрече на орбите Лоруна, я заготовил ковровую дорожку в королевском дворце Кетануса... А ты устроил дешёвое представление в школе. Разочаровал, как всегда. Так ничему и не научился.

Бродяга ответил с коротким глухим смешком:

- Мой благородный учитель, самый великодушный из наставников вселенной, не знает, чему я научился? Неужели ты сомневаешься во мне, в своём самом известном творении?
- В том, что ты мерзкий выродок, никогда не сомневался.

Гость пожал плечами и саркастически заметил:

- Тут не в чем сомневаться.
- Вижу, ты забыл мои уроки. С врагом не о чем разговаривать, а я твой старый враг. Убей меня, пока можешь. Задуши, застрели, выпей всю кровь. Не медли.

Бродяга тяжело вздохнул и скептически парировал:

- Размечтался. Твоя кровь нынче слабовата, старовата, да и попросту ядовита. И зачем мне тебя убивать? Подарить быструю смерть вместо длинной агонии в беспомощности? Я не настолько дурак, как ты привык думать.
 - Ты дурак, потому что ты в ловушке.

— Я зашёл в неё, чтобы поделиться с тобой печальной новостью. Никто другой тебе не скажет, и ты будешь напрасно сердиться на того, кого уже нет. Добряк Дин погиб.

Александер вгляделся в тёмный взгляд бродяги, отчаянно цепляясь за соломинку надежды, что эта новость — лишь дурная шутка. Но гость продолжил:

— Он исследовал миры на границе ойкумены и рукава Марколи. Успел оставить сообщение, что на экспедицию напала неизвестная армада из маленьких кораблей. И это всё, больше ничего неизвестно. Помощь опоздала.

Воздух сжался, мягкий свет затуманился, воцарилась абсолютная тишина. Александер сморщился, сгорбился, затрясся и неловко уселся на ступеньки.

— Совет утвердил проект памятника. Наш курносый озорник скоро встанет на аллее Первопроходцев...

Старик горестно охнул и медленно, задыхаясь, выговорил:

— Сведём счёты. Однажды я обещал тебе пророчество. Что ж, слушай. Ты нацепил маску Князя Тьмы, непобедимого злого гения. И ты силён. Сейчас. Пока. Но... космос велик, и однажды ты встретишь того, кто всё изменит... — Чуть запнувшись и жадно хватив воздуха, Александер продолжил. — Демон Рассвета... Равный тебе. Такой же, как ты... Однажды он придёт, твой верный друг и благородный враг. И если ты не остановишь его, жизнь в Галактике будет рассеяна на тысячи крохотных, едва тлеющих искорок. Ждать рассвета придётся сотню эпох.

В глазах старика полыхнуло злое, мрачное удовлетворение, и последние слова прозвучали медленно и торжественно, словно старик хотел вписать сказанное в память всех присутствующих:

Убей Демона. Спаси Галактику...

Бродяга снисходительно улыбнулся и махнул рукой:

- Опять я и убийства. Хоть бы напоследок придумал что-нибудь оригинальное.
 - Я всё сказал. Ухоли.

Александер поперхнулся, закашлялся, а затем завозился, меняя положение. Повернувшись, он встал на колени, уцепившись за край сцены, но подняться на ноги не смог. Бродяга протянул ему руку, но старик вновь прохрипел:

- Уходи.
- Прощай, учитель.

Гость вышел. Старик судорожно вздохнул и снова попытался встать. Ноги отказались повиноваться. Руки онемели, и оказалось невозможным разжать пальцы. В груди гулко встрепенулось сердце. А затем замерло. И снова неровно вздрогнуло.

Добряк Дин погиб. Умник Ник предал федерацию. Силач Мальт одержим войной. А самый талантливый ученик отказался от всех возможностей и предпочёл путь изгоя. Это и есть итог? Великой миссии создания нового человечества?

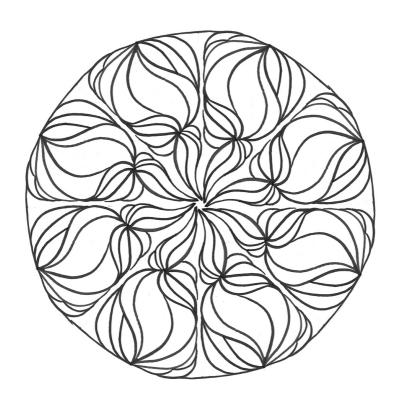
Александер заставил себя сделать пару спокойных вздохов. Но запретный поток мыслей уже сносил все бесполезные защиты умирающего разума.

Зачем он сопротивляется? Кого хочет обмануть? Смерть? Она уже стоит совсем рядом. У неё ясные глаза и нежная улыбка, она звонко смеётся и застенчиво краснеет, она любит заплетать и расплетать свои роскошные косы... Она убила его много хроносов назад, так к чему делать вид, будто жалкие сокращения мешочка с кровью называются жизнью?

Глаза Александера Аквинорского закрылись, руки обмякли, сухое тшедушное тело неловко завалилось набок и осталось застывать с поджатыми ногами.

Оглядев деактивированных и сложенных кучей хлама андроидов, злой гений развёл руки в стороны и улыбнулся затаившимся спецназовцам, воображающим, что они отлично спрятались. Подумаешь, плен. Подумаешь, биолаборатории, тесты, наркотики. Зато старый учитель помер. На коленях. Ничто не может испортить такого праздника.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ * КУРОРТНЫЕ ЗАБОТЫ

1. Тревога

Дежурный диспетчер космопорта Аллоя выслушал строгие указания начальства с подобострастным лицом, изо всех сил стараясь не выдать своего недовольства. Однако едва старший администратор отключил связь, дежурный сочно выругался на родном языке. Разноязыкие ругательства повторялись и набирали обороты по мере распространения новости. Сегодня, в праздничный День Рождения Планеты, когда предполагался лёгкий денёк с небольшим сабантуйчиком, военным приспичило доставить на Аллой какой-то важный груз. И по такому случаю всему персоналу предписывался особый режим работы, что в переводе на обычный язык означало «никаких праздников и сабантуйчиков».

Крейсер федерации вынырнул из портала так осторожно, будто его пилотировала команда детишек младшего школьного возраста. А спускаемый модуль сделал три захода на траекторию снижения, стремясь вписаться в простую линию максимально точно. Бережная и нервная разгрузка секретного контейнера породила шуточки, что внутри контейнера на незакреплённом стеклянном столике стоит неустойчивая фарфоровая ваза.

Но вазу ещё можно было понять. Военные — на то и военные, чтобы возить по космосу загадочные ящики с потенциально опасными грузами. А как понять дамочку, выпорхнувшую из крейсера? Розовую дамочку в шляпке и лаковых туфлях? Дамочку с ребёнком на руках? Не иначе, кто-то из сильных мира сего подсуетился и присоседил к военной миссии жену с отпрыском. Чтобы на билете сэкономить. И куда катится этот космос, если его заполонили несносные богачи и наглые дамочки?

Военные со множеством предосторожностей увезли

свой драгоценный груз на объект «Б». Дамочка невозмутимо проследовала к ожидавшему её лимузину. Всё стихло, и персонал космопорта всё-таки смог собраться на небольшой сабантуйчик.

Маленькая планета Аллой на границе цивилизованной ойкумены символизировала собой успехи технологий человечества. Искусственная атмосфера, адаптированный климат, отфильтрованная вода — долгое время казалось, что воплотить грандиозный проект в жизнь будет невозможно. Но время шло, несколько мегакорпораций вкладывали деньги в исследования, научные умы ставили задачи и получали решения. И чудо-планета превратилась из предмета теоретических споров в источник сверх-доходов для владельцев.

В глубине единственного материка Аллоя, занимающего четверть поверхности планеты, был построен уникальный центр управления климатом, благодаря которому температура воздуха и воды, скорость ветра и количество осадков, а также множество других параметров стали прогнозируемы и регулируемы на значительной площади южной стороны континента.

На океаническом побережье выросли два гигантских города-курорта. Ксантуй — средоточие игорных центров, дискотек и всевозможных развлечений — манил к себе золотую молодежь и любителей разгульных вечеринок. Более спокойная и размеренная жизнь Линоя привлекала семьи с детьми. Оба города быстро стали шикарным и дорогим местом отдыха, с которым могли конкурировать если только столицы трёх великих держав, да и то — многие ли хотят посвятить отдых музеям с мумиями и могилами цивилизаций? Куда приятнее потратить деньги на погружение в райскую жизнь без проблем и тревог.

Отель «Алмазные небеса» являлся квинтэссенцией всех представлений о рае, а вместе с тем и архитектурной

диковинкой, и инженерным достижением. Уходящий к облакам гриб на тонкой ножке сверкал зеркальными гранями, разрезая и преломляя пейзаж. Прозрачные стены, полы и потолки создавали причудливый эффект парения в небесах, а комфортные интерьеры номеров погружали постояльцев в состояние неги и расслабленности.

Однако прилетевшая с военными курортница при виде сто восьмого чуда света уныло скривилась, а своё плохое настроение попыталась разрядить скандалом с администратором отеля. После чего по коридорам отеля пополз слух, что госпожа Луизина Гранатова определённо претендует на звание «стервы месяца».

Если бы Лиза об этом узнала, она бы изрядно удивилась. Она считала себя мягкотелой и слабой в отстаивании своего «я». И у неё были куда более весомые причины задуматься о мире и о себе. Длинные анфилады фамильного замка Гранатовых успели ей изрядно надоесть, хотелось чего-то новенького. Но в то же время и изгнания с позором категорически не хотелось. Лиза и упивалась, и мучилась фантазиями о том, что привычная жизнь вдруг разом изменится, станет интереснее и веселее.

Парки и дворцовые ансамбли, аквацентры и аттракционы составляли пёструю разноцветную мозаику, в которой ребёнку просто невозможно было заскучать. Маленький Серж был в восторге, и Лиза разрешила сыну развлекаться по полной программе, безропотно оплачивая все карусели, шарики, сласти, игрушки, стоило ребенку проявить хоть малейшую заинтересованность.

Дни пролетали беззаботно, сомнения заслонялись ощущением беспечности и безделья. Тем острее и неожиданнее стал приступ страха, посетивший Лизу в самой середине прекрасного ясного дня. Спокойный мир Аллоя обволакивал сознание чувством безопасности, но инстинкт требовал спасения, реакции на неведомую

угрозу. Лиза доверяла своим чувствам, но в тихом раю не было осыпающихся горных круч, застрявших в зыбучих песках вездеходов, опасных шахт с останками любителей экстремальных экскурсий. Здесь не взрывали породу, не бурили шурфы, не сносили скалы ради новой дороги. Разум тонул в ровном свете солнца и одинаковой голубизне неба, не находя никаких зацепок, никаких подсказок, откуда исходит угроза, и что она собой представляет.

Вестибюль отеля в мягком свете искусно спрятанных ламп блестел цветным стеклом, расфуфыренные женщины и степенные мужчины сидели вдоль стен на бархатных диванчиках. Молодежь одной группой стояла в середине и приплясывала под негромкую музыку, несколько детишек носилось вокруг с весёлым смехом. Лиза не разрешала Сержу участвовать в детской кутерьме и покрепче сжала маленькую ладошку в своей руке. После нескольких томительных минут тревога рассеялась.

Неужели мать наследника горной империи так быстро соскучилась по зелёным лесам и острым пикам Гранатовых гор? По блеску драгоценных камней в полумраке брошенных штолен? По ругани с домочадцами и прислугой? Может, где-то далеко решается её судьба, и дела приняли скверный оборот?

Движение скоростного лифта оказалось невыносимым. К счастью, троица подростков выходила на первом жилом уровне, и Лиза выбежала вслед за ними, схватив Сержа на руки и невежливо растолкав нескольких попутчиков. Она твёрдо решила довериться собственным ногам, не полагаясь на технические совершенства, от которых перехватывает дыхание.

Побродив по этажу, Лиза нашла и толкнула дверь с пиктограммой из ступенек и надписью «Только для персонала». За ней обнаружилась широкая лестница с высокими ступенями, уходящими вверх и вниз. В центре торчала труба грузового лифта, но Лиза не могла разглядеть,

есть ли у него площадки поблизости. Слабая подсветка позволяла увидеть, куда поставить ноги, но дно и крыша колодца терялись в тумане. Зато в этом пустом месте Лиза успокоилась и, посадив Сержа к себе на плечи, начала подниматься вверх.

Лестница была сделана из лёгкого сплава, и раньше, вероятно, приятно поблескивала серыми оттенками металла, однако сейчас всё вокруг было покрыто налётом коричневой пыли. Скоро стало ясно, что межэтажные пролёты оказались значительно длиннее, чем предполагала Лиза. С ребёнком на плечах она быстро устала и стала часто останавливаться, чтобы отдышаться и отдохнуть. В своей выносливости она не сомневалась, но Сержу однообразное развлечение надоело. Он начал капризничать и ныть, прося что-нибудь вкусное. А нести ноющего ребёнка вдвое тяжелее, чем спокойного.

Перед дверью с номером очередного этажа Лиза замедлилась. От тревоги не осталось и следа, зато в ногах прибавилось тяжести, а в сознании — сомнений в своей адекватности. Может, не обращать внимания на все эти инстинкты?

Над головой вспыхнула яркая лампа. Дверь заходила, подталкиваемая множеством рук и ног. Из неё вырвалась толпа людей, образовавших толчею и неразбериху. Уши захлестнули чьи-то возмущённые вопли, спину проверил на прочность чужой увесистый баул. Схватив торопящегося мимо человека в униформе отеля, Лиза выдохнула ему в лицо вопрос:

- Что случилось?
- Неполадки в системе управления. Ерунда.

Какой-то случайный мужчина, пробегавший мимо, не замедлил истерично возразить:

— Лифты не работают! Это не ерунда!

Лиза устало вздохнула, сделала несколько глубоких вдохов-выдохов и упрямо потащилась наверх.

2. Крушение небес

Как только Лиза ввалилась в номер и совершенно без сил упала на кровать, над её головой включилось невидимое устройство, и спокойный голос объявил:

— Внимание! Внимание! Из-за временных технических неполадок в системе жизнеобеспечения вашего номера просим вас собрать документы, самые необходимые вещи и оставаться на местах. Сейчас за вами прибудут наши сопровождающие, и вы будете размещены в другом номере.

Сообщение повторили три раза. Лиза, проклиная все курорты галактики, нехотя поднялась и покидала пожитки в три огромные сумки. Затем она отправила Гору короткое, но очень язвительное сообщение о случившемся с распоряжением немедленно забрать её и Сержа с этого ужасного курорта.

Спустя полчаса в номер вошло несколько мужчин:

— Не волнуйтесь. Всего лишь незначительная поломка. Но мы не можем допустить, чтобы ваш отдых был омрачён этой случайностью. Вас разместят в подобающих условиях.

Лиза протянула мужчинам одну из сумок, но никто и не подумал взять её. Один из мужчин остался, другие, быстро осмотрев все комнаты, вышли на розыски других постояльцев.

Интересно, сможет ли Лиза сдвинуть с места всё своё барахло, да ещё и ребенка в придачу? Хотя зачем ей барахло? Тут уж не до показов мод...

Спустя минуту безликий мужчина уже вёл Лизу и Сержа к месту эвакуации. Конец коридора отсутствовал, словно был срезан гигантским ножом. К дыре был подставлен длинный подергивающийся шланг, всасывавший людей в большой авиабас.

Людей сгружали прямо на площадь перед отелем, каждую минуту прибывали новые и новые басы. Лиза с сыном оказались в числе первых эвакуированных. Лизе показалось, что она осмотрительно выбрала местечко возле ресторана. Однако вскоре каждый клочок земли оказался занят людьми, большинство из которых находилось на грани истерики. Лизу с сыном оттеснили от стены здания к колючим кустам, составлявшим, видимо, предмет гордости местных ландшафтных дизайнеров. Но чувствовать себя рядом сколь-либо комфортно не получалось.

Здания на площади оказались полностью заблокированы: на окна и двери домов опустились массивные защитные решётки, наличие которых трудно было заподозрить у лёгких воздушных сооружений. Вокруг площади выстроился полицейский кордон, не разрешающий никому покидать площадь. Несколько офицеров буднично и неторопливо объясняли, что людей вот-вот начнут забирать транспорты, что для постояльцев «Алмазных небес» уже выделен новый отель, и что надо потерпеть буквально пять-десять минут.

Расползающиеся сумерки добавляли суматохи и нервозности в происходящее. Эвакуированные всё прибывали, начали вспыхивать ссоры, склоки, раздоры. Лиза поняла, что если она хочет унести ноги, то следует заняться этим немедленно. У дальнего конца площади полицейский патруль пропускал на выход людей с местными пропусками. На мгновение задумавшись о том, какое генетическое отклонение было у чиновника, отдавшего это распоряжение, Лиза решила проблему пропуска быстро и просто: сняв с себя дорогое опаловое ожерелье.

Выбравшись за кордон, Лиза добежала до маленького переулка неподалеку. Повезло. Авто, взятое напрокат два дня назад, всё еще неприкаянно пылилось на том же месте, где Лиза его бросила. Лиза усадила и пристегнула

сынишку, отключила робота-водителя и сама взялась за руль. Волна тревоги отдалась в теле тонкими покалываниями, и страх вышел с уровня подсознания уверенностью: дело плохо. Где-то глубоко гигантская масса континента вибрирует и движется. Ох, и посмеются горные инженеры над тем, что их уроки покорения Проклятой шахты пригодились Лизе столь неожиданным образом...

Лиза едва успела выехать из лабиринта переулков на центральную улицу, как земля вздрогнула и мелко затряслась. Затормозив, Лиза быстро прижала Сержа к себе, пряча от звуков и запахов. Но закрыть свои уши она уже не могла, и жалобный пронзительный звук проник в каждую клеточку тела. Обернувшись, она застыла от ужаса. Огромная блестящая шляпка «Алмазных небес» рассыпалась водопадом битого стекла. Секция за секцией отрывались и неслись к земле номера... люксы... рестораны... апартаменты... Заходящее солнце отражалось в осколках миллионами красных и оранжевых зеркальных зайчиков, пронзавших потемневшее небо последними отражёнными лучиками света.

С площади донёсся единый вздох огромной людской массы, одновременно запричитавшей и заплакавшей. Лиза встряхнулась, сжала губы, вцепилась в руль и понеслась по пустым улицам прочь из города.

3. Поспешные решения

К тому моменту, когда машина выскочила с шоссе на единственную трансконтинентальную трассу, соединявшую два города Аллоя, у Лизы сложилось вполне разумное мнение, что делать дальше. Она направилась в космопорт, рассудив, что оставшимся отдыхом можно пренебречь, и уже имеющиеся впечатления она будет

переваривать ещё долго.

Тёмное ночное небо Аллоя заволокло мутными фиолетовыми тучами. Поднялся сильный ветер. В ясный тихий день дорога до космопорта по пустой трассе заняла бы не больше двух часов. Но мысль сбежать из райского уголка пришла в голову не только Лизе. Скопившиеся машины образовали длинную и медленно продвигающуюся пробку на подъезде к космопорту. Из самых лучших побуждений в воздушном пространстве курортов было ограничено использование флайеров, и теперь узкая трасса не могла вместить всех желающих попасть к кораблям.

Лиза упрямо протискивалась вперёд. Она чувствовала небольшие толчки и отгоняла мысли о том, что весь континент вот-вот оторвётся от древней основы и поплывёт по уже неуправляемому океану. Попытки связаться с кемлибо из властей или со службами космопорта были напрасными. Контакты для очень важных клиентов, предусмотрительно записанные Лизой, оказались бесполезны — по ним никто не отвечал. Оставалась надежда на универсальный решатель всех проблем — деньги.

Гигантская вереница машин заполнила все подъездные пути к космопорту. Лиза свернула на одну из запасных боковых стоянок и припарковала машину там. Подхватив ребёнка, она направилась прямо к тёмным громадам кораблей, в обход большого здания для пассажиров, где наверняка творилась несусветная давка. Мимо пробежало несколько техников, переругивающихся на ходу.

Препятствие в виде служебного пропускного пункта, вокруг которого уже собралась толпа, Лиза успешно преодолела нехитрым методом «платного спецпропуска». Рванувшись за тощей стюардессой «Космолайна», она оказалась возле выхода к стартовым площадкам. Неподалёку от него какой-то военный объяснял персоналу, что эвакуация жителей и гостей Аллоя проводится согласно

плану «Аврал», спешно изысканному в недрах каких-то кабинетов.

Почва под ногами казалась ненадёжной и неустойчивой. Серж вполголоса противно хныкал, как может хныкать только очень уставший ребенок. Давно забытые ветра Аллоя набирали силу и, развлекаясь, швыряли тудасюда мелкую пыль и обрывки мусора. В относительной близости от зданий космопорта Лиза разглядела несколько межпланетных кораблей. Основная масса людей бежала к шлюпкам и челнокам, и это было самым логичным на первый взгляд, однако второй и последующие взгляды подсказывали, что с разбором роя этой мелочи на орбите, скорее всего, возникнут проблемы.

Лиза направилась в сторону ближайшего «богатыря», но он оказался глухо задраенным и необитаемым. Следующей неудачей оказалась неуклюжая «панда», которую штурмовали какие-то оголтелые спортсмены. На входе в шлюз туристической крошки «дайриссы» высилась троица вооружённых охранников, обеспечивающих относительно спокойную посадку группы подростков. Группу сопровождала суетливая училка и невозмутимый толстяк, у которого Лиза и попробовала купить эксклюзивный билет для двух очень важных граждан системы Шести звёзд.

Мельком глянув на Сержа, сопровождающий сквозь зубы тихо предложил:

— Лишних мест нет, и выкидывать своих людей я не буду. Однако у нас есть запасная капсула для самых маленьких. Я могу забрать твоего пацана. Но только его одного.

Отдать чужим людям Сержа? Одного? Нет...

— Мы взлетим через десять минут. И послезавтра будем на Орхидее. А что будет здесь — и в преисподней ещё не знают. Спаси ребёнка, пока можешь. — И толстяк подставил Лизе свою полураскрытую сумку. — Высыпай

всё, что есть. Документы, деньги, драгоценности. Я доставлю твоего малыша в цивилизацию. В целости и добром здравии.

Лиза машинально послушалась. Крепко поцеловав сына и наказав ему ничего не бояться, она передала его толстяку. Серж исчез внутри корабля, люки закрылись, зажглись предупреждающие огни по периметру площадки, «дайрисса» начала плавно подниматься. Надо было бы успокоиться, но всё существо Лизы съедала тревога. Что, если поспешное решение окажется страшной ошибкой?

С трудом добравшись до следующей посадочной площадки, Лиза истерически рассмеялась. Толпа штурмовала изрядно потрёпанного «мастододнта», с которого была снята часть оснастки. Только сумасшедший мог надеяться войти в тоннель без навигационных антенн. На площадке чуть в стороне лежала элегантная «игла», набитая спасающимися. Обычно «иглы» не садились на планеты, так как взлёт требовал точного расчёта и изрядной сноровки. Решив, что ей некогда выяснять, есть ли среди толпы опытный пилот, Лиза побежала дальше.

Она почти добралась до маячащей впереди «игуаны»... «Сейчас рванёт», — сообщил какой-то вычислительный центр в голове, и Лиза, не раздумывая, бросилась на землю, закрыв голову руками.

Планету тряхнуло. Легко, ещё легче, совсем легонько... Наступила абсолютная, идеальная тишина. И через пару секунд мощный толчок подкинул маленькое тело в воздух, чтобы тут же впечатать его в твёрдый грунт.

Очнулась Лиза в темноте. Вопреки ощущениям голова оказалась на своём месте, руки-ноги остались целы, и органы чувств постепенно восстановились до привычной чёткости восприятия окружающего мира.

Над всегда освещённым космопортом царила глубо-

кая ночь. Небо заволокло низко-висящими бесформенными тучами, в которых взгляд тонул, не находя ни одного штриха для зацепки. Но в мутном свете отдельных аварийных огней нашлась опрокинутая «игуана». Завалился и «мастодонт», и большинство кораблей, не успевших уйти в космос до землетрясения. Лёгкие челноки разметало по сторонам, «иглу» накрыло обломками какого-то служебного строения. Ждать, что улетевшие корабли вернутся, не приходилось. Оставалось надеяться, что они позовут на помощь.

Лиза кое-как встала и отправилась обратно к зданию космопорта. Вскоре она наткнулась на первые мёртвые тела. Мертвецов Лиза не боялась, ей доводилось и помогать спасателям в горах, и вытаскивать тела из узких тоннелей Проклятой шахты. Но общее количество погибших наводило на нерадостные мысли о перспективах собственного спасения.

Около здания космопорта собралась толпа людей, среди которых было много раненых. Кому-то уже успели оказать первую помощь, кто-то ещё ждал своей очереди на перевязку. То и дело вспыхивали мелкие склоки. Несколько мужчин пытались навести хоть какой-то порядок, но их мало кто слушал. Ничего конкретного о случившемся никто не знал.

Постояв неподалёку от постепенно разрастающейся группы, Лиза медленно и осторожно отошла в сторону, стараясь, чтобы её движение не заметили. Космопорт — хорошая штука, только абсолютно бесполезная в условиях отсутствия связи. Пока толпа не понимает, но запасов воды и еды здесь хватит только на пару дней. А если катастрофа сбила орбитальные маяки, ждать спасения придётся недели и месяцы, а может, даже и годы. И это если кто-то сподобится прислать сюда миссию спасения.

Надо возвращаться в город и искать убежище.

4. Новые авторитеты

На стоянке прокатных авто никого не было, но сами машины выглядели неважно. Угадывать, в какой машине неисправны тормоза, Лизе не хотелось. Порыскав по разным подсобным постройкам, она обнаружила гараж транспортной службы, в котором стоял внедорожник с почти полной заправкой. Но едва она устроилась за рулём, как на пассажирское сиденье сзади забралась парочка мужчин в грязных комбинезонах техников. Один из них нетерпеливо скомандовал:

— Чего ждёшь, дамочка? Ускоряйся, давай. Запасов в буфете хватит на три дня. Надо валить, пока охрана не додумалась, что мы — всего лишь мясо.

Попутчики Лизе не понравились, но разбираться было некогда. У ворот со стороны посадочного поля послышались громкие голоса, и она поспешила покинуть гараж через выезд с другой стороны. И через пару минут была вынуждена признать, что попутчики очень даже пригодились. Без их толковых указаний она наверняка бы заблудилась в паутине разных дорожек и проездов.

Короткое совещание троица провела уже у поворота на трансконтинентальную трассу. Техники считали, что Линой богаче и безопаснее Ксантуя, но в сторону Линоя трасса была сплошь забита машинами, частично покорёженными и разбитыми. Другой путь оставался свободным, и Лиза повернула к Ксантую.

В других обстоятельствах ночная гонка могла бы показаться даже увлекательной, но ситуация резко и быстро ухудшалась. Шквальные порывы ветра грозили опрокинуть машину, едва заметные маленькие толчки мешали набрать скорость. Лизе приходилось лавировать, да ещё и угадывать, в какой момент как развернуться. В свете фар было невозможно разглядеть, что делается по сторо-

нам шоссе, и путешествие казалось прорывом сквозь тоннель из пыли. Редкие попутные машины двигались намного медленнее и осторожнее, и Лиза их обгоняла, не обращая внимания на сердитые гудки. Что гудеть-то?

По мере приближения к городу начали всё чаще попадаться встречные машины — наивные курортники надеялись добраться в космопорт. Дорога превратилась в полосу препятствий из-за брошенных и разбитых машин. По обочинам сидели и стояли люди. Некоторые пытались голосовать или выбегать под колёса. Лиза уворачивалась, но недоумевала, почему они остаются на дороге.

В предрассветной пыльной мгле стало ясно, что землетрясение разрушило Ксантуй как кучку карточных домиков. Хрупкие громады казино со сложными системами переходов, огромные коробки развлекательных центров и дискотек, ажурные узоры башен отелей — всего этого больше не существовало. Были только завалы, груды битых стройматериалов и дымки пожаров, висящие над городом погребальными венками.

На пути внедорожника встал глухой завал из нескольких машин, и Лиза свернула с дороги на неровный луг. Её примеру последовало ещё несколько водителей сзади, но у них не было опыта скольжения по горному серпантину. Заскрежетал металл, раздались крики, но желания выяснять, что случилось, Лиза не испытывала. Почти у побережья оказался свободным один из проспектов, и она въехала в разрушенный город.

Лиза остановила машину возле развалин небольшого магазинчика. Один из попутчиков вежливо осведомился, как её зовут, после чего представился Тузом. Приятеля он назвал Центиком. После короткого знакомства техники отправились на разведку. Вскоре они вернулись, вооружённые бластерами и нагруженные упаковками с питьевой водой. Вместе с ними пришли две перепуганные

молодые женщины и хромающий старичок. Остаток дня компания разбирала кучу мусора над магазином, и к ночи измотанное сообщество пробилось к полкам, заваленным разной снедью.

На следующий день к группе присоединилось ещё два десятка человек. Под командой предприимчивого Туза в расчищенной коробке магазина разместили склад. Рядом в полуподвале организовалось жилое помещение. На свет небольшого костерка один за другим потянулись выжившие в катаклизме. Отряд быстро пополнялся.

Лиза полагала, что оружия на курорте мало, но вид увешанного бластерами Туза однозначно опровергал это заблуждение. Центик активно помогал приятелю в поисках оружия и разоружении прибывающих людей. Эти двое сразу давали понять всем остальным, что именно они тут главные.

Никаких признаков централизованной помощи пострадавшим не наблюдалось. А ещё один день ожидания спасателей начался с очередного мощного землетрясения. То, что чудом уцелело в первом катаклизме, было обречено на разрушение в новом бедствии. Тем не менее, расчищенный склад и полуподвал устояли, разрушаться было уже нечему. Воодушевленный этим обстоятельством Туз произнес пламенную речь, целиком посвященную необходимости сплочения для выживания. Непритязательный техник, всю жизнь ковырявшийся в запчастях, вдруг проявил талант вожака и оратора. Возможно, этому способствовала аморфность курортников, большинство из которых были уверены в обеспеченности своего будущего, и теперь полностью растерялись.

Как бы там ни было, у Лизы были еда, вода и крыша над головой. У неё был даже небольшой бластер — знак доверия недавних попутчиков. Не так уж плохо, особенно по сравнению с несчастными, найденные тела которых складывали в кучу и засыпали обломками...

Один из погибших особенно запомнился Лизе. Красивый юноша казался уснувшим божеством, и было грустно думать, что эта красота обречена сгинуть в тёмной яме. Из документов юноши следовало, что студент технологической академии Алекс Майнц приехал на Аллой развлечься после защиты диплома. Отдых оказался коротким. Всего три дня, а потом — общая безымянная могила. Лиза попыталась поговорить об этом с Тузом, но получила лишь весьма дельный совет: не тратить силы и нервы на бесполезные здесь и сейчас сожаления.

Лиза быстро сбились со счёта дней, и вскоре не могла сказать, миновала неделя или уже две, а может, и целый месяц. Отряд достиг почти сотни человек. Запасы первого раскопанного магазинчика кончились, и группа приступила к разбору завалов торгового комплекса неподалеку. Лиза не разгребала камни и не занималась перетаскиванием спасенных продуктов на склад — поговорив с Тузом, она получила разрешение на короткие поездки на машине вокруг и внутри города, благо заправочная станция нашлась не так далеко от лагеря. Машин на ходу у отряда было три, но Лиза по-прежнему ездила на внедорожнике из космопорта. Туз отправлял с ней одного-двух мужчин, но они апатично сидели на своих местах и боялись покидать машину.

Разведав все проезды вокруг лагеря, Лиза стала забираться всё дальше от города, составляя собственную карту местности. Среди остатков туристической дребедени было полно планов прохода из казино «Шанс» в отель «Куролесье», а также схем пешеходных прогулок до пляжа и обратно. Но ни одной большой карты с обозначениями объектов вне города не нашлось. А хранилища, склады и фермы должны были быть где-то неподалёку.

5. Находка и потеря

В очередную поездку Туз навязал Лизе в спутники парня с затравленным взглядом и невнятным мычанием вместо речи. Спутник этот сразу оказался проблемой. Большую часть времени он сидел с видом отправленного на заклание агнца, вжавшись в сидение. Но время от времени он вдруг начинал подпрыгивать и делать резкие взмахи руками, отчего Лиза пугалась и дёргала машину из стороны в сторону.

Путь по бездорожью, прямо по травяной равнине, поначалу казался вполне приемлемым. Потом машина начала подскакивать на кочках, стукаясь дном о торчащие там и сям камни. Лиза уже подумывала развернуться, как обнаружила наезженную колею. Колея вела в густой кустарник, обступавший дорогу плотной стеной. Постоянные повороты не позволяли видеть то, что впереди, и Лиза нервничала, опасаясь какой-нибудь неожиданной встречи.

Кустарник кончился, и машина оказалась на краю чудесного сада. Ветки старых деревьев клонились к земле, усыпанные сочными, переспевшими локсами. Лиза притормозила, чтобы осмотреться. Парнишка выскочил из машины и бросился срывать сладкие плоды. Жадно надкусывая их и тут же бросая, он убегал от ветки к ветке, от ствола к стволу. Лиза окликнула его, призывая вернуться, но он не реагировал. Пришлось вылезать из машины. Сначала Лизе казалось, что она легко догонит беглеца, но спятивший юнец мячиком перепрыгивал через корни и метался зигзагами между стволов деревьев, а Лизе вовсе не хотелось расшибиться в погоне за этим «зайцем». Спустя какое-то время она испугалась, что и сама может заблудиться в пусть прямых, но при этом и бесконечных рядах деревьев.

Как образумить безумца, Лиза не знала. Играть в догонялки устала. И решила, что пора поменяться ролями. Пусть юнец испугается и прибежит, когда поймёт, что она может оставить его одного. Вернувшись к машине, она медленно поехала вдоль сада, но парнишка будто и не заметил, что его оставили.

Сад быстро кончился. Колея привела на просторную поляну, в центре которой торчало вычурное здание. До катастрофы это был набор архитектурных кубиков, сложенных в подобие пирамиды. Землетрясение обрушило пирамиду в сторону, будто огромный ребёнок задел её ладошкой. Устоявшие кубики покрылись сетью трещин, и подходить близко было очевидно небезопасно. Тем не менее, Лиза рискнула заглянуть внутрь развалин.

Оказалось, что катастрофа не застала обитателей пирамиды врасплох. Нигде не валялись обрывки плёнки, тряпки, обгорелые деревяшки. Не было ни живых людей, ни трупов. И даже шкафы и столы корёжились от удара стихии уже пустыми. Обитатели этого необычного места провели планомерную и спокойную эвакуацию — упаковали всё ценное и организованно улетели. Счастливчики.

Зайдя за угол ближайшего большого куба, Лиза обнаружила парадный вход в здание и широкую подъездную дорогу. Занявшись прикидками, как проехать от кустарника к дороге, и подсчётами, хватит ли ей этого дня, чтобы разведать, куда эта дорога выведет, Лиза перестала смотреть под ноги и споткнулась о руку лежащего мужчины.

Лицо несчастного было изрядно ободрано, а неестественно вывернутая правая нога красноречиво объясняла, почему этот человек лежит. Потому что убегающие товарищи бросили раненого на верную погибель. Находка мертвеца немного примиряла с тем фактом, что пока курортники метались в отчаянии и умирали, обитатели Аллоя хладнокровно собирали вещи.

Тихий звук, который издал мертвец, едва не довёл Лизу до обморока. Неловко приподнявшись, мужчина взмахнул небольшой палкой, зажатой в руке. Этот жест мог быть в равной степени и агрессивной попыткой удара, и отчаянным призывом о помощи. Но ведь прошло уже много дней с момента катастрофы, неужели этот пострадавший валяется здесь с тех самых пор?

Уняв дрожь, Лиза попыталась успокоить мертвеца:

— Не бойся. Я не собираюсь тебя убивать.

Несколько коротких фраз, которые дались мертвецу с явным трудом, Лиза не поняла. Она попробовала ответить на твантрийском и на ломаном анатолийском, но мертвец выразительно помахал окровавленной рукой. Тоже не понял. Вот правду говорят: половина бед ойкумены — из-за того, что всякие разумные твари разных языков напридумывали.

Лиза вытащила из кармана маленькую бутылку с водой:

— Аш два о — универсальный растворитель. Хочешь? Тебе такое можно? В лужицу не превратишься?

Нет, не превратится. И не будет жадно опустошать бутылку, а размеренными маленькими глотками утолит жажду, оставив немного воды про запас. Выходит, и впрямь разумный мертвец.

Изобразив, что она держится за руль, Лиза попыталась издать звуки, похожие на шум двигателя:

— Фы-фы, уууу, уииии.

Мужчина явно обрадовался, но когда Лиза показала на дорогу, снова резко замотал рукой и сделал попытку объясниться, наверное, на десятке языков галактики. Хвала звёздам, один язык Лиза смутно, но распознала. Объект, взрыв, стоп, опасность, запрет — похоже, мужчина твердил, что по дороге проехать нельзя.

— Лежи спокойно. Я подгоню машину поближе.

Когда Лиза вернулась к незнакомцу, оказалось, что он исчез. Может, не надо было наедаться локсами? Говорят, перезрелые пьянят не хуже старых вин Бугендаля. А Лизу пьянит даже смурянский сок. Уж не спит ли она?

После нескольких минут замешательства Лиза разглядела незнакомца. Он медленно уползал от здания на четвереньках, демонстрируя стойкость к боли, отчаянное желание выжить и непонимание реальных шансов этого выживания. Лиза догнала его и показала на чёрное пятно автомобиля. Но попытку помощи незнакомец решительно отверг. Ладно, хочет ползти — пусть ползёт.

Добравшись до внедорожника, незакомец устало привалился к колесу. Немного отдышавшись, он покопался в карманах штанов и достал порядком измусоленный кусок бумаги. Кусок развернулся и превратился в крупномасштабную карту материка, расчерченную паутиной дорог, каналов, линий связи и всего подобного. Ткнув пальцем сначала в одну точку, потом в другую, незнакомец обозначил маршрут следования между ними, добавив на кервини: «Мир. Дом. Хлеб».

Лиза показала на пятно у побережья:

- Ксантуй. Я возвращаюсь туда.
- Нет. Там плохо. Нет домов. Нет света. Нет воды.
 Море скоро придёт.
- Там люди. Лекарства. Шанс на связь. Корабли не приземлятся завтра. И уж точно они не приземлятся здесь. А сейчас день к вечеру, у нас мало времени. Ты едешь? Или остаёшься?

Мужчина приложил руку к груди и, промурлыкав чтото непонятное, растянуто представился: «Тээй». Лиза тоже приложила руку к груди и сообщила своё имя: «Лиза».

— Лиииссаа. — Будто смакуя каждый звук, повторил Тей, и его ободранное лицо вдруг осветилось обаятельной улыбкой.

Два локса определённо вдохнули в Тея сил. Он сумел самостоятельно забраться в машину и принялся энергично мурлыкать какие-то объяснения ничего не понимающей Лизе. Впрочем, даже если бы Лиза и понимала, её мысли были поглощены мальчишкой, оставленным в саду.

Юнец сидел недалеко от дороги, у ствола старого наклонившегося дерева. Лиза остановилась и вылезла из машины, надеясь, что бегать больше не придётся. Вокруг мальчишки были разбросаны измятые фрукты, а остро-неприятный запах от лужиц слизи рядом подсказывал, что любитель сладкого обожрался до такой степени, что организм отказался принимать пьянящую мякоть локсов. Не пришлось бы этого сумасшедшего волоком ташить.

Дотронувшись до парнишки, Лиза поняла, что тащить его уже некуда. Райский сад, полный волшебных фруктов, указал ему дорогу в иные пределы. И надо же было спастись от падающих крыш и летающих камней, чтобы потом оказаться в плену сладкого безумия...

Обратная дорога сквозь кустарник оказалась нервной из-за сумерек, которые накрыли заросли раньше привычного вечернего времени. Тей молчал, но теперь желанная тишина Лизу тревожила. В этой тишине был отголосок какого-то далёкого шума, и этот шум казался опасным.

К городу Лиза подъехала в расползающейся темноте, по шоссе со стороны северного залива. Высокая набережная и смотровые площадки были смыты, как будто никогда и не существовали. Пологий плоский берег казался абсолютно спокойным. На морской глади не было ни единой морщинки, не единого намёка на волну.

А потом вдруг море задрожало, разом покрывшись крохотными мурашками. Аллой готовился к новому землетрясению.

6. Экстремальная медицина

Туз и Центик встретили Лизу холодно. Лиза вкратце сообщила о произошедшем, предводители скептически оглядели вновь прибывшего и хмуро предложили ему устраиваться самостоятельно, поскольку возиться с инвалидами некому. Да и какая может быть возня, когда жизни на кону.

Оказалось, что едва Лиза уехала, отряд подвергся нападению со стороны. Неожиданных врагов было около двадцати — сплошь мужчины, все хорошо вооруженные. Отряд, пытавшийся сопротивляться грабежу и разбою, потерял двенадцать человек убитыми. Пять молодых женщин были связаны и увезены на лучшей из остававшихся машин. Исчезла почти четверть запасов склада. И возвращение банды было вопросом времени.

Отряд, только-только почувствовавший возможность жизни в самых сложных условиях, совершенно упал духом. Пошли разговоры, что спасательная экспедиция никогда не прибудет, что запасов продуктов в завалах не хватит до бесконечности, что всё равно всех убьют. Люди разбрелись по маленьким закоулкам, выискивая норы и щели, где можно было бы спрятаться и затаиться.

Пока Лиза выясняла, что да как, Тей облюбовал место возле низкой полуразрушенной стены, быстро обустроил там лежбище и начал изучать состояние своей сломанной ноги. Когда Лиза добралась до него с медикаментами, он сидел и осторожно ощупывал щиколотку. Нога была покрыта иссиня-чёрными пятнами, но костей наружу не торчало. Однако медленные движения длинных пальцев и спокойное отстраненное выражение тёмных глаз подсказывали Лизе, что дела достаточно плохи.

Покопавшись в принесённых таблетках, Тей выбрал несколько капсул и тут же их проглотил, запив чистой

водой из бутылки. Глубоко вздохнув, он парой резких манипуляций вернул стопу в правильное положение. Разлившаяся по лицу мужчины бледность и сорвавшийся стон свидетельствовали о боли, которую измученный организм мог и не выдержать. Лиза попыталась воззвать к чувству здравого смысла Тея, но бедолага ничего не понимал. Обмотав ногу каким-то тряпьём, он улёгся в угол к стене и знаком показал, что собирается поспать.

На рассвете Лиза пришла его проведать и обнаружила, что бессознательное тело инвалида явно пожирает инфекция. Пришлось отправиться к тем, кто хотя бы отчасти был знаком с медициной.

В группе выживших было два медика. Но если семейный врач Левил Сомов обладал хоть какими-то практическими навыками лечения больных, чиновник системы здравоохранения Пауль Блиц последние двадцать хроносов работал со страховой отчётностью. Но всё же Лиза решила привлечь его к лечению Тея. Лекции по анатомии чиновник всё-таки слушал, может, и вспомнит чтонибудь важное. Доктору Лиза пообещала набор рыбных консервов, чиновнику — коробку шоколада. В помощники к докторам Лиза позвала Иветту — молодую женщину, которая казалась ей спокойной и здравомыслящей. Иветта не стала ничего просить, и Лиза поняла, что не ошиблась в своей симпатии. Заинтересовавшемуся Центику Лиза объяснила, что хочет спасти новичка, так как он знает местность. Поразмыслив, Центик решил, что вреда от медицинских экспериментов на живом человеке не будет, и даже притащил откуда-то пару одеял.

Всевозможные приготовления заняли почти два часа. Наконец, Тея перенесли в полуподвал, под крышу, и уложили на большую столешницу, накрытую клеёнкой и большой простыней. Лиза с Иветтой освободили пострадавшую ногу от лохмотьев и остатков повязки. Сомов посадил на шею пациента нескольких жучков

с лекарствами, и медики принялись колдовать над пострадавшей конечностью, переговариваясь на своем врачебном тарабарском языке.

Со слов доктора картина складывалась не слишком оптимистичная, но не безнадежная. Вопреки представлениям Лизы, Тей не лежал возле развалин дни и недели. Он сломал ногу максимум за пару часов до встречи. Скорее всего, неудачно приземлился на ногу, спрыгнув или упав с некоторой высоты. Сам перелом не представлял опасности, и воспаление можно было снять лекарствами, однако внутри тканей могло остаться много мелких осколков, а проверить это можно было только доисторическим способом — разрезав ногу и поковырявшись в ней. К чему медицинская бригада незамедлительно и приступила.

Часа через полтора, зашив сделанные разрезы, Сомов вкатил пациенту ещё несколько усиленных доз разных лекарств, хлебнул спирта и отправился почивать на лаврах. Пауль соорудил на ноге Тея толстую повязку и удалился, буквально сияя гордостью. Иветта тоже ушла, и Лиза осталась караулить сон пациента в одиночестве.

Тей пришел в себя лишь на следующий день к полудию. Открыв глаза, он долго вглядывался в тёмные балки потолка, потом медленно приподнялся на локтях. Увидев вместо ноги белый валенок, он плавно сел и, словно не веря своим глазам, осторожно коснулся кончиками пальцев белой поверхности. Подняв взгляд, он уставился на Лизу и, что-то вспомнив, неуверенно прохрипел:

— Ли-са?

Она с улыбкой ответила:

— Лиза, Лиза. Лежи спокойно, я сейчас принесу тебе поесть.

Минут десять Тей что-то осмысливал, к чему-то прислушивался — не то внутри себя, не то в далёком космосе. Потом выдал на чистом кервини:

- Чудесное просветление. Я всё понимаю. Вы что, вкатили мне трион?
- Мы сделали тебе операцию. Возможно, кости и не срастутся правильно, зато и не сгниют изнутри. Твоя нога останется при тебе.

Тей снова огляделся и спросил:

- Я ведь на Аллое?
- Да. Ты на Аллое. На самом дорогом курорте галактики. В сказочном месте сбывающихся грёз. Видишь, как сияют казино, чувствуешь, какой вкусный аромат плывёт от ресторанов? Посмотри, какие красивые люди гуляют в стильных нарядах. Сказка!

Тей улыбнулся и быстро ответил:

 Сказка, что за мной ухаживает самая красивая женшина галактики.

Лиза машинально оглянулась, но никого рядом не обнаружила. Сообразив, что сказанное — лишь неуместный комплимент, она строго распорядилась:

— Тебе надо поесть и поспать.

Тей умял порцию порошковой каши и снова заснул. А очень довольная собой Лиза отправилась рассказать медицинской бригаде о достигнутом успехе.

7. Улучшитель настроения

Несмотря на все уговоры Лизы и доктора Сомова, через сутки Тей поднялся на ноги. Иветта раздобыла ему добротную одежду. А Центик притащил модный до умопомрачения ботинок. Один. С логикой не поспоришь. Одна нога — один ботинок. Одна толстая повязка — один напяленный сверху плотный пакет.

Осмотревшись, Тей нашел обломок какой-то рамы и превратил его в нелепые, но сносные костыли. С этой

импровизированной опорой он обошел все развалины, после чего собрал совещание. Лиза даже не поняла, как ему это удалось. Но с фактами, как и с логикой не поспоришь — и Туз, и Центик, и оба медика, и ещё с десяток мужчин собрались всё в том же полуподвале вокруг Тея, чтобы послушать его речи и поглазеть на карту материка.

Лиза осталась вне этого круга посвященных и обиделась на то, что её отстранили от обсуждения важных вопросов. Но она не собиралась так просто сдаваться. Устроившись под разрушенным оконным проёмом, она внимательно вслушивалась в обрывки доносившихся разговоров.

Тей ратовал за переселение из города на какую-то базу федералов. Укреплённые сооружения базы были надёжнее любых подвалов. До расположенной далеко от побережья и на возвышении базы не могли добраться цунами. На базе был резервный запас воды и пищи, наверняка рассчитанный на пару хроносов. И был запас оружия для месячной круговой обороны. Без этой полезной опции в проекте федералы попросту не начинали строительство своих баз, и не было причин думать, что Аллой стал исключением. Тей настойчиво указывал на карте определенную точку и повторял: «Мир, дом, хлеб», как если бы это было заклинание, решающее все проблемы.

То ли заклинание подействовало, то ли Тей был убедителен, но собравшиеся дружно согласились, что надо переезжать. Туз и Центик, забыв все речи о самостоятельности инвалидов, заботливо проводили уставшего Тея в крепкую подсобку, где жили сами. И остальные участники собрания начали стаскивать в подсобку множество ценных вещей и инструментов.

Следующим утром, стараясь не привлекать внимания к своим перемещениям, Лиза осторожно собрала сумку всякой всячины: немного продуктов, воды на три дня и сколько только можно унести лекарств. Лиза не знала,

чем занимаются остальные, и горестно охнула, когда в её закуток приковылял Тей. Белый «валенок» на его ноге перекрасился во все оттенки коричневого и серого. На ещё недавно чистой рубашке расплылись грязные пятна. А на руках появились свежие царапины.

Лиза протянула Тею бутылку воды и констатировала:

- Ты сумасшедший.
- Сказала чокнутая красотка. Спасибо, сочту за признание моей исключительности.

Напившись и неловко усевшись на большой обломок, Тей бросил на колени Лизы небольшую белую коробочку. Внутри лежали тонкие трубочки.

- Возьми одну и подыши сквозь неё. Это клементин. Федералы и римеции запретили это баловство, так что если явится наркоконтроль, придётся отработать пару хроносов в какой-нибудь богадельне. Но лично я не буду возражать.
 - Это наркотик?
 - Улучшитель настроения.

Лиза заколебалась, но пальцы сами потянулись к запретной штучке. Сделав несколько вдохов, она ничего не почувствовала. Просто тело потеряло вес. Просто доносящиеся откуда-то голоса превратились в весёлую музыку. Просто мир обрел сочные, насыщенные краски.

В чёрных глазах Тея плеснулись любопытные золотые рыбки, и Лиза попыталась объяснить, что чувствует:

— Будто время замедлилось. Я так много всего вижу. Каждую пылинку как планету. Это надолго? Как я пойму, что действие кончилось? Это будет неожиданно? Мне станет плохо? Голова перестанет соображать?

Тей внимательно выслушал поток вопросов, но вместо ответов пожал плечами:

— Ты говоришь на языке, которого я не понимаю. По интонации он похож на пратерранский, но я не узнаю ни одного слова.

Ещё бы он узнал. Клементин вернул Лизу к родной речи. К полузабытому языку, говорить на котором было приятно, но опасно. Если Тей разболтает другим, что Лиза говорит на неведомом языке, у неё будут проблемы похлеще, чем встряска планеты.

Заставив себя переключиться на кервини, Лиза выдала несколько самых общих фраз о том, что клементин — великолепное баловство, и она обязательно побалуется с ним ещё раз.

Тей перескочил на анатолийский, потом на хурунди. За ставрианским он проверил, знает ли Лиза динорийский. Язык Великого мира Лиза узнала, но вот остальных никогда и не слышала. Это её немного утешило. Если Тей выдаст её, она выдаст и его тоже. Пять раз.

Посомневавшись, Тей сказал длинную фразу на мерийском, и этот переход изрядно удивил Лизу. Словарный запас подвёл её, и выстроить ответ она не смогла, но и несколько отдельных слов, что вспомнились, заставили Тея ошеломлённо замереть. Не дожидаясь его расспросов, Лиза на кервини пояснила:

— Можешь не верить, но последний мерянин умер на моих руках.

Пару минут Тей молча смотрел на неё, но всё же поверил:

- Вроде бы вселенная расширяется. Но разумным существам в ней всё теснее.
- Мы понимаем друг друга на трёх языках ойкумены. Этого мало?
 - Эти языки все понимают.
 - А тебе нужны секреты?

Тей принялся что-то объяснять, но Лиза перестала распознавать звуки и слова. Тихие волны уносили её из бункера в счастливую безмятежность, и она не могла сопротивляться их обволакивающей мягкости...

8. Побег

Лиза отлично выспалась, но пробуждение оказалось нервным.

Рано утром отряд быстро и бесшумно сдался вновь появившейся вооружённой банде. К удивлению Лизы оказалось, что борьба шла не за припасы или воду, а за удобные площадки и полуподвалы. За вооружёнными мужчинами в развалины пришло ещё около сотни людей. Некоторые из них были избиты. Бандиты распоряжались короткими, не подлежащими обсуждению приказами, и недвусмысленно демонстрировали бластеры и дубинки.

Всех, кто не входил в верхушку банды, разделили на несколько групп. С подачи Сомова Лиза и Тей оказались в одной группе с ним. Каждой группе указали место, в котором следует жить, и выдали порцию приказов, чем заниматься. Сомов попытался заявить о себе, как о докторе, но новых предводителей медицина не интересовала. Группу отправили в соседний квартал — пробиваться к бару игрового центра. Один из вожаков банды, прозванный Псом, время от времени контролировал, что делает группа, поэтому откровенно филонить не получалось, но и убиваться на тяжёлой работе никто не собирался.

К автомобилям никого не подпускали. Однако и сами главари никуда не ездили. Машины были отогнаны к бесполезным кучам металла и, кажется, забыты там.

Самым неприятным нововведением стало ограничение продуктового пайка и потребления питьевой воды. Группе Лизы удалось несколько улучшить рацион — за счет того, что Иветта попала в число поваров, но было понятно, что на такой диете долго не протянуть.

Тей ковылял до места завала вместе со всеми, но реально помочь мог только советами, хотя и дельными.

Поначалу он вызывал особенное раздражение у Пса, но однажды Лиза обнаружила, что Пёс заинтересованно вникает всё тем же соображениям Тея о необходимости покинуть город и перебраться туда, где приближающаяся зима не сможет убить людей ни холодом, ни голодом, ни ссорами.

Дни тянулись и сменяли друг друга, тупая работа и скудная еда становились привычными, случающиеся трагедии воспринимались буднично и равнодушно.

Один из главарей банды демонстративно забил насмерть свою подружку — за то, что она припрятала случайно найденный бластер в своей одежде. Лиза не стала смотреть на расправу, но для некоторых выживших это стало отличным развлечением. Пожилой мужчина, одержимый манией собирательства, задохнулся в одном из завалов, куда непонятно как залез. И ещё несколько дней сообщество дружно веселилось над этой нелепой кончиной. Бедняга Пауль погиб под бетонной плитой. Хотя его сравнительно быстро вытащили, всё, что смог сделать Сомов — дать ему уйти во сне, без боли. Тело Пауля отнесли к общим могилам, и Лиза осознала, что все выжившие оказались людьми без имён и биографий. Сможет ли семья чиновника от здравоохранения узнать, что их муж и отец встретил свою смерть здесь, на краю разрушенного города? Или он так и останется без вести пропавшим в далёкой катастрофе?

На территории Ксантуя, изначально спланированного в виде трёх больших секторов, сложилось три группировки с примерно схожими жёсткими порядками. На границах районов вспыхивали мелкие стычки, но пока группировки не рисковали развязывать серьёзные войны. Видимость стабильности успокаивала многих копателей и собирателей, но Лиза не собиралась привыкать к такой жизни. Огромная балка, свалившаяся с тоненьких опор, перегораживала проход в один из ресторанов. Балку долбили, пилили, крошили, только что не грызли, но монументальный блок не желал сдаваться настырности маленьких сапиенсов. Лиза уныло ковыряла балку железным прутом, по несколько пылинок углубляя дырку в неподатливом материале.

Тей приковылял и уселся рядом, весело улыбнувшись.

- Энергичней, Сероглазка. Что за нежности с бетоном?
 - Ты где опять расцарапался, бездельник?
 - Не скажу.
 - Клементин вечером принесёшь?
- Нет. Тебе нельзя расслабляться. Час икс завтра на рассвете. Предупреди всех своих. Никаких сборов, никакой возни, никаких лишних людей. Моршан местный, знает дороги, поэтому ты поедешь второй, а Зенон третьим. Но имей в виду, если Моршан точно проскочит, тебя могут успеть заблокировать. Проверь все развилки.
 - Я проверяю каждый день. Не беспокойся.
- Если кто-то опоздает или отстанет не жди, не сомневайся, уезжай, как запланировано. И твоя задача не останавливаться. Не вникай, что происходит, не оглядывайся, мчись вперёд и всё. И не пытайся отстреливаться, Туз и Центик справятся с этим лучше тебя.
 - Я всё помню. Иди, расскажи остальным.

Самым слабым местом плана был захват машин. И если Моршан мог затаиться поблизости от «парковки», Лиза никак не могла исчезнуть без лишних вопросов любопытных соседей. До полуночи её била тревожная дрожь, однако когда пришло время действовать, она успокоилась.

Первая половина пути до машины прошла без происшествий. Но на одном из прямых и открытых участков

гулял подвыпивший бандит. Что-то заподозрив, он начал всматриваться в развалины, не в силах удержать фонарик ровно. Лиза замерла за выступом покорёженной вывески. Наконец, пьянчуга успокоился и потащился дальше. Однако Лизе пришлось обойти его по завалу, рискуя или свалиться, или случайно столкнуть какой-нибудь нестабильный обломок.

Добравшись до пятачка, на котором стояли машины, она молнией метнулась к внедорожнику. Вскоре тихий свист известил её, что и первая, и третья машины готовы. Усевшись за руль, Лиза представила себе долину Красного ручья и серпантин Горячей горы. Если уж ей покорился самый рискованный маршрут Твантры, и по Аллою она проедет. Без проблем.

Короткий «пик» — и Лиза тихо поползла по лабиринту развалин, едва подсвечивая себе дорогу на самой минимальной яркости фар. На заданных точках в машину запрыгивали люди, быстро и бесшумно занимая свои места. Туз забрался на крышу с бластером наготове. Иветта свернулась комочком в багажнике. Тей на удивление ловко занял место рядом с Лизой, и почти тут же рядом с ним на подножке завис Пёс.

Уже казалось, что побег пройдёт без осложнений, как раздались крики, и темноту прорезали вспышки выстрелов. Пёс усмехнулся и повёл ответный огонь так, как если бы в воскресный день решил неторопливо пострелять в тире. Неприметный до того старичок с другой стороны, наоборот, принялся издавать воинственные крики и палить куда-то в сторону. Один из бандитов остановился впереди сбоку и сделал несколько выстрелов в упор по кабине. Лиза вильнула по сложной волне, сбив стрелка крылом внедорожника. Перестрелка стихла, но шум сбоку подсказывал, что стычка сместилась к другой машине.

Пробравшись по намеченному маршруту, Лиза выскочила на проспект, ведущий к северному шоссе.

Через квартал на проспект вынырнула горящая машина Зенона. Вслед за ней из развалин выбежало несколько бандитов. Короткий разгон, быстрый бросок, резкий разворот, и вот уже Пёс стреляет по бывшим дружкам, Центик поливает машину Зенона пеной, а Тей затаскивает во внедорожник какого-то ротозея.

Вот и машина Моршана. Время улепётывать.

Караван из трёх машин набрал скорость и вырвался на северное шоссе.

9. Ралли

Первую остановку беглецы сделали уже за городом. Всего в машины набилось двадцать восемь человек. Один не появился на точке посадки, другой решил сдать весь план бандитам, но был перехвачен. Пять человек получили лёгкие ранения, Моршан здорово измял бока машины, почти всё оружие оказалось полностью разряжено, однако все дружно согласились, что им повезло.

Короткий отдых — и внедорожник Лизы первым скатился на широкое поле. После слалома по трассе началось лавирование по узкой извилистой дороге, ещё и заставленной шлагбаумами. Зато за очередным просветом между деревьев машина выскочила на идеально ровную и словно никогда не знавшую колёс трассу.

После бездорожья катить по гладкому шоссе было невероятным удовольствием и, поддавшись соблазну, Лиза разогнала машину до максимальной скорости. Эх, и почему на Твантре нет таких дорог? Она бы гоняла по ним с утра до вечера, наслаждаясь скоростью, мельтешением смазанных полос по бокам и видом исчезающей под колесами ленты дороги. Так бы и мчаться всё время вперёд...

Шоссе оборвалось подготовленной, но не доделанной насыпью, за которой тянулась обычная просёлочная дорога. Успешно проскочив и её, Лиза вырулила к площадке, заставленной контейнерами. Несколько открытых и пустых контейнеров подсказывали, что склад давно брошен, но рядом с заколоченным домиком администрации стоял ряд новых контейнеров с целыми пломбами и замками.

Лиза остановилась, пассажиры принялись разминать ноги и осматриваться. Тей намочил маленькое полотенце и протянул его Лизе:

- Ты вся в пыли. Протри лицо, и поморгай глазами нет ощущения сухости или попадания песчинки?
 - Нет. Всё в порядке.

Лиза последовала совету, мельком посмотрелась в зеркало и рассмеялась. Любой абориген земли Фуфу гордился бы подобной боевой раскраской. Пришлось оттираться медленнее и тщательнее. Тей свёл брови и заметил:

- В воздухе много примесей, и облака висят жёлтокоричневые. Не пойму, откуда могло принести столько пыли. На Аллое нет пустынь, а на вулканический пепел не похоже.
- Может, смерчи всосали что-нибудь из недр. Ктонибудь умный из университета Колумина однажды сочинит что-нибудь правдоподобное на этот счёт. Ты как? Нога болит?
- Терпимо. Тей протянул ей карту и обозначил местонахождение машин. Смотри, мы где-то здесь. Нам нужно двигаться примерно вот так. Уже недалеко.
- Тогда надо двигаться. Или оставаться здесь на ночлег.
 - Ты устала. Поменяйся с кем-нибудь, отдохни.
- Я не устала. И я не люблю ездить, когда за рулём кто-то другой.

Через несколько минут беглецы снова пустились в путь. Но дорога стала хуже. Приходилось петлять среди деревьев и кустов, объезжать неожиданные изгороди, форсировать канавы. Вглядываясь вперёд, Лиза слилась с машиной, стремясь как можно быстрее преодолеть эту нескончаемую полосу препятствий. Другие машины отставали, приходилось останавливаться и дожилаться их.

Одно из особенно томительных ожиданий закончилось выползанием из кустов машины Моршана, облепленной людьми со всех сторон. У третьей машины закончилось топливо, а запасной топливный элемент оказался бракованным, и его заклинило в ячейке. Пришлось бросить бесполезную машину и распределить людей по оставшимся двум транспортным средствам.

Образовавшийся кризис посадочных мест привел к тому, что на коленях у Пса оказалась миловидная девушка, отмечавшая каждое потряхивание машины неприятными взвизгами. Лиза поневоле сбавила скорость.

Обещанное «недалеко» никак не превращалось в «рядом», едва различимая дорога вывела в поле и исчезла среди ровных полосок земли. На карте дорога упиралась в ряды квадратиков, но в реальности не было ни дороги, ни каких-либо признаков объектов, которые могли соответствовать этим квадратикам. Некоторое время Лиза осторожно пробиралась между полосок, предназначенных для посадки каких-то культурных растений. Но за полем с ровными грядками оказалась широкая равхаотичными кочками травы, растущими на зыбком грунте. Колёса стали увязать, пробуксовывать, выкапывать ямы, и стало ясно, что дальше придётся идти пешком.

Короткая передышка — и вереница беглецов растянулась по полю длинными и неравномерными векторами.

10. Без пяти минут в раю

Земля время от времени вибрировала, кое-где образовывались тоненькие завихрения, вполне способные быстро разрастись до больших смерчей. Воздух был полон мелкой пыли и разнообразных запахов. Лиза неторопливо шагала за Сомовым, чувствуя себя вполне комфортно. С какой-то стороны ситуация казалась ей даже забавной. Если бы она отказалась от отдыха на Аллое, вероятно, бродила бы сейчас по равнине над Проклятой шахтой. А там ещё и не такие завихрения случаются.

Тей намотал дополнительный слой тряпок на свою ногу и пытался помогать себе длинным железным прутом. Тонкая железка проваливалась в грунт и была слишком увесистой, вполне подходя для участия в рейтинге «наименее удобные подручные средства для использования в качестве костыля». Увы, приближение заветного убежища, кажется, сделало личность Тея куда менее значимой, чем до отъезда из города. Никто не пытался ему помочь. Впрочем, и помощь Лизы выразилась лишь в проявлении сочувствия. Тей поморщился и от любой помощи отказался.

Первым шагал Пёс. Его размеренные и медлительные шаги постепенно увеличивали расстояние от начала до конца цепочки. Сразу за Псом следовало несколько таких же целеустремленных и бодрых мужчин. Миловидная девушка, радостно взвизгивавшая в машине, как оказалось с не меньшей экспрессией взвизгивает и во время хольбы.

Время растянулось до бесконечности. Несмотря на усилия, казалось, что люди едва двигаются. Лиза старалась не думать о том, что дом с хлебом и миром вполне мог быть разрушен, разграблен и захвачен какиминибудь негодяями.

Серые облака, закрывшие некогда чистое небо Аллоя, начали темнеть и сгущаться — близилась ночь. Тей начал отставать от остальной группы, по крохотным бисеринкам пота на его лбу было понятно, что каждое движение дается ему труднее предыдущего. Лиза замедлила шаги, стараясь держаться в поле зрения Тея, но и не упуская из виду впереди идущих.

Однообразие окружающего пейзажа подавляло. Наконец, единственной зацепкой для глаза стало небольшое возвышение впереди — Лиза догадалась, что к нему-то они и направляются. Вскоре первые участники группы перешли на бег, за ними подтянулись остальные, Лиза и Тей остались вдвоем на уже весьма существенной дистанции от остальных.

И зачем, спрашивается, Лизе лишние проблемы? Давно ни с кем не нянчилась? Мало ли, что там разные классики писали в прошлых эпохах. Вовсе не обязательно отвечать за прирученное. Тем более, что это не прирученное, а так, подобранное по случаю на развале...

То, что Лиза с Теем медленно двигались, позволило им вовремя заметить, как впереди с двух сторон полукругом стягиваются тени. Но когда впереди раздались крики, Тей не дал Лизе утянуть себя на землю, а спокойно продолжил идти, как если бы ничего не происходило.

Дорогу группе из города преградил отряд нахмуренных мужчин, вооружённых крепкими дубинками. Судя по одежде, часть из них относилась к «Космолайну», и то, что горожане демонстрировали бластеры, вовсе не охладило их воинственный пыл.

Ситуация прояснилась, когда Лиза разглядела люк прямо в склоне холма. Люк был закрыт, но всем своим видом показывал, что именно за ним скрыто обещанное убежище. Также было очевидно, что произнесения «симсим» будет недостаточно для открытия бронированной «двери». И всё же группа собравшихся к убежищу людей

собиралась защищать его от всех прочих пришельцев. Схватка казалась неминуемой.

Тей негромко заговорил, повторяя одни и те же фразы на трёх самых популярных языках ойкумены. Мир, дом, хлеб, помощь, жизнь, надежда...

Простые слова резко встревожили Лизу, а потом она почувствовала усталость, апатию, смысл слов стал ускользать, захотелось свернуться комочком и никуда больше не идти, не ехать, не бежать. Энергичное отчаяние сменилось беспомощностью, смирением, желанием остаться в тишине и одиночестве.

Сильные пальцы, впившиеся в плечо, заставили Лизу идти вперёд. Тей, подталкивая её, прошёл сквозь строй людей с дубинками так, словно вокруг никого и не было. Его продолжающийся речитатив подавлял все мысли, кроме одной — слушаться, соглашаться, подчиняться, и Лиза перестала осознавать, где находится.

Тей более-менее уверенно дохромал до площадки перед люком, но споткнулся о небольшой бугорок и свалился, едва не утащив за собой и Лизу. Голос смолк, люди зашевелились и загомонили. Подбежавший Пёс помог Тею подняться и дотащиться до спрятанной сбоку панели управления. Мастер подчиняющего слова знал необходимый «сим-сим». Несколько движений длинных ободранных пальцев — и в огромном люке открылась небольшая дверь.

И отряд из города, и сторожа люка спокойно по очереди прошли внутрь убежища.

Осмотр, включение важных систем, скудный ужин — и Пёс собрал всех обитателей убежища в самом большом и пустом помещении. Самоизбранный президент объявил счастливцам, попавшим внутрь бункера, что отныне они являются не сворой беглецов, а колонистами, то есть людьми цивилизованными и безусловно подчиняющи-

мися руководителю колонии. Никаких протестов это не вызвало.

Лиза не могла протестовать, даже если бы захотела. Мир медленно вращался вокруг расплывающимися цветными пятнами, и её хотелось заснуть прямо в том неприметном уголке, что она облюбовала.

Тей сжал маленькую руку Лизы и весело заявил:

- Взбодрись, Сероглазка. Ведь ты на Аллое. На самой чудесной планете этой ойкумены. Видишь, как сверкают цветные огоньки, чувствуешь, какой свежестью наполнен воздух? Посмотри, какие замечательные люди будут жить рядом с нами. Сказка! И она только начинается.
 - А можно мне в хэппи-энд?

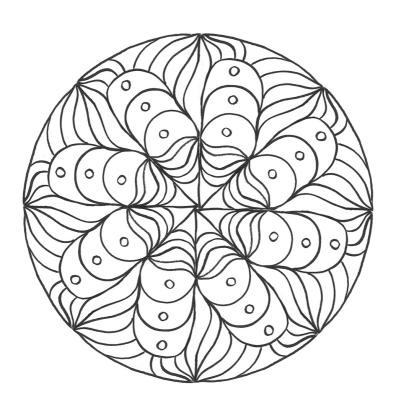
В чёрных глазах вспыхнули яркие золотые звёздочки.

— Конечно, можно... Внимание! Уважаемые путешественники, от станции Аллой здесь и сейчас отправляется трансгалактический скорый. Пункт назначения — хэппиэнд. Остановки в пути — по требованию. Время в пути — икс хроносов. Немедленно займите свои места в вагонах. Чух-чух-чух, фыр-фыр-фыр... Поехали, Сероглазка.

Лиза рассмеялась, чувствуя, как тает внутри ком сомнений.

Нудная речь новоявленного президента всё-таки закончилась, и колонисты разбрелись осваивать свой новый лом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ * БАЙКИ ХОЗЯЙКИ

11. Убежише

База состояла из двух основных уровней, расположенных не симметрично один под другим, а по сложной сетке, в узлах которой были оборудованы переходы. Было ещё два дополнительных уровня — один отводился под склады, и самой важной находкой на нём оказался запас питьевой воды в виде огромного стеллажа, заставленного двадцатилитровыми бутылями. Другой дополнительный уровень был завален разной техникой, запчастями, кабелями, контейнерами со всевозможными предупредительными надписями. Наверное, всё это представляло собой немалую ценность, но в сложившихся обстоятельствах казалось просто кучей хлама.

На нижнем основном уровне обнаружилось двадцать комнат, оборудованных под жилые помещения. Всего там могло разместиться больше полусотни человек. Лучшие апартаменты сразу занял Пёс. Лиза присоседилась к Иветте и визгливой девушке, которую звали Кирой. Ещё одной её соседкой стала томная Жизель, которая сразу же начала жаловаться на отсутствие комфорта. Лизе всё казалось достаточно удобным. Ей досталась мягкая большая кровать, приличный запас чистого постельного белья, несколько картинок на стене и два десятка слезливых женских романов.

Первые дни колонисты провели, в основном, молча, привыкая к новым обстоятельствам, отсыпаясь, отъедаясь и приспосабливаясь. Лиза с Иветтой разведали, что где находится и, пока не было никакой ясности с тем, как будут распределяться продукты, потихоньку утянули к себе в комнату коробку с консервами, пару бутылей воды и красивую упаковку с чем-то неизвестным. На всякий случай они также притащили с технического склада энное количество увесистых железяк.

Из сорока семи колонистов женщин оказалось лишь двенадцать. Такой расклад таил в себе отнюдь не иллюзорную опасность. Колония колонией, но мужчины — есть мужчины. Иветта уже прикидывала, кто из мужчин достаточно силен, чтобы защитить её от посягательств. Лизу столь расчётливый подход раздражал, но она понимала его разумную необходимость.

Постепенно выяснились перспективы колонистов на будущее. Пункт связи, хотя и действовал, был абсолютно бесполезен, так как не находил ни одного доступного спутника. Резервная энергетическая система базы работала стабильно и могла ещё хоть пару хроносов снабжать базу теплом и светом. Не лучшая ситуация сложилась с запасом воды — по оптимистичным расчетам выходило, что вся группа может продержаться на нём до пары хроносов, но при условии отказа от расходования на любые цели, кроме собственно питья. Правда, Пёс не собирался сидеть на базе взаперти — он надеялся, что иссохшее небо Аллоя всё-таки разразится дождями, и тогда можно будет собрать воду для разных бытовых нужд.

Часть колонистов получила «назначения» на различные работы. Иветта, по старой памяти, снова стала ответственной по кухне. Её лучезарные улыбки, адресованные президенту Псу, не оставляли сомнений в том, чьей подружкой она решила стать. Туз записался в полицейские. Сом возглавил команду врачей, в которую кроме него вошёл тщедушный молодой человек, утверждавший, что он физиотерапевт. Киру, Жизель и Лизу никак не выделили, и они присоединилась к безликой группе тех людей, чьи таланты пока не были востребованы.

Потянулись однообразные дни. От отсутствия какихлибо сторонних новостей любое происшествие в колонии разрасталось до космических масштабов, небольшие эмоции мгновенно превращались во вселенские страсти. А ожидание спасателей с небес всё больше походило на религиозный культ, которым проникались даже самые отъявленные атеисты.

Деятельная Иветта организовала условный ресторанчик. Одну небольшую комнатку с диковинной печкой она превратила в кухню, и дважды в день с помощью еще двух женщин и совсем молоденького мальчишки-подростка готовила там пресные на вкус, но сытные блюда. Вскоре между Иветтой, Псом и ещё двумя персонажами сложился четырёхугольник, ставший главным местным он-лайншоу. Во всяком случае, первое свидание Иветты и Пса обсуждалось с неделю во всех подробностях.

Специалисткой в любовных играх неожиданно показала себя Жизель. Её томные взгляды и многообещающие речи быстро сделали её роковой красоткой номер один. Местной валютой стали личные расписки на количество воды. И четвёрка азартных игроков, не озабоченная ни добычей пропитания, ни заботой о завтрашнем дне, проводя дни напролет в карточных играх, быстро создала «капитал», которого бы хватило на небольшое озеро.

Туз специализировался на длинных речах, всё больше напоминающих проповеди. Он произносил длинные монологи о надежде, терпении, ожидании, отсутствии причин для недовольства и уныния, а также о везении в находке «счастливого ковчега». Поначалу его выступления проходили с неизменным вниманием и энтузиазмом слушателей, но постепенно осталась лишь группа из семи-восьми фанатов, а остальные воспринимали эти речи лишь как своеобразное представление, единственный доступный вариант театра одного актёра.

Ещё одним развлечением стал дневник доктора Сомова. Романтика межзвездных путешествий и галактических открытий совершенно преображали то, что происходило на базе. События дня, помещённые в фантастический антураж, выглядели и благороднее, и интереснее.

У доктора образовался свой кружок преданных почитателей таланта.

Колонистки начали испытывать трудности с тем, чтобы держать на расстоянии ретивых поклонников. Каждую из женщин осаждало изрядное количество искателей женской любви и ласки. Появление дам на каких-либо общественных проповедях и чтениях неизменно сопровождалось всплеском ухаживаний разной степени изощрённости.

Только одна женщина оказалась вне зоны мужского интереса. Ни один из колонистов не сделал ни одной попытки завязать с Лизой хотя бы приятельские, дружеские отношения. За ней не ухаживали, с ней не заигрывали, с ней даже не заговаривали. А несколько робких попыток самой Лизы пообщаться с колонистами-мужчинами привели лишь к короткому формальному обмену банальными фразами. Это казалось необъяснимым и даже немного обидным. Неужели она настолько непривлекательна?

Секрет этой непривлекательности открыла Лизе всезнайка Иветта. Из её объяснений выходило, что на Лизе стоит невидимый штамп «Только для мужчин верхнего уровня. Приближаться и заговаривать — опасно для жизни». Поскольку Лиза оказалась единственной из женщин, кого «забронировал» верхний уровень, остальных такое положение дел устроило.

Верхний уровень являлся прибежищем для Тея, Зенона и ещё трёх колонистов. Тей выбрал в качестве жилья маленькую и неудобную каморку, единственным преимуществом которой была возможность использовать сразу четыре монитора. Сломанная нога доставляла ему достаточно неудобств, но он решительно отказался от чьейлибо помощи, предпочитая ковылять по базе самостоятельно и устраивать свой быт собственными руками.

Зенон поселился в зале, напичканном сложными при-

борами, экранами и компьютерами. «Автоматика автоматикой, а пара глаз не помешает», — присказка Зенона выражала лёгкое недоверие к технике, в которой он, впрочем, неплохо разбирался. Два паренька оказались заядлыми геймерами. Они оккупировали один из серверов, и в недрах виртуального пространства развязалась бесконечная война, жертвы которой исчислялись миллионами. Оба юноши казались живыми придатками машин, но над высказанным Лизой предложением оторвать ребят от игры, Тей с Зеноном только посмеялись. Геймеры были неуловимо похожи, и их начали называть по цвету волос — Рыжим и Чёрным.

Пятым постоянным обитателем верхнего уровня стал ничем не примечательный пожилой мужчина с длинным непроизносимым именем. Сам себя он называл Бизоном, так его и стали называть обитатели бункера. Бизон работал инженером-проектировщиком в известной транспортной мегакорпорации, но производил впечатление абсолютной флегмы, интересующейся исключительно едой, сном и спокойным ничегонеделанием.

Выяснив, что она «приписана» к этому мужскому коллективу, Лиза заняла на верхнем уровне кабинку не то связистов, не то программистов и превратила её в подобие кабинета для индивидуального времяпрепровождения. Делать ей было нечего, и она сутками напролёт читала и смотрела всё подряд из электронных библиотек базы. На всех языках, что могла найти.

Обитатели верхнего уровня обращали на Лизу не больше внимания, чем их гендерные собратья снизу. Лишь Бизон снисходительно приглашал Лизу на свои ежевечерние чаепития. Ему требовалось минут пятнадцать-двадцать для тренировки устной речи — иначе можно было утратить навык вербального общения. Монологи Бизона были посвящены разным актуальным глобально, но бесполезным здесь и сейчас размышлени-

ям. То он строил сложные дороги через галактику, то доказывал невозможность такого строительства в принципе, то решал нерешаемые логистические задачки по переброске грузов из Федерации в Великий мир, то утверждал, что из системы Медузы в Союз Римециев невозможно провести транспорт меньше, чем через четыре тоннеля. Лиза не могла поддержать разговор на адекватном уровне и ограничивалась короткими поддакиваниями и неопределённым блеянием.

Изо дня в день всё повторялось. Время застыло и перестало ощущаться.

12. Гендерная арифметика

Однажды вечером сонная Лиза, закончив чтение глупейшего сценария про безнадёжную любовь циркового клоуна к какой-то родовитой принцессе, абсолютно бездумно налила в кружку автоматически отмеренную порцию горячей воды, бросила в воду горстку чайных листиков и с точностью робота на конвейерной линии прошагала в комнату Бизона, чтобы выслушать его очередное речевое упражнение. Расслабленно плюхнувшись в кресло, она вдруг ощутила, как этот почтенный предмет мебели под ней задвигался и взвизгнул. Через секунду взвизгнула уже Лиза — во-первых, от ужаса, во-вторых, от боли: выплеснутый горячий чай обжёг её даже через ткань брюк.

Подскочив, Лиза ретировалась к двери, и обнаружила, что в её любимом кресле всхлипывает Прунелия, женщина средних лет, ничем до этого не выделявшаяся из общей массы колонистов. Рядом на диванчике старательно прятала ехидную улыбку Жизель. Потребовалось несколько минут, чтобы Лиза осознала это явление как некую объ-

ективную реальность. А хозяин комнаты вёл себя так, будто две лишних слушательницы — лишь мираж его воображения. Бизон будто не замечал пополнения в составе участников чаепития.

Оказалось, что Жизель положила глаз на Зенона, а Прунелия увидела в Бизоне оптимальный вариант надёжного мужчины, не задающего лишних вопросов. Если выбор Прунелии представлялся сколь-либо логичным, кокетство Жизели перед Зеноном основывалось на обиде красотки, которую не заметили. В простоте душевной Зенон попросту не понял намёков девушки, искренне полагая, что ему в гонке претендентов на очередную ночь делать нечего. А Жизель сочла это равнодушие нестерпимым и решила любой ценой добиться внимания холодного мужчины.

Жизель то веселилась через край, то плакала, то закатывала сложные представления, то вынуждала избранника отвлекаться от всех дел. От жарких объятий красотки, кажется, мог растаять даже термостойкий пластик. Но Зенон неожиданно проявил спокойную уверенность в значимости того, что делает, ухитрившись даже ультиматум в стиле «или я — или эта драная железка» превратить во вполне мирное: «Эта железка — сущая ерунда, поэтому тебе придется подождать». Жизель обижалась, уходила, соблазняла других мужчин, но потом возвращалась наверх с гордо-снисходительным видом. Зенон неловко чмокал её и пытался объяснить решение многомерных уравнений. Жизель ничего не понимала, но старательно делала умное лицо. Вряд ли Зенона это обманывало, но несколько часов парочка пребывала в равновесном умиротворении, настроение которого передавалось и всем остальным, рождая иллюзорное ощущение счастья.

А вот усилия Прунелии по охмурению Бизона не принесли ни малейшего результата. Бизон вёл себя

вежливо и спокойно, но без малейших признаков заинтересованности во внимании со стороны докучливой дамочки. Прунелия обхаживала инженера и так, и сяк, но он ловко прятался за личину этакого строгого дядюшки, которому досаждает проказливая племянница.

Все эти «вальсы» веселили Лизу, но остальная колония пришла во вполне понятное брожение, вылившееся однажды в этакий «официальный визит» Пса и Туза в обиталище Тея. Зенон и Бизон подошли следом, чуть недоумевая, а может, лишь демонстрируя это недоумение. Лиза тоже незаметно просочилась в уголок за дверью.

Пёс изложил проблему короткими рублеными фразами:

— Вас всего пятеро. Но у вас три женщины. Нам как это понимать?

Президент колонии не предложил никаких мер изменения ситуации, выжидательно и строго уставившись на Тея, который мягко, но с лёгкой укоризной ответил:

- Вы, мы - зачем ты нас поделил, товарищ президент? Нет никаких вас и нас. Есть общее «мы». Начнём искать повод для дробления на противостоящие группки, умрём все вместе.

Насупленные брови Пса и неприязненная гримаса Туза красноречиво демонстрировали их скептическое отношение к таким аргументам. Тей вздохнул и более настойчиво, более веско заявил:

— Мы не будем опускаться до поочерёдного насилия над женщинами по заранее расписанному графику. Согласие женщины на сексуальные отношения с мужчиной — единственный аргумент, который следует принимать во внимание. И не важно, где живут эти мужчины, и сколько их.

Этот пассаж тоже не оказал успокаивающего действия на лидеров колонии. Холодный приём не смутил Тея, он лишь добавил в свою речь проникновенности:

— Мужчинам только на пользу условия конкуренции. А женщины склонны к множественным связям ничуть не меньше мужчин. Так что у каждого есть шанс получить свои поцелуи и свои ночи. С чем надо бороться, так это с чувством собственности и ревностью. Любые склоки из-за женщин надо пресекать в зародыше. И, вообще говоря, моногамию не поощрять.

Туз встрепенулся и неожиданно закивал головой:

— Я, может, с тобой и согласен, но...

Тей энергичным жестом прервал проповедника и продолжил:

— Жизель дарит свою благосклонность едва ли не половине мужчин бункера. Не следует обижать столь важную для нашего сообщества даму придирками относительно того, где ей вздумалось попить чаю. А мадам Прунелия демонстрирует определённые способности в качестве ученицы красавицы Жизель. И здесь у наших многоуважаемых дам лаборатория, где одна женщина может продемонстрировать другой важные приёмы воздействия на мужские организмы. В скором времени очень многие познают на себе сладкие результаты этих уроков. А пока надо набраться чуточку терпения.

И Пёс, и Туз застыли с удивлёнными лицами. Потом удивление сменилось некоторым оживлением и надеждой. Оба явно предвкушали личное знакомство с ученицей Жизели. Лиза не была уверена в том, что интерпретация Тея имеет хоть какое-то отношение к действительности, и мужская наивность её насмешила.

Возможно, пара чуть более шумных вздохов привлекла к Лизе внимание Пса. Повернувшись, он посмотрел на Лизу, будто прикидывая, не станет ли и она ученицей роковой красотки. Но уверенный и тяжёлый голос Тея подновил «штамп» о неприкосновенности Лизы для других:

[—] Лиза — моя. И только моя.

Это заявление явно противоречило только что высказанным тезисам. Тей не собирался спрашивать её согласия и заявил свои права с ярко выраженным чувством собственности. Но, кажется, заметила эту нелогичность только сама Лиза. Остальные вели себя так, будто всё это естественно вписывалось в канву беседы.

Пёс и Туз поболтали ещё минут пятнадцать о разной ерунде, а потом ушли, довольные собой и блестящим результатом переговоров, которого они так здорово добились.

Едва президент и проповедник затопали по лестнице, Тей спокойно распорядился:

— Иди, собери своё барахло. Ты переезжаешь ко мне.

Лиза собиралась поспорить, но мелькнувшая в чёрных глазах усталость убедила её, что от лишнего сотрясения воздуха толку не будет.

Выдержав паузу, Тей рассказал о том, каким видит совместный быт:

— Я отдал бы тебе кровать, но мне будет тяжело вставать с пола. И я буду сгонять тебя, чтобы поработать. А работать я буду круглые сутки. Так что я предлагаю тебе занять вон тот свободный угол на полу. Зенон и ребята принесут матрас. Кровать перетащить не получится, так что мы устроим здесь топчан из остатков старого стеллажа. Здесь не очень тепло, но у Зенона есть ещё одеяла, возьмёшь себе парочку про запас.

Лиза, выслушивая этот план, с некоторым ехидством подумала, что он слишком уж продуман для спонтанного решения. Топчан уже сконструирован, одеяла припасены, угол освобождён. Этакая всесторонне подготовленная импровизация получилась.

— Мы уносим пайки сюда и часто готовим здесь отдельно для себя, но иногда мы забираем снизу готовую еду у Иветты. Ты вольна есть, где и что хочешь. Наше меню однообразно, хотя, как я полагаю, более безопасно

для желудка, чем эксперименты твоей подружки.

Это и так было понятно. Самое интересное будет озвучено?

Тей улыбнулся и объяснил свои мотивы организации Лизиного переселения:

— Я не собираюсь ни на чём настаивать, мне просто хочется, чтобы рядом был если не друг, то добрый человек. И я хочу защитить тебя от того, к чему ты совсем не готова. Я постараюсь со своей стороны не надоедать тебе. Но мне кажется, мы поладим и без принятия декларации о взаимопонимании из тысячи семисот пунктов.

Лиза неопределённо пожала плечами, Тея это устроило.

— И не бойся, никто из этих озабоченных обезьянов тебя и пальцем не тронет. А если посмеет, ты придёшь и скажешь, кого мне надо будет убить.

Задумчиво посмотрев на потолок, Лиза начала загибать пальцы:

— Худого дядьку в белой рубашечке. Неприятного субъекта с болячкой на щеке. И того противного дылду, что подкладывает девчонкам результаты своих упражнений по самоудовлетворению. Этого последнего желательно не просто убить. Его хорошо бы четвертовать.

Тей весело рассмеялся:

— Я что-нибудь придумаю. — И сразу более серьёзно спросил. — Почему ты единственная никого ещё не выбрала?

Потому что кое-кто постарался, чтобы она могла сделать только один определённый выбор. Он её совсем за идиотку держит?

- Не хочу изменять мужу.
- Ничего себе. И кто сей блистательный муж?
- Игориан Гранатов. Хозяин Гранатовых гор на Твантре.
 - Не-не-не, так не пойдёт.

Удивлённая Лиза уставилась на Тея, а он с улыбкой пояснил:

— Ты одна из немногих, кто не зазря переводит здесь кислород. Ты не играешь, не пудришь мозги мужикам, не сплетничаешь, не занимаешься интригами. Ты продолжаешь то, чем занималась в обычной жизни. Ты учишься. И изучаешь языки.

Несколько оторопев от понимания, что всё это время была объектом наблюдения, Лиза покачала головой:

- Я просто читаю.
- Читать мало. Надо говорить.

А ещё желательно слушать, писать и погружаться в языковую среду. Только где всё это взять?

Тей улыбнулся её замешательству, а потом объяснил:

— Расскажи мне о себе. На разных языках. Кто ты, откуда, и есть ли у тебя, что терять в космосе, не считая мужа?

Ну, собственно, почему бы и нет? Здесь и сейчас терять было абсолютно нечего.

Перескакивая с языка на язык, путая слова и обороты, она продиралась сквозь дебри фраз слишком долго и скучно. Рассказы получались неловкими, непонятными, ей приходилось подолгу объяснять одно и то же, залезать в словари, мучиться с подбором синонимов. Её раздражали собственное косноязычие и неспособность запомнить короткие, заранее составленные текстики.

Тей был терпелив, по тридцатому и пятидесятому разу спокойно поправляя её ошибки. Потом Лизе стало казаться, что он её не слушает, лишь механически вставляя нужные склонения и падежи в её бестолковую речь. Но языковые барьеры постепенно мельчали, а потом растворялись в свободном потоке слов. Лиза, выговариваясь впервые в жизни, обретала ясность мыслей. Превращая

скупые биографические факты в яркие истории и забавные сценки, она рассматривала события своей жизни со стороны, а заодно с чем-то примирялась, что-то переосмысливала, над чем-то смеялась. И прошлое становилось просто прошлым.

13. Выпускницы

Лицей готовился к своему юбилейному выпуску. Костюмы выпускников и выпускниц повторяли страницы модного журнала. Единственное учебное заведение Кривошеинска переполнялось шорохами платьев, шёпотом выпускников, звуками последних наставлений и репетиций. Маленький мир праздновал взросление очередных своих детей, и вся вселенная не могла бы ему помешать повеселиться на полную катушку.

Лицей существовал с тех пор, как первые переселенцы ступили на плодородную и гостеприимную землю небольшой планеты, затерянной на дальних рубежах галактики. Кривошеинск, один из десятка возникших городков, жил в основном натуральным хозяйством. Традиция давать образование самым способным детям осталась скорее демонстрацией самим себе условной цивилизованности, чем потребностью обучать чему-либо самих летей.

Накануне выпускного дня старшие школьницы веселились и развлекались. Наставления воспитательниц казались им полной ерундой теперь, когда до выхода во взрослую жизнь оставались считанные часы. Многие уже обзавелись заветными колечками и белыми платьями невест, и поэтому воображали себя совсем взрослыми.

Особнячком держались две девушки, с одной стороны, являвшие собой разительный контраст, с другой,

похожие печальным и серьёзным выражением лиц. Яркая брюнетка Фелиция и маленькая светловолосая Лизавета относились к числу бесприданниц. Обе не были просватаны, несмотря на табели отличниц и статус признанных красавиц. Несколько лет учёбы другие девушки завидовали лучшим ученицам Лицея, и теперь спешили продемонстрировать им уверенность в завтрашнем дне, которой Фели и Лиза похвастаться не могли.

Отец Лизы зарабатывал на жизнь тем, что выращивал овощи на небольшом огородике. Мать иногда бралась за шитье, но так как большой мастерицей она не была, получить повторный заказ ей удавалось не часто. Кроме Лизы у Чугункиных было ещё две дочери и два сына. Многие осуждали Чугункиных за подобную плодовитость, но отец неизменно повторял: «Всё, что у нас есть — это наши гены. Их и нужно оставить потомкам».

У Лизы не было определённого мнения на этот счёт, поскольку вся её жизнь строго делилась между кормлениями, купаниями, гуляниями и прочими заботами о младших сёстрах и братьях. Лицей она воспринимала как замечательный отдых от круглосуточных забот о малышах. Лиза блестяще училась, находя в этом единственную отдушину скучной повседневности, а также понимая, что с замужеством о потусторонних явлениях вроде литературы или астрономии придётся раз и навсегда забыть.

Родители Фелиции, наоборот, обладали высоким социальным статусом. Но младший брат Фели сразу после своего рождения стал единственным центром мироздания в семье. Старшей дочке сразу заявили, что ей придется самой устраиваться в жизни, и что никакого приданого она не получит.

Несмотря на все шепотки и пересуды, Фели и Лиза решили быть самыми независимыми и дерзкими на выпускном балу. Вероятно, это и привлекло к ним

внимание случайного заезжего гостя. Впервые поймав на себе взгляд необычных фиолетовых глаз, Лиза смутилась. Однако крепкий широкоплечий мужчина подошел прямо к ней и представился:

— Добрый день, меня зовут Игориан, я гость в вашем мире. Могу я пригласить прекрасную незнакомку на танеи?

Пока растерявшаяся и смущённая Лиза придумывала, что сказать, сбоку внезапно вынырнула Фелиция и, хохотнув, подхватила гостя под руку:

— Давайте я с Вами потанцую, а то эта льдинка ещё час будет стоять столбом.

Как оказалось, гость прекрасно танцевал, а под конец подхватил Фелицию на руки, проделал с ней на руках несколько па и легко опустил. Девчонки завистливо зашептались, а Лизе стало как-то неопределённо грустно.

Фелиция не отпускала от себя гостя, то затевая весёлые игры, то вопреки всем этикетам перешёптываясь с ним чересчур уж доверительно. Лиза не могла помешать подруге, но была довольна тем, что продолжала ловить на себе взгляды красивых фиолетовых глаз. Когда ночь и бал близились к концу, Фелиция подбежала к Лизе, оттащила подружку в сторону и вполголоса выплеснула на неё бурю чувств:

— Лиза! У меня такая идея! Такая идея! Давай сбежим?! Уедем вместе с Гором? Повидаем мир? Может, и женихов сможем себе найти. Ну как? Ты едешь?

Лиза не могла опомниться. И как такая чушь пришла ей в голову? Уехать с незнакомым человеком? Куда? Зачем? Да и родители не отпустят.

Подружка прыгала от нетерпения:

— Чего тут думать? Убежим потихоньку, и всё! Прикинь, что тебя ждёт здесь? Без приданого тебя через месяц выдадут за старого Йоргена-булочника! И ты будешь всю жизнь по уши в муке сидеть. А с Гором мы такое закру-

тим! Ты понимаешь?

- Фели, ты совсем не знаешь этого человека. Почему он позвал тебя с собой?
 - Потому что я не такая зануда, как ты!

Через мгновение Фелицию унесло. А к Лизе подошел тот самый Йорген, который вовсе не был таким уж старым. Булочнику (а по совместительству и кондитеру, и бакалейщику) исполнилось зимой тридцать три. Лиза знала, почему он хочет на ней жениться вовсе без приданого. Год назад умерла его жена, и ему позарез требовался кто-то, чтобы присматривать за двумя маленькими детишками. Да и лишняя пара рук в лавке не помешает.

Из-за полноты и одутловатого лица Йорген казался больным, и Лиза испытала приступ тошноты от мысли, что этот человек будет с ней рядом всю оставшуюся жизнь. Для приличия потоптавшись рядом и выдав положенную порцию охов и вздохов, она отправилась на поиски Фелиции и заезжего гостя.

Ни в большом зале, ни в классах, ни в коридоре их не оказалось. Но, выйдя на крыльцо, Лиза почти сразу наткнулась на Игориана, в одиночестве любующегося звёздами. Он ласково посмотрел на неё, улыбнулся и подошел поближе. Девушке захотелось куда-нибудь спрятаться. Но Игориан неожиданно обнял её и крепко поцеловал прямо в губы. Не дав ей возмутиться, он серьёзно сказал:

— Поедем со мной, а? Я вас обеих упакую по высшему разряду. В наших мирах мало настоящих женщин, похожих на тебя. Ты мне очень нравишься.

Маленькое глупое сердечко девушки-подростка затрепетало, и голосу разума пришлось заткнуться. Следующим вечером Лиза поцеловала мать, отца, малышей и ушла в свою крошечную комнатушку. Отбросив последние колебания, она натянула своё самое красивое платье, сложила в маленькую сумочку запас еды и теплую коф-

точку, расправила на столе заранее подготовленную записку с прощальными словами, вылезла в окно и отправилась навстречу судьбе...

Тей, поняв, что рассказ окончен, сдержанно прокомментировал:

- Две дурочки без присмотра. И что было дальше?
- Мы не понимали, куда убегаем. Думали, Гор отвезёт нас в соседний городок, откуда всегда можно будет вернуться. Гор посадил нас на шлюпку в темноте, сложно было бы понять, что это такое. И мы никогда не видели космических кораблей, хотя знали, что межпланетные полёты возможны. Когда мы разобрались, что к чему, было бесполезно возмущаться и требовать возвращения. Так что мы летели, летели и прилетели... На Твантру.

Потерев лоб, Тей тихо спросил:

- A как называется твоя планета по межгалактической классификации?
 - Не знаю.

Чёрные глаза одарили Лизу потоком золотых льдинок:

- Значит, вы долго летели. Вы не пользовались туннелями? Не переходили пороги? Не прыгали через порталы?
 - Было несколько тоннелей, и много порталов.

Одарив Лизу ещё одним пристальным и настороженным взглядом, Тей с горчинкой констатировал:

— И как я не догадался сразу... Ты чужая!

Лиза только вздохнула:

- Ну да, да. Я существо вне законов этой ойкумены. Это имеет значение?
- Очень даже. Гор прогнал тебя и твою подругу через тесты альенов?
 - Через некоторые.
 - За что мне такое везение...
 - Слушай, я не кусаюсь, не пью кровь, не ем чело-

вечину. Я знаю о предрассудках насчет чужих, но нас намного больше, чем принято считать. И мы редко такие уж монстры.

Чуть поморщившись, Тей строго распорядился:

- Тебя убьют, если ты неосторожно брякнешь, откуда взялась. Людям иногда очень не хватает врагов. Узнают, что ты альенка повесят на тебя все проблемы мира.
 - Не повесят. Я совместима с вашей расой.
 - Да неужели?
 - У нас с Гором есть сын.

Тей забавно помотал головой, будто пытаясь вытрясти эту информацию из ушей, и дружелюбно улыбнулся:

— И всё-то ты успела, прыткая Сероглазка. Давай-ка, в этом месте поподробнее.

14. Научный эксперимент

По уши влюблённая и захваченная своими чувствами Лиза смирилась с тем, что её побег оказалася не временным оставлением родного дома, а безвозвратным путешествием в другую часть галактики. Весёлые вечера и сладкие ночи с Гором кружили ей голову, жизнь казалась сплошным праздником, а хмурые упрёки Фелиции воспринимались лишь как завистливое ворчание гордой недотроги.

Довольно долго наивная Лиза не понимала, что Фелиция точно также влюблена в Гора, как и она сама. И что она не догадывается о весёлых рандеву её возлюбленного с подружкой. Ревность Фелиции носила, скорее, декоративный характер. Фели не понимала, что придуманная ею драма — реальность, и куда менее красивая, чем в её розовых представлениях.

Лиза без особых колебаний погрузилась в изучение

чувственных удовольствий, но Фелиция выдвинула Гору ряд условий, и первым из них было официальное оформление брачного документа. Фелиция была непреклонна в своём желании стать законной супругой своего возлюбленного. Гор не стал упрямиться, пообещав, что по завершении путешествия всенепременно назовёт Фели законной женой. Зачем торопиться, когда есть милая и уступчивая Лиза, нисколько не подозревающая о планах замужества подружки?

А Лиза не думала ни о каком замужестве, она собирала как можно больше информации о любимом. Чтобы лучше понимать его.

Семья Игориана Гранатова являлась одной из самых влиятельных и богатых в Системе Шести звёзд, формально независимому объединению планет и государств, но всё же входящему в зону влияния Галактической Федерации. Гранатовым почти целиком принадлежали богатые горные разработки в Гранатовых горах на Твантре, главной и единственной планете Твантрийской республики. Лиза так и не поняла, фамилия дала название горному кряжу или наоборот, но одно крайне редко упоминалось без другого. Там, где шла речь о горах, там же были и Гранатовы, и наоборот.

Основу семейного бизнеса Гранатовых заложил сумасбродный Викториан. Этот неуравновешенный и любвеобильный авантюрист почуял запах лёгких денег и вложил всё состояние в малоизученные на тот момент горы. Насладиться рекой доходов с этой инвестиции ему было не суждено — лишь его внуки получили первую жалкую прибыль, которую сразу и пропили в ближайшем кабаке. Однако следующий век всё изменил. Торговые пути, протянувшиеся от Твантры к Федерации, сделали сверхприбыльными поставки любых материалов в центр цивилизации. Гранатовы быстро разбогатели.

У Григориана Гранатова было трое детей. Сын

от нелюбимой жены. И две дочери от любимой кухарки. Михаилу приходилось мотаться по шахтам, самому зарабатывать себе на учёбу, да ещё и ухаживать за больной матерью. А обе его сестрички сызмальства росли в роскоши и не отягощали свой разум мыслями о чём-либо кроме поклонников, драгоценностей и нарядов. Судьба жестоко рассудила брата и сестёр — обе женщины умерли молодыми, оставив по сыну. И претендентов на отцовство обнаружилось больше, чем мужчин во всей системе Шести Звёзд. Ещё бы, сироткам Вовкиану и Игориану по завещанию их деда отошло по трети состояния.

Вероятно, закоренелому женоненавистнику Михаилу воспитывать двух племянников-сорванцов было не просто трудно, а чертовски трудно. Но он не стал отсылать их в далёкие пансионы, организовав обучение в фамильном замке, окружённом горами и лесами. Подросшие братья естественным образом влились в процесс управления семейным бизнесом, создав вместе с дядюшкой триумвират, который и принимал все важные решения. Из скудных публикаций, которые могла раздобыть Лиза, следовало, что Гора считают спокойным человеком, но авантюрным дельцом. Его брат Вовик слыл неуравновешенным красавцем, зато холодным и расчётливым хозяином.

Прибытие в замок Гранатовых прошло куда будничнее, чем Лизе представлялось. Никаких торжественных фанфар не прозвучало. Новенькие обитательницы выбрали себе по комнате и влились в коллектив жильцов, гостей и прислуги замка.

Фамильное гнездо Гранатовых строилось с размахом, но каждая следующая переделка и достройка лишь укрепляла общее впечатление громоздкости и нелепости. На первых порах замок был и жильём для семьи, и общежитием для горняков, и конторой всего концерна,

но впоследствии остался лишь прибежищем самих Гранатовых. Шахтёры отстроили неподалёку отдельный городок, дав ему немудрёное имя Гранграда, а офис уехал в столицу республики —поближе к космопорту и складам.

Вскоре после обустройства в замке и утоления первого любопытства Лизе пришлось осознать перемены в отношениях с Гором. Воздух родного замка будто перевёл невидимые стрелки в его сознании. Лиза перестала быть его постоянной собеседницей. Лизу не приглашали на вечерние посиделки. Лиза могла часами и сутками оставаться в одиночестве, и любимому не было никакого дела до того, чем она занята, и не скучает ли в своём новом жилище.

Все наивные попытки инопланетянки вернуть внимание возлюбленного провалились. А известие о его свадьбе с Фелицией стало ошеломляющим ударом. Часа три Лиза сидела в своей комнате, не находя точек опоры для беспрерывно плачущего сознания. Потом шок сменился жаждой объяснений, разговоров, понимания.

Гор объяснил свадьбу очень просто. Он вовсе не собирается всерьёз жениться на Фелиции. Это будет лишь небольшая постановка. Этнографическая. Для демонстрации архаичных свадебных обрядов группе историков-исследователей. Важность этого научного эксперимента трудно переоценить, и Лиза должна помочь возлюбленному в том, чтобы всё прошло хорошо и гладко.

Впоследствии Лиза не раз размышляла о том, почему успокоилась этой смешной сказочкой, и даже приняла активное участие в подготовке и проведении эксперимента. Всё было предельно ясно, но она начисто игнорировала действительность, увлечённо обманывая себя. Она, конечно, пыталась поговорить с Фелицией, но ту так увлёк выбор тканей и бижутерии, что на любые вопросы и замечания она отвечала невпопад или задавала встречный вопрос об уместности бархата рядом с кружевом.

Свадебная эпопея слилась в череду весёлых праздников и фейерверков, приятных подарков и комплиментов. Простая правда начала просачиваться в мозг Лизы уже после церемонии.

А однажды за ужином Фелиция вдруг начала обсуждать тему неустроенности Лизы. Ведь Йорген-булочник был неплохим, в сущности, женихом, а Лиза взяла, да и оставила его с разбитым сердцем. Не хватило ей женской чуткости и правильного понимания своего счастья. И теперь Лиза могла бы заняться каким-нибудь разумным делом, а не сидеть на шее добрых людей. Конечно, Фелиция позаботится о бедной подружке, но и подружке следует помнить, чей хлеб она ест.

Ошеломлённая Лиза промолчала, не зная, как отреагировать. Смущение подружки подстегнуло Фелицию на новые выпады. Гор же откровенно забавлялся ситуацией, расточая ласковые улыбки обеим альенкам. Фели злословила, собравшиеся за столом накапливали впечатления для сплетен, а Лиза проваливалась в отчаяние. Бежать было некуда. За воротами замка альенку-нелегалку ждала миграционная служба Федерации и депортация в резервацию на отдалённом астероиде.

Выплакав все слёзы, Лиза запретила себе что-либо чувствовать. Только знания, хладнокровие и точные расчёты всех ходов могли спасти её из ловушки. Знаний и хладнокровия Лизе определённо не хватало, но один точный ход она не замедлила сделать. Нежная богиня в полупрозрачном пеньюаре случайно встретила Гора в коридоре, ведущем в спальню Фели. Игориан, разумеется, поддался чарам обольстительницы, полагая, что Лиза жаждет вернуть его расположение. Но Лиза жаждала власти над его мужским инстинктом. И это был лишь один штрих начала превращения наивной инопланетянки в хозяйку Гранатовых гор.

15. Семейный серпентарий

В Гранатовом замке болталось много людей, но никто из них ничего не значил в горной империи. В основном, они составляли отряд нахлебников, которых проще кормить, чем разогнать. Нахлебники принимали Лизу благосклонно, хотя и не понимали, кто эта девушка в иерархии Гранатовых.

Лиза обзавелась знакомствами в среде друзей Гора. Многие намекали ей на возможность развития близких отношений, но Гор пресекал все подобные попытки в зародыше, да и саму Лизу подобные развития не интересовали.

Единственным человеком, кто сразу наплевал на все установки Игориана и все отговорки Лизы, был Вовкиан. Лиза не понимала, как совмещаются в одном человеке элегантный обаятельный красавец и грубый, пошлый мужлан, но постепенно привыкла, что у брата Гора есть две ипостаси. Добродушный весельчак Вовик был любимцем женщин, удачливым игроком и беззаботным гулякой. Угрюмый и сварливый Вовик сторонился женщин, упрямо проигрывал в казино крупные суммы и в то же время жадно копил деньги. Угадать, в какой ипостаси находится Вовик в тот или иной момент, не составляло особого труда, достаточно было взглянуть на выражение его лица и услышать одну-две его фразы.

Сразу после прибытия двух альнок в замок Гранатовых, Вовик принялся рьяно ухаживать за Лизой, не подозревая об её отношениях с Гором. И если бы не опасная двойственность характера Вовика, она, несомненно, увлеклась бы им. В хорошей ипостаси Вовику было невозможно противостоять. Чарующие фиолетовые взгляды не требовали слов, но Вовик ещё и умел слагать восхваляющие оды. Он заваливал Лизу букетами экзоти-

ческих цветов и корзинками иноземных фруктов, стоял на коленях и плакал от «невыразимой любви». Однако стоило его настроению перемениться, как из «принца на белом коне» он одномоментно превращался в осязаемое воплощение «плохого парня». Сверкая бешеными взглядами, он топтал вчерашние подарки, мял цветы, выкидывал фрукты в окно и обзывал Лизу извращенными ругательствами.

Поняв, что прямым наскоком соблазнить иноземную недотрогу не удастся, Вовик приступил к длительной осаде. Домогательства с его стороны приобрели скрытую и извращенную форму. Лиза находила его записочки в собственной ванне или в шкафу для платьев, его белье «нечаянно» оказывалось в её постели, его ботинки «забредали» постоять к её двери. И Лиза неоднократно размышляла, а не уступить ли ей, в конце концов, только ради своего спокойствия. Однако она вполне справедливо опасалась, что этим проблемы не решить.

Гор от выходок Вовика определённо получал удовольствие. Он лишь наблюдал, как Лиза выпутывается из неоднозначных ситуаций. И даже её прямые жалобы на агрессивные нападки Вовика не заставляли его принять хоть какие-нибудь меры.

Несмотря на уколы лёгкой ревности, Лиза обрадовалась, когда Вовик заявил, что решил жениться. И его избранница Элеонора вскоре прибыла в замок, ошеломив всех непритязательной внешностью и состоянием родителей.

Высокая, широкоплечая и из-за этого сутулящаяся девушка с крупным носом и близко посаженными глазами казалась неуклюжей и некрасивой рядом с красавцем Вовиком. Фелиция и Лиза угробили на Элю несколько дней, пытаясь с помощью одежды и косметики сделать её более элегантной и представительной. Но тщетно. Эля находила свою внешность вполне удовлетворительной

и на доброжелательные советы не обращала никакого внимания. Помимо прочего, у жены Вовика оказался громкий визгливый голос, и если она вкладывала в свою речь хотя бы немного эмоций, у её собеседников закладывало уши.

Лиза надеялась, что с женитьбой Вовик про неё забудет. Но период спокойствия продлился недолго. И однажды вечером она снова обнаружила любвеобильного красавца у дверей своей комнаты. Со сладчайшей улыбкой он попытался оправдаться:

— Ты знаешь, наши спальни так похоже расположены: твоя в правом коридоре, моя в левом, я немного перепутал, но может это и к лучшему, а?

Сильные пальцы опутали её запястья и прижали руки к стене. Лиза оказалась словно распятой, попытка освободиться едва не кончилась вывихами обеих рук. Вовик приблизил к ней своё раскрасневшееся лицо и прошептал:

— Мне всегда нравились недотроги вроде тебя. Ты ведь подаришь мне минутку радости, правда?

От неминуемых неприятностей Лизу спас Гор, решивший именно в этот вечер навестить её теплую спальню. Вынырнув из лабиринта коридоров, он в секунду разобрался в происходящем и с разбегу оттолкнул брата от альенки. Вовик, тяжело сопя, попытался его ударить, но Гор увернулся, успев ответить на удар коротким выпадом в область солнечного сплетения. Некоторое время братья мутузили друг друга с короткой дистанции, а потом разошлись и заняли угрожающие позиции, выставив вперед весьма внушительные кулаки.

Лиза воспользовалась моментом и проскользнула в свою комнату, предоставив братьям возможность выяснять отношения без неё. Однако шум в коридоре привлек внимание парочки слуг, те разнесли новость по замку, и вскоре в коридоре собралось всё семейство, начиная,

разумеется, с комплекта счастливых жён.

Вовик и Гор, по-прежнему угрожая друг другу кулаками, нехотя отошли каждый к своей собственной жене. Эля и Фелиция, каждая на свой манер, начали орать друг на друга. Скандал закончился после вмешательства дядюшки Михаила. Он одним из последних оказался на месте конфликта, но ему потребовалось меньше минуты, чтобы разогнать племянников с супружницами по спальням.

Следующее утро Лизы началось с приглашения дядюшки посетить его кабинет. Едва смущённая Лиза преодолела порог, как дядюшка стремительно подъехал к ней в своей инвалидной коляске. Михаил сделал жест, будто хотел обнять её ноги, но его пальцы лишь пропустили сквозь себя воздух. Подняв голову, старший Гранатов упёрся в виновницу скандала тяжёлым бесцветным взглядом:

— Я не против любовных упражнений моих племянников. В этом даже есть свои плюсы. Но если мальчики ещё раз из-за тебя поссорятся, я найду способ сделать твою жизнь такой тяжелой, как только можно. Запомни это. И не вставай между ними. Никогда.

Заверив дядюшку в своём полном понимании проблемы, Лиза вышла и наткнулась на обоих нахмуренных братьев. Улыбнувшись одному и подмигнув другому, она сделала легкомысленный жест рукой и вприпрыжку помчалась к себе.

16. Деловое предложение

В скандале оказался один большой плюс. Гор стал устраивать свидания с Лизой вне стен замка, увозя её в столицу и на другие планеты альянса Шести звёзд, где

она частенько оставалась предоставленной сама себе. И хотя знакомство с инопланетными мирами Лизу разочаровало, возможность ощутить иллюзорную свободу кружила голову.

Города мало отличались друг от друга, один и тот же модный архитектурный стиль повторялся везде. Совпадала и планировка. Квадраты, расчерченные прямыми улицами, заполнялись одинаковыми типовыми домами.

Гор снабжал Лизу некоторыми суммами денег, и, делая мелкие покупки, она разобралась, что может дорого одеваться или обедать в высококлассных ресторанах, однако не может позволить себе многое из того, что хотелось.

В качестве особого знака внимания Гор разрешил Лизе бывать в центральной конторе корпорации Гранатовых. И однажды, когда Лиза поджидала его в баре, уткнувшись в чашку с якобы взбадривающей бурдой, за её столик уселся клерк, весь вид которого свидетельствовал о незначительности. Немного помолчав, он попытался завязать разговор:

— Прекрасная погода, вы не находите?

Лиза безразлично пожала плечами. Клерк продолжил:

— Вы ведь приезжая? Как вам понравились дворцы Твантры? Вы их видели?

Она ещё раз пожала плечами. Человечек не унимался:

Госпожа Луизина, давайте я покажу вам дворцы Твантры?

Лиза в недоумении подняла голову. Клерк сделал едва заметный жест, потом поднялся и вышел. Лиза тоже вышла на улицу, и возле неё тут же притормозил весьма потрепанный флайер. Однако шагнув внутрь, Лиза оказалась в обстановке утонченной роскоши. Незнакомец улыбнулся ей и указал на свободное сидение напротив:

— Меня зовут Дымча Димитреу. Я представляю в триумвирате правления концерна «Грангор» интересы

Михаила Гранатова.

Лиза с изумлением уставилась на клерка. Тот был доволен произведённым впечатлением:

— Вы удивлены моим скромным видом? О, иногда это очень удобно — не привлекать внимания. А мне не хотелось привлекать внимание к факту нашего с вами разговора. Вы интересно провели день?

Лиза, всматриваясь в собеседника, отрицательно мотнула головой. Сухонький невысокий мужчина неопределенного возраста никак не ассоциировался с уровнем руководства концерна. Общее впечатление его незначительности подкреплялось костюмом, который казался чуть великоватым и поношенным. Тем не менее, в пронзительном взгляде светло-серых глаз читалась воля, а маленькие руки с короткими пальцами выглядели слишком холёными для рук обычного служащего.

Управляющий продолжил:

- Вы одна из двух красоток, которых Гор привез из-за края ойкумены. Сказать по правде, ваша внешность меня не очень впечатлила. Вы Луизина?
 - Лиза.
- Очень приятно. Позвольте, я вам кое-что объясню. Никто из Гранатовых не позаботился о том, чтобы придать вашему пребыванию здесь хоть сколь-нибудь официальный вид. У вас нет никаких документов, признаваемых нашими властями. Гор сделал вид, что женился на вашей подруге. Но юридически за этим ничего не стоит, он не позаботился расторгнуть предыдущий брак. Вы, конечно, слишком молоды, чтобы понимать, насколько такое положение неприятно для вас. Но, если вы позволите, я помогу вам и с бумагами, и с тем, чтобы вы освоили разумную линию вашего поведения.

Поражённая Лиза уставилась на Дымчу. Куда это она вляпалась? Зачем человеку, представляющему интересы трети горной империи, возиться с бумагами нелегальной

альенки? Она осторожно спросила:

- Дядюшке Михаилу я не нравлюсь. Почему вы хотите помочь? И почему именно мне?
- Нравитесь вы кому-либо или нет, меня не волнует. И действую я по собственной инициативе. Вы наводили справки о вариантах получения федерального аттестата, и это показалось мне любопытным. Вы изучали судебную практику по делам о подделке документов, что меня уже развеселило. Наконец, вы занялись сбором информации о некоторых теневых структурах, и я понял, что найду в вас того партнёра, которого давно искал.

Лизу осенило:

— Слушайте, Дымча, скажите прямо, что я должна буду сделать?

Управляющий мягко улыбнулся:

— Во-первых, умолчать об этом разговоре. Во-вторых, я хотел бы получать адекватную информацию о том, что происходит в замке. Вы понимаете?

Что ж тут не понять. Всё просто. Видя её колебания, Дымча добавил:

— У вас будут легальные документы, с которыми вы сможете жить в любом месте Альянса Шести звезд и даже посещать Великий мир или Галактическую Федерацию. Я открою вам счёт и буду переводить туда некоторые небольшие, но очень важные для вас суммы — с тем, чтобы в случае неожиданного расставания с Гранатовыми, вы не оказались в гетто.

Прозвучало, конечно, приятно. Но где хоть какие-то гарантии? Да и стоят ли жалкие сплетни из замка хоть одной копейки?

Дымча, помолчав, дополнил своё предложение:

— С моей помощью вы сможете оказывать влияние на Гора. С вашей помощью я удержу корпорацию от фатальных потрясений. Мы оба выиграем.

Лиза, не найдя слов, быстро кивнула в знак согласия.

Дымча улыбнулся:

— Хорошо. Обсудим всё подробнее чуть позже.

Распрощавшись, Лиза вылезла всё у того же офиса, который вдруг показался ей прямо-таки архитектурным шедевром.

Дымча выполнил все обещания. Лиза превратилась в Луизину Гранатову — отдалённую родственницу Гранатовых. Лиза получила паспорт гражданки Твантрийской республики. Лиза обрела собственный счёт в Гранбанке. И Лизу приняли в школу общества книголюбов.

Со своей стороны Лиза не сразу, но поняла, что именно интересует управляющего. Он беспокоился о физическом состоянии Михаила. И Лиза принялась рьяно следить за сиделками, а также за тем, чтобы гости и родственники дядюшки не слишком досаждали ему. Заодно она рассказывала Дымче, кто и что просил у дядюшки, какие сиюминутные решения дядюшка принимал и отменял, на что тратил деньги. Фактически во главе «Грангора» стояло именно Дымча, и ему было важно, чтобы стареющий владелец концерна не увлекался бредовыми идеями случайных проходимцев, как уже случалось...

Компьютерная система, над которой Тей долго колдовал, наконец-то отозвалась тоненьким посвистыванием. Просвистев вслед компьютеру нечёткий мотивчик, Тей попросил Лизу срочно позвать Зенона.

После бурного обсуждения, из которого Лиза поняла лишь несколько простых слов, Зенон с Теем вырубили сервер геймеров и привлекли игроков к своей деятельности. Бизон присоединился к работе без дополнительных приглашений. И примерно неделю вся пятёрка круглосуточно мучила имеющиеся системы.

На Лизу никто не обращал внимания, но она

не расстраивалась. Лишь бы у этих умников получилось то, что они затевают. Подсовывая пятёрке тружеников тарелки с едой, Лиза чувствовала некую сопричастность к важным событиям. И досаду. Всё, что она может — носить вверх-вниз тарелки. Деловая женщина, ничего не скажешь...

Наконец, настал великий день. Умники расселись вокруг кровати Тея, которая окончательно стала походить на кокон проводов и схем. Тей осторожно положил правую ладонь на сенсорную панель. Медленно провел по ней. И почти сразу один из тёмных экранов над его головой ожил, выдав серию картинок, графиков, цифр.

Поразительно, но никто не стал орать «Ура!», прыгать и обниматься. Тей с Зеноном молча обменялись рукопожатиями между собой, затем с каждым из геймеров и с Бизоном. Заметив Лизу, Тей позвал и её, чтобы торжественно пожать её ручку. Затем спокойно попросил:

— Давайте пока не распространяться, не будем обнадеживать всех раньше времени.

И всё вернулось на круги своя.

Лишь через пару дней Лиза решилась спросить Тея:

— Извини, я, конечно, не буду распространяться, но нельзя ли мне узнать, о чём именно? Я понимаю, что вы — молодцы, сделали что-то важное. А можешь мне объяснить, чем эта мигающая штука нам поможет?

Тей помедлил, словно сомневался в необходимости ответа, но потом всё же объяснил:

- Мы связались с орбитальной станцией связи.
- Мы можем послать сообщение на Твантру?
- Нет. Из шести станций только одна функциональна. Три молчат, одна хаотически вращается, одну мы вообще не нашли. Теоретически для передачи сигнала нам хватит и одной, но только если удастся вернуть хотя бы часть настроек. Тогда есть шанс увидеть спасателей быстрее, чем через десятилетие.

- Думаешь, в обитаемых мирах ещё не знают, что мы здесь терпим бедствие?
- Знают, конечно. Но у них нет способа добраться до нас иначе, как отправкой зондов, затем разведчиков, потом установкой маяка и развёртыванием нового тоннеля. И, возможно, в обитаемых мирах думают, что здесь не осталось никого в живых. Сигнал поторопит спасателей. К тому же на Аллое всего четыре места, откуда можно сделать то, что мы сделали. И спасатели направятся сюда в первую очередь. Это, знаешь ли, увеличивает наши шансы на радостную встречу с ними.
 - А как можно вернуть настройки станции?
- Методом ненаучного тыка. Эквивалентная точка примерно известна. Будем ходить вокруг и около, пока не попадём.
- После сигнала бедствия можно будет послать частное сообщение?

Тей улыбнулся:

— От хозяйки Гранатовых гор влиятельному другу? Чтобы срочно прислал личный космолёт?

Лиза поморщилась и опровергла это предположение:

— Я хочу знать, что с Сержем всё в порядке. И что он в надёжных лапах Клаши.

Улыбнувшись, Тей сделал забавный жест:

— О, так у нас новые действующие лица? Вернёмся к твоей автобиографии. Ты остановилась на своём амплуа великой шпионки, присматривающей за старичком.

17. Цирковой слон

Время от времени Лиза устраивала себе прогулки по Гранграду, но шахтёрский городок был скучен и не располагал к хорошему настроению. Очередной день

покупок растянулся до бесконечности, и Лиза уже подумывала о возвращении в замок, когда ноги случайно привели её к потрепанному и полинялому куполу.

Лиза обошла сооружение, увидела смешно раскрашенных зазывал и поняла, что набрела на цирк. Ей подумалось, что здесь может быть весело, и купила билет. Не прошло и четверти часа, как она раскаялась в этом решении. Примитивные жонглёры, глупые клоунады, кривляние девочек кордебалета — всё раздражало, казалось неестественным и убогим. Лиза решила уйти в антракте, не дожидаясь окончания представления. Однако всё изменил последний номер первого действия.

На арене появился круглый стол из прозрачного пластика. В лучах прожектора на нём появился гуманоид. Как только публика рассмотрела хоботок на месте носа, слоноподобные ножки и толстые коротенькие ручки, начался просто рёв. Гвоздём цирковой программы был номер чужого. Лиза ничего не знала о планете, родившей подобное существо, однако распорядитель программы тут же восполнил этот пробел. Из его завываний следовало, что «многоуважаемый господин кханеша решился продемонстрировать свое чудесное телосложение почтенной публике».

Вместо нестройного грохота оркестра послышалась свистящая мелодия, и альен стал исполнять свой диковинный танец. Передвигался он по столу исключительно на руках, балансируя ногами и сворачиваясь в немыслимые фигуры. Потом, держась только на одной руке, начал постепенно стягивать с себя шуршащую одежду, оставшись, что называется, в чем мама родила. На гладком мускулистом и сильном сером теле отсутствовали какиелибо признаки пола, свойственные человеку. Люди в зале неистово заорали, захлопали и застучали, но Лизе стало совсем грустно.

В антракте Лиза подошла к распорядителю, протянула

ему купюру и попросила разрешения поговорить с кханешей. Распорядитель рассыпался в любезностях, и конечно, пропустил её за кулисы. Убежище чужого располагалось в крохотной комнатушке в конце грязного вонючего коридора. Вдохнув отравленного воздуха, Лиза закашлялась, а потом, не зная, как начать разговор, просто спросила:

— Как тебя зовут?

Кханеша высокомерно ответил вопросом на вопрос:

— Тебе понравилось шоу?

Голос оказался высоким, с небольшой хрипотцой, как у простуженного капризного ребёнка. Лиза уже не понимала, почему ей надо было увидеть это существо, но честно призналась:

— Нет, не понравилось. Но это не из-за тебя, просто у меня плохое настроение.

Кханеша протянул к ней шляпу:

— Милая леди, помогите бедному чужестранцу, подайте на пропитание и иные нужды.

В своеобразных круглых глазах метнулась тоска, боль от потери всего мира, и Лиза протянула кханеше ещё одну купюру. Чужой проворно встал, прикосновение его гладкой четырёхпалой руки оказалось теплым и приятным. Неожиданно для самой себя Лиза спросила:

- Почему ты здесь?
- По тем же причинам, что и ты.
- Смешно, что ты можешь знать обо мне?
- Ты родилась далеко, потому что ни один твантриец не зайдёт в мою клетку по своей воле. Ты не бедствуешь, но ты и не богата. Ты первый раз оказалась на представлении, которое вся Твантра видела раз по двадцать. Значит, ты служанка, которую послали договориться о представлении на дому.

Лиза разозлилась, развеселилась и пригласила чужого на чашечку кофе.

Кханеша удивился:

— Милая леди, ты совершаешь ошибку. С точки зрения твоего мира я не столько чужой, сколько чужая, и моя физиология не позволяет мне доставлять людям то удовольствие, что называется сексом.

Когда Лиза отсмеялась и вытерла слёзы, кханеша изящно поклонилась:

— Меня зовут Ккррлаашаррл.

Лиза сблизилась с Клашей быстро и непостижимо. Они стали частенько встречаться в небольшом кафе — приятно было вместе помечтать, повеселиться и покривляться. У двух инопланетянок оказалось много общего.

Клаша оказалась в цирке из-за детского любопытства и легкомыслия. Родная планета кханеш была закрыта от всех чужаков, но кханешская молодёжь, которая могла себе позволить путешествия, охотно проводила время в увеселительных прогулках к другим мирам. Клаша оказалась на одной из таких прогулок случайно, заменив заболевшую подружку. Её так очаровали невиданные чудеса, что она оказалась лёгкой добычей двух мерзавцев, которые отвлекли её от основной группы, опоили, а затем продали в одном из самых грязных притонов Огайтеллы. После всяческих мытарств Клаша оказалась в цирке. Цирк оказался неплохим местом, но о возвращении домой не стоило и мечтать.

Разобравшись, что цирковые представления не составляют цель жизни Клаши, Лиза принялась ненавязчиво рекламировать способности Клаши Гору, а заодно и всем другим обитателям замка: «В каждой уважающей себя семье должна быть кханеша. Быстрая реакция и сильные руки кханеш вошли в легенды. Боевое искусство кханеш известно всей галактике. Кханеши умные и преданные. Прямо-таки необходимо, чтобы и у нас была кханеша».

Вскоре после того, как Лиза сообщила Гору о своей беременности, Гранатов приехал к директору цирка с предложением, от которого тот не смог отказаться. И уже вечером Гор представил предполагаемую няню семейству. Толстая и неуклюжая с виду кханеша изящно поклонилась. И всем стало казаться, что Клаша обитала здесь всегда.

Рассказ оставил Тея равнодушным. Изучая сложный график на экране, он только заметил куда-то себе под нос:

- Чужак чужака чует издалека. Хотя занятно, что ты подружилась с кханешей. Впервые слышу, что такая дружба возможна. Люди-слоны считаются самыми высокомерными существами во вселенной, мы с ними не ладим.
- Какое там высокомерие. Если бы я могла, я бы её домой отправила.
- Да-да, и будь у тебя большая галактическая тарелка, ты установила бы мир во всём космосе. Верю.
 - Не получается у меня мир.

Усмехнувшись, Тей предложил:

— Тогда рассказывай о войне.

18. Кинжал и букет

Первым признаком беременности стали приступы слабости, во время которых Лизой овладевала совершеннейшая лень, не хотелось ни шевелиться, ни даже смотреть на что-либо. Вторым сигналом изменений в организме стали изменения вкуса. Лиза полюбила специфическую остро-терпкую кухню отийцев — потомков первых колонистов Твантры, которых было много среди персо-

нала Гранатового замка. Были и другие очевидные симптомы, однако Лиза сообразила, в чём дело, только когда почувствовала движение малыша у себя в животе.

После нескольких дней колебаний и репетиций разговора Лиза выложила новость Гору. Гор издал серию радостных воплей и помчался делиться восторгами со всем замком. А вскоре известие о том, что Гранатовы ждут наследника, стало достоянием и широкой общественности. Увы, как часто бывает, та, которой подобные новости следовало бы узнавать первой, оказалась одной из последних узнавших о ней.

Фелиция, недоумевающая из-за внезапного охлаждения мужа, услышала о том, что Лиза ждёт от него ребёнка, из разговора прислуги. Одна из отиек невзначай обронила несколько едких фраз насчёт госпожи, которую обманывают в собственном доме, и Фелиция незамедлительно отправилась к Лизе выяснять отношения.

Комната подружки была пуста. Фелиция добралась до спальни мужа и остолбенела. Обнажённая Лиза сидела на краю кровати, смеясь и выставив уже заметный животик. Гор, тоже голый, похрюкивая, бегал вокруг кровати на четвереньках, изображая какое-то животное.

Фелиция стояла столбом, пока бесстыжая парочка её не заметила. Лиза смутилась, понимая, что отпираться бесполезно, а Гор ослепительно улыбнулся:

— O! Ты решила заглянуть ко мне в спальню? Не может быть. Присоединяйся, повеселимся втроём.

Фели обрушила на изменника и предательницу поток бессвязных фраз, а затем попыталась напасть с кулаками сначала на Гора, а потом и на Лизу. Впавшую в неистовство Фелицию оказалось не так-то легко угомонить. Гору удалось её скрутить, но пришлось звать отийцев на помощь, чтобы унести брыкающуюся и непрерывно кричащую женщину.

Всю ночь и часть утра Гор провёл с Фелицией —

за закрытой дверью. За завтраком Фели заняла своё привычное место в столовой, и по её равнодушному лицу было невозможно понять, что же она думает и чувствует. Несколько дней Фелиция сохраняла спокойную маску, но Лиза понимала, что буре быть.

Для выяснения отношений с подругой Фелиция выбрала поздний вечер. Тихо проскользнув в спальню соперницы, она вкрадчиво обвинила Лизу:

— Ты всё рассчитала, подлая тварь.

Лиза отказалась от собственной расчётливости:

- Для альенок шансы на совместимость уверенно равны нулю. Никто не мог предположить, что я забеременею.
- А я не о беременности. Ты спала с ним. Ты жила в моём доме, ела мой хлеб, и обманывала меня с моим мужем. Ты омерзительная жаба, и самое гадкое в тебе то, что ты не понимаешь собственной мерзости.
- Это не твой дом, и я не ела твой хлеб. Мы с тобой в одной лодке, потому что мы обе нелегальные альенки, и наше пребывание здесь лишь прихоть Гора.
- Ты уродливая дрянь! Как ты посмела посмотреть в его сторону?! Он мой муж!! Он табу для тебя!
- Я влюбилась в него, как и ты. Именно этого он и хотел. Двух хорошеньких дурочек, которые спят с ним по очереди, а потом ссорятся. Отличное развлечение, с учётом, что мы не предъявим обвинений в разврате, нарушении брачных обещаний и прочей ерунде, которая здесь считается поводом для судебного вымогательства.

Фелиция, распаляясь, не хотела ничего слушать:

- Я тебя из дерьма вытащила! В цивилизацию привезла! А ты мне злом отплатила!
- Да послушай же! Мы не дома. Здесь выше сила тяжести, больше атмосферное давление. Мы живём у подножья гор, а не на равнине. Здесь больше солнца, и дни длиннее. Неизвестно, смогу ли я выносить ребёнка.

Неизвестно, родится ли он здоровым. Пока я держусь, но насколько меня хватит? А даже если всё будет хорошо, скоро мне будет не до любовных игр. И Гор вернётся к тебе. Дождись этого, вот и всё.

— Тварь! Какая же ты низкая, подлая тварь!

Лиза устала выслушивать оскорбления, но не представляла, как выставить невменяемую подружку. Разумные доводы попросту не доходили до сознания Фелиции. Оставалось дождаться, пока она накричится и устанет размахивать руками.

Почему-то Лиза, не так давно рыдавшая из-за крушения своего наивного мира, теперь не испытывала ни злорадства, ни торжества. Ей было искренне жаль подружку.

Мечущийся взгляд Фелиции наткнулся на длинный кинжал с эффектной ручкой, выложенной драгоценными камнями. Кинжал небрежно валялся на туалетном столике и терялся среди шкатулок и баночек. Злой импульс оказался сильнее голоса разума.

— Я избавлюсь от тебя, стерва!

Лиза успела увидеть блеск металла и отшатнулась, но острие с удивительной легкостью вошло между рёбер. Не вполне понимая, что происходит, Лиза инстинктивно попятилась, села на кровать, приложила руку к левому боку, увидела кровь на пальцах и от следующего удара ловко увернулась, перекатившись на бок. Выскочив в коридор, а затем на парадную лестницу, она поняла, что не может сделать вдох. Горло перехватило спазмом. Без сил опустившись возле мраморного столба, Лиза попыталась вспомнить, как дышать.

На её счастье неподалёку оказалась Элеонора. Увидев полулежащую Лизу с пятном крови на левом боку, жена Вовика издала звук такой пронзительности и силы, что через десять секунд вокруг собралась добрая половина обитателей замка.

Нежное объятие Гора и поток его отчаянных вопросов

вернули Лизе дыхание. А беглый осмотр показал, что на коже Лизы осталась лишь небольшая царапина. Нож, схваченный Фелицией, принадлежал Клаше и предназначался для банального фокуса. При нажатии лезвия складывались в заданном порядке, оставляя торчать лишь самый кончик.

Вокруг все галдели, суетились, что-то делали. Но у Лизы от ночи всеобщих забот и многословной поддержки осталось только одно ощущение. Ей отчаянно хотелось, чтобы её оставили в покое.

А пока продолжалась суматоха вокруг Лизы, Фелиция выбралась на стартовую площадку и угнала роскошный флайер Гранатовых для парадных выездов. Фели легла на случайный курс и долго гнала машину по прямой, но когда решила развернуться, не справилась с управлением. Флайер потерял высоту и по косой вспахал широкую кривую борозду на пустоши в необитаемой зоне. Угонщице надо было только подождать. Уже через час к яркому приметному боку флайера спустились спасатели. Но Фели пренебрегла элементарными правилами безопасности. Увидев необычные ярко-белые цветы на красивых витых тёмно-зелёных стеблях, она решила нарвать небольшой букет, выбралась из флайера и отправилась в одиночку исследовать колючие заросли жрутена.

Все заросли жрутена на обитаемых землях были уничтожены еще полтора хроноса назад. Да и Фели не очень интересовалась флорой и фауной местности, в которой обитала, поэтому откуда ей было знать то, что каждому ребенку Твантры, да и всей системы Шести Звёзд вдалбливают с раннего детства? Длинные изогнутые шипы жрутена содержат смертельный для человека яд. И человек, попавший в заросли жрутена, как правило, обречен — попытки вырваться из коварных колючек приводят к новым царапинам и получению новых доз парализующего токсина.

Экстренная операция спасла Фелиции жизнь, но не здоровье. Через несколько недель Фели вернулась в замок — зацикленной на своих болячках неврастеничкой. К этому времени Лиза полностью ушла в мысли о будущем ребёнке, и общение между подружками прекратилось, что Лизу нисколько не тревожило.

Много позже Дымча рассказал ей, что если она не считала нужным обсуждать случившееся, то Фели изрядно поспособствовала распространению нелепых и некрасивых слухов о злодейке, засевшей в Гранатовом замке. Согласно молве хозяин горной империи, красавец и герой, с одного взгляда влюбился в невинную девушку, идеал скромности и доброты. Полный страстных мечтаний и надежд на тихое семейное счастье влюбленный магнат привёл избранницу в свой дом. Но его бывшая пассия принялась травить и изводить счастливую соперницу. Угрозы, шантаж, подставы — коварная злодейка не останавливалась ни перед чем. Чуткое девичье сердце не выдержало — и ах! — страдалица кинулась в жрутен с головой...

Смешок Тея прервал жалостливо-ироничный рассказ:

- В твоём голосе есть нотка сомнения. Ты чувствуешь себя ответственной за то, что подружка и соперница пострадала. В общем, это правильно. Но задумайся, что она напала первой. Что, если бы то лезвие оказалось настоящим?
- Не знаю. Иногда мне хочется протянуть ей руку и сказать, что глупо жить в злости. А иногда я боюсь её до такой степени, что хочу убить.
- Так и запишем. Злодейка вынашивает план ужасного преступления.
 - Зачем ты ехидничаешь? Это не смешно.

Тей рассмеялся и объяснил:

— Не обижайся. Я не над тобой смеюсь, а над собой.

Мне приходилось убивать. Но я редко размышляю о своих чувствах по этому поводу. И уж точно не занимаюсь рефлексией с оттенком самоосуждения.

- Неужели ты никогда не думаешь, что было бы, если бы ты не убил?
 - Меня уже не было бы.
- Ты военный? Не успев удержать вопрос, Лиза приготовилась к тому, что Тей не ответит, но он спокойно покачал головой:
- Нет. Меня можно назвать наёмником. Я охраняю людей, сопровождаю грузы, выслеживаю кого-нибудь. В общем, делаю всё то, за что неплохо платят. И для того, кто может заплатить.
 - Ты многое умеешь.
- Приходится. Жизнь такая. Но мы отвлеклись. Не изводи меня любопытством в том, что самое интересное. Как ты родила?
- Обыкновенно. Запаниковала и начала громко орать: «A-a-a-a!!!»

19. Мать наследника

Беременность Лизы протекала без особенных осложнений, если не считать повторяющихся приступов слабости. Возникли проблемы с определением предполагаемой даты родов. С точки зрения приглашённых Гором врачей ребёнок развивался слишком медленно, но они не могли решить, было ли это особенностью беременности альенки или следствием проблем малыша. Лиза не дотягивала до средних физических показателей женщин ойкумены, и её миниатюрность могла сказываться на развитии крупного для неё ребёнка, который, тем не менее, был меньше, чем требовали принятые условные показатели нор-

мального развития.

Несмотря на все датчики и графики, роды начались неожиданно. Лиза настроилась на то, что придётся метаться в приступах боли с криками, но родовспоможение ойкумены давно перешло на другой уровень отношения к процессу появления детей на свет. Лиза, конечно, знала об этом, но не вполне поверила в то, что всё так уж хорошо. Однако роды прошли без каких-либо осложнений, спокойно.

А вот новорожденный, названный Сержианом, оказался беспокойным и капризным. Младенец хныкал сутки напролет, и заставить его замолчать могла только материнская грудь. Заменители молока провоцировали у малыша аллергические реакции, пустышки и прочие уловки младенцем категорически отвергались, и висящий на груди ребёнок отрезал Лизу от мира. У неё не хватало сил ни на что другое, кроме заботы о сыне...

Тяжело вздохнув, Тей сердито оговорил Гранатова:

- Твой дорогой Гор безответственный кретин. Беременность могла стоить тебе жизни. Почему он не удосужился проверить тебя на совместимость? Почему не увёз в хорошую клинику в федерации? Наступление беременности не означает генетической совместимости. В любой медицинской энциклопедии полно примеров гибели альенок из-за зародышей, которых они в принципе не могли выносить. Равно как и фотографий детейуродцев, обреченных на жалкое существование из-за генетических проблем.
 - И далась тебе эта генетика.

Помедлив, Тей тихо сделал, по-видимому, непростое признание:

— Ещё как. Я не чужой. Но я — теарий. По матери.

Значимость момента пропала из-за полной неосвеломленности Лизы в таких тонкостях:

— Кто?

Улыбнувшись, Тей объяснил:

- Теарии вымирающий подвид человечества, своего рода каста отверженных. О теариях ходит много разных нелестных слухов, в сравнении с которыми страшилки о каннибализме чужих просто рождественские сказочки для малышей.
 - Почему вымирающий подвид?
- Так уж вышло. В незапамятные времена теарии изолировались в одном из райских миров, чтобы не видеть дикости и варварства новых народов. Примерно сто хроносов назад этот мир был открыт заново. На момент контакта колония насчитывала всего около двухсот человек. Примитивное племя жило в хижинах у мелководья и приносило своих детей в жертвы богам. Оказалось, что изолянты ушли по своему генетическому пути, и люди ойкумены с ними уже не совместимы. Известно всего три случая рождения детей смешанной крови.
 - Твои родители любили друг друга.
- Да. И они не подозревали о проблемах совместимости. Мою мать ещё младенцем пожертвовали богу воды, но федералы вытащили её и увезли, она выросла в закрытом мире, ничего не зная о своём происхождении.
 - Может, поэтому ты и получился.
 - Ты проверила Сержа? У него стабильный геном?
- Вполне. Почти все гены Гора оказались доминирующими. Никаких серьёзных нарушений нет. Но он медленно развивается. Меня даже пугали тем, что он вырастет умственно отсталым. Он поздно сел, долго не ходил, да и вообще заметно уступает сверстникам.
 - Это всё относительно.
- Я уверена, что он умный, он всё-всё понимает, только выразить не всегда может. Он слышит сразу несколько языков, и это сбивает его, путает. Но я очень

много с ним занимаюсь. Он обязательно всё наверстает...

Вспомнив, что сын улетел в неизвестность, Лиза расстроилась и едва не расплакалась. Угадав её настроение, Тей взял её за руку, приобнял и успокоил:

— У него всё хорошо. То, что он — наследник Гранатовых, наверняка помогло ему вернуться домой. Хорошие люди просто сделали доброе дело, плохие захотели получить награду. Как бы там ни было, он сейчас дома, и Клаша присмотрит за ним. А Дымча обеспечит его будущее. Не волнуйся и думай о хорошем. Поверь, это работает.

Чёрные глаза обнадёживали, но золотые искорки в глубине казались застывшими льдинками.

— Я нужна ему. Единственный смысл моей жизни — дать ему то, что не сможет никто другой. Любовь. Заботу. Ласку. Понимание. Чувство, что он интересен и важен для этого мира. Серж не перекроит себе жизнь, спонтанно сбежав со случайными людьми. Он будет знать, что его любят, ждут, что о нём волнуются.

Снова воцарилась тишина. Потом Тей чуть иронично заметил:

— А Гор? Он хороший отец? Помогает тебе? Или завёл новую подружку?

Лиза пожала плечами, не зная как объяснить сложившееся равновесие:

- Он любит сына, но у него свой взгляд на воспитание. Он считает себя хорошим отцом, но мне не все его затеи нравятся. Про подружек не знаю, были, наверное, но я как-то не следила. К тому же у него есть Фелиция.
 - Удобно устроился.
- Да и пусть. Главное, что я получила права на ребёнка. Гор мог избавиться от меня, и многие ему советовали стать единоличным родителем. Однако он пресёк все скользкие разговоры и открыто признал меня равноправной ему матерью своего наследника. Поверь, это был

важный шаг. Куда значимее, чем все брачные контракты.

- Xм. Я тебе о мужчине, а ты мне о правах.

Лиза смутилась:

- Серж подрос, я поправилась, и у нас с Гором всё наладилось. Нам интересно друг с другом. Мы весёлая и дружная парочка. У нас растёт ребёнок. А на остальное можно не обращать внимания.
- Ты меня в этом убеждаешь? Или повторяешь заклинание для аутотренинга, чтобы случайно его не забыть?

Лукавая улыбка Тея смягчала горькую суть замечания. Но Лиза не успела придумать отговорку. Тей повернул её руку ладонью к себе, приподнял и нежно поцеловал несколько раз от запястья к пальцам.

Шокированная неожиданностью и откровенностью ласки Лиза растерялась. Мужчина, которого она уже привыкла воспринимать как брата по несчастью, только улыбнулся и бережно перецеловал по одному кончики её пальцев.

— Оставь сомнения в себе и отце своего ребёнка до счастливого возвращения. Здесь и сейчас есть только ты и я. Никуда нам не сбежать друг от друга, так что давай возьмём всё, что предлагает судьба. Немного любви, немного страсти, немного самообмана, что мы — дружная и весёлая парочка. Здесь и сейчас я люблю тебя, а ты любишь меня. Пусть это будет важным, а на остальное не будем обращать внимания.

Лиза замерла, с лёгким ужасом и нарастающим восторгом понимая, что признание ей нравится. Такое неожиданное, и такое волнующее признание — без ёрничанья, без экивоков. Вроде бы небрежные и необязательные слова, но такие искренние... Да и чего ещё хотеть в заброшенном бункере сорвавшейся с катушек планеты?..

Мужчина мягко обнял женщину и притянул её к себе. Поцелуй оказался манящим и нежным, осторожным.

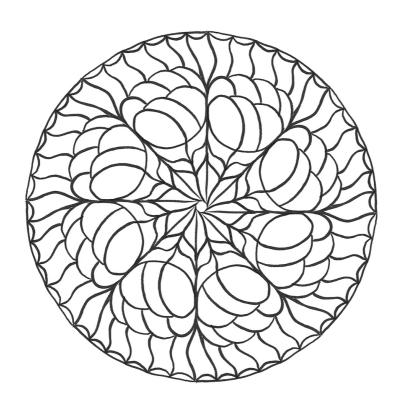
Слишком напоминающим о том, что осталось где-то очень далеко. И всё же таким земным, родным, волнуюшим.

— Поцелуй меня, Сероглазка. Забудем обо всём.

Забывать — так забывать. Лиза обвила руками шею мужчины и свалила его на истрёпанную кровать. Так здорово сердцем чувствовать биение рядом другой жизни. Так прекрасно прижаться к сильному телу и почувствовать себя желанной. Так замечательно утолить голод любви, откликнувшись на зов природы. Так легко быть свободными и любимыми в глубине разрушенного мира, затерянного в космосе.

Тей улыбался женщине в своих объятиях, и она возвращала ему улыбку сиянием ласковых серых глаз. А потом они спокойно уснули, забыв про кошмары и тревоги.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ * СНЫ ВСЕЛЕННОЙ

20. Сектанты поневоле

Надежды на спасение, поначалу яркие и сиюминутные, постепенно консервировались в едва заметную полоску зари за горизонтом обозримого времени. Говорить о спасении стало неприличным.

Жизнь в убежище, что называется, закисала.

Доктор бросил дневник. Кружок его «фанов» незаметно рассосался, галактические приключения набили оскомину. А после эпизода, посвященного попаданию супергероя в ловушку на далёкой планете, многие колонисты и вовсе начали бойкотировать доктора.

Формальным поводом для прекращения литературной деятельности послужило неудачное удаление зуба Кире. В запасах станции нашлись обезболивающие, но Кира наотрез отказалась от их использования, продекларировав всем и каждому, что у неё непереносимость стандартных лекарств, и что раньше ей всегда все делали со специальным препаратом, какого, во-первых, не знал сам доктор, во-вторых, не было на станции. В итоге одурманенную клементином Киру держало трое мужчин, а доктор Сом пытался решить проблемы её воспаленного зуба самыми дикими прадедовскими методами. Кира вырывалась как взбесившийся мустанг. Прокушенная рука доктора заживала намного дольше, чем дырка в десне пациентки, что и дало повод к приостановлению писанины.

Туз и его друзья стали напоминать религиозную секту, два основных постулата которой можно было уместить в короткие лозунги: «Мы за мир» и «Кто не с нами — тот покойник». Некоторый экстремизм заявлений пока не выплёскивался за пределы заседаний своеобразного кружка по интересам, но динамика настораживала. Вежливые приглашения Туза на «Беседы», как он сам называл

свои проповеди, было невозможно не принять, и Лиза, как и многие другие, периодически терпеливо высиживала по полтора-два часа эмоциональной говорильни, в которой почти ничего не понимала.

Тей присоединялся к этим сборищам далеко не всегда, но неизменно демонстрировал внимание к словам Туза, и того это, кажется, подзадоривало. Бизон во время проповедей попросту спал. Пёс делал записи карандашом в блокнотике. Со стороны казалось, что он конспектирует речи, но Лиза знала, что на самом деле Пёс пытается придумать новые рецепты чего-нибудь вкусненького из опостылевших консервов и каш.

Роман Пса с Иветтой трансформировался во вполне себе семейные отношения. Иветта съехала от соседок по комнате и расположилась в «апартаментах» лидера. К удивлению Лизы она совсем не задрала нос, и по-прежнему с удовольствием кормила всех в «ресторанчике». Ему даже дали название — «Космоед».

Несмотря на взаимопонимание парочки президента и поварихи основной темой чисто женской трепотни Иветты стали настоятельные советы всем вокруг ни в коем случае никогда не влюбляться. Потому что вот она сама, уж на что практичная и умная женщина, а допустила эту роковую ошибку, позволив грубияну занять в её нежном сердечке слишком много места. И теперь, мало того, что жизнь и без того тяжёлая, бедная Иветта ещё и невероятно страдает, потому что этот пень, этот чурбан, этот бесчувственный негодяй не отвечает ей взаимностью. Вот если бы Псу вдруг пришла в голову идея назвать её «богиней», она бы сразу воспарила в небеса, а не занималась глупостями вроде супов и десертов. Но всё, на что способен Пёс, так это обсуждать меню и вскрывать банки. И, видно, суждено Иветте умереть во цвете лет от мук неразделённой любви к красивому президенту.

Жалобы эти смущали Лизу, поскольку Иветта наме-

кала на комплименты, которыми время от времени осыпал «самую красивую женщину галактики» Тей. Зеркало отображало Лизе бледное лицо, припухшие веки, сухие тонкие губы и щёки с шелушащимися красными пятнами. Именно такой и никакой другой видел её мужчина, непринужденно болтающий о свежести наяды синего моря или юности феи зелёного леса. Лиза пыталась прихорошиться, но если Иветте для преображения было достаточно вплести в волосы киперную ленточку, «самой красивой женщине» не помогали ни кремы, ни новые причёски, ни попытки приодеться. Лиза оставалась невзрачной серостью с куцым хвостиком волос.

Немного утешали сентенции Эммы, самой старшей из женщин, которая высказывалась в том духе, что хромой отшельник Тей должен быть счастлив вниманием «милой крошки» и без всяких ленточек.

Сломанная нога Тея срослась, как и опасался Сом, неправильно, и Тей сильно хромал при ходьбе, но боли не испытывал, а швы затянулись, образовав ровные полоски шрамов. В целом, это можно было считать успехом экстремальной медицины. Однако с точки зрения Эммы хромота сразу передвигала Тея в умозрительном рейтинге мужчин на последние места. Самое последнее ему не досталось только потому, что, в отличие от большинства мужчин колонии, быстро решивших, что нечёсанная борода — это стильно, он всё-таки время от времени укорачивал растительность на лице.

Лизу не волновали ни хромота, ни борода, но одно то, что колонисты находили в таких мелочах поводы для долгих разглагольствований, наводило на мысли о неизбежности интеллектуальной деградации маленького сообщества. А Лизе отчаянно не хотелось тонуть в умствованиях вокруг формы нарезки овощей для борща.

Компьютеры издавали загадочные звуки и писали на экране длинные абракадабры. Лиза не задавала ника-

ких вопросов, надеясь, что рано или поздно Тей хоть чтото объяснит. Станция связи по-прежнему болталась в космосе бесполезной «шваброй» — так обзывали её Тей с Зеноном. Им удалось развернуть её примерно в нужном направлении и начать наобум передавать сигнал бедствия. Но поймать нужные настройки не получалось.

Сюжетные возможности автобиографии Лизы исчерпались. Вечерняя тишина раздражала сосредоточенностью Тея на цифрах и графиках, схемах и картах, которые постоянно мельтешили на экранах, и после мысленных прикидок Лиза начала рассказывать остросюжетный роман, заменяя имя героини местоимением «я».

На второй день Тей раскусил её. Рассмеявшись, он поцелуем заставил её умолкнуть, а потом констатировал:

— Занимательные байки хозяйки кончились.

Лиза ничего не ответила, и Тей, весело подмигнув, заговорщицки сообщил:

— Моя очередь быть сказочником.

Закутав подружку в одеяло, он неторопливо начал свою первую сказку:

— Наша Вселенная в действительности спит. И видит сны. Наши жизни — лишь крохотные кусочки мозаики её снов. Всю мозаику мы даже приблизительно не можем себе представить, но отдельные картинки можем пересказывать друг другу, и наши слова меняют общее полотно, добавляя к нему крохотные, но важные мазки. Каких-то жизней нет вовсе, но их стоит придумывать, чтобы сны Вселенной были ярче и красивее. А я, представь себе, боольшой специалист по части космической мифологии...

Вскоре Лиза убедилась, что это не было пустой похвальбой. Тей рассказывал свои истории медленно и без особых эмоций, но сюжеты оказывались захватывающими и интересными. Заодно выяснилось, что Тей хорошо рисует. Обыкновенным карандашом на любом клочке бумаги он в несколько штрихов создавал портреты

и целые сценки, которые становились для Лизы окнами в иные миры. Глядя на простые наброски, она видела яркую жизнь иных цивилизаций и культур, и карандашные линии заслоняли от неё неприглядную реальность.

21. Наследница по заказу

В незапамятные времена Первая правительница Великого мира Динора, впоследствии назвавшая себя ещё и Единственной, с присущей ей изворотливостью придумала способ решить проблему престолонаследия. Своих детей у неё быть не могло, и никакие выкрутасы медицины не могли вырастить недостающих в её теле клеток. Упрочив свою власть в седьмой части обитаемых миров Галактики, Динора собрала всех специалистов по биопроцессам и генетике в шикарном исследовательском институте, впоследствии названным Императорским Центром клонирования. Через полтора хроноса в инкубаторах центра под фейерверки и празднества всего Великого мира появились на свет первые маленькие копии самой Диноры.

Спустя десятилетие императрица оказалась перед фактом существования сразу восьми одинаковых девочек. Каждая была уверена в своей будущей власти, каждая ненавидела остальных «сестёр», каждая готовилась к расправам и с конкурентками, и с самой императрицей. Динора, пообщавшись с каждой из девочек, приняла очередное невероятное решение. В течение следующего года у всех воспитанниц обнаружились различные болезни и патологии, быстро прервавшие их юные жизни.

Динора сделала заказ на рождение ещё десяти маленьких копий и решительно пристроила к Центру Клонирования три огромных здания, переименовав его в Центр

Воспитания. Новый мозговой штурм привел к созданию уникальной программы развития личностей клонов в нескольких разных направлениях. Ученые, ранее не имевшие возможностей наблюдать сразу столько генетически одинаковых человеческих существ, рьяно принялись обсуждать физические, юридические, философские и чисто бытовые проблемы сосуществования клонов.

Что стало со вторым «выпуском» — осталось тайной. Была компания в прессе, посвященная появлению на свет новой «партии» Динор, но больше никто и ничего о них не слышал. В чём была допущена очередная ошибка, осталось тайной, как и судьба маленьких девочек. Поговаривали, что в генный код были внесены улучшающие изменения, и родившиеся дети оказались совершеннейшими монстрами. Как бы то ни было, вскоре информация о клонах стала автоматически попадать в разряд сверхсекретной. Но в отдельных публикациях нет-нет да всплывали упоминания о том, что, несмотря на идентичный генный код, клоны подчас сильно отличаются друг от друга по умственным и физическим показателям.

Власть Первой Диноры перешла к одной из воспитанниц пятого «выпуска», когда основательница империи уже перешагнула все возрастные пределы. Оракулы провозгласили, что Единственная императрица будет править вечно, поскольку её душа будет переселяться из старого тела в молодое, а раз так — подданным необязательно знать, что происходит с телами Диноры, важно лишь, что императрица продолжает великодушно и мудро управлять империей.

В Золотую эпоху Великого мира механизм передачи власти от одной Диноры к другой практически не менялся. Каждые десять лет рождались новые десять клонов. Подросших десятилетних девочек делили на несколько групп соответственно их уровню развития и наклонностям. Двадцатилетние клоны заканчивали общее обуче-

ние, проходили несколько весьма сложных тестов и начинали стажировку в различных отделах Управления делами императрицы. Одновременно им разрешалось вступать в близкие отношения с мужчинами, которые, впрочем, из-за особенностей воспитания никогда не оказывались сколь-либо продолжительными. Тридцатилетние женщины считались достигшими совершеннолетия и после очередного отбора утверждались в выбранной стезе деятельности. И лишь те, кто во время одного из отборов попадал в категорию A, могли в дальнейшем становиться императрицами.

Предстояли очередные выборы, и одна из воспитанниц императрицы Великого мира Диноры проснулась раньше времени. В длинном ряду одинаковых комнат, заставленных одинаковыми аккуратными кроватями, было неестественно тихо. Девочки даже не посапывали во сне. Любого человека, кроме самих воспитанниц и их учителей, вид спален с десятками одинаковых с виду девочек, девушек и молодых женщин поверг бы в неприятное изумление. Все воспитанницы были одинаково рыжими, белокожими, зеленоглазыми с немного вытянутыми лицами и твёрдой линией рта.

Десятилетняя Шаула никогда не задумывалась над своим сходством с сёстрами. Вместе с осознанием себя как отдельной личности, она осознала и собственную уникальность, что бы там не внушали умнейшие профессора и строгие учительницы. Она была единственной — и точка.

Девочка напрасно старалась успокоиться и уснуть, тревожные и честолюбивые мысли не давали ей покоя. Вдруг тесты, которыми их мучили последний месяц, отчетливо покажут её тайную мечту стать императрицей, и только ей? Вдруг оракулы решат, что она слишком честолюбива, и отправят её перекладывать бумажки

в какое-нибудь скучное управление? И она окажется среди пустышек, вся жизнь которых проходит в бестолковых одно-двухдневных связях?

Спустя несколько часов Шаула стояла посреди залитой светом залы, где собрались все воспитанницы, и даже многие из старших сестёр. В центре, за длинным столом, немного ссутулившись, сидела сама Единственная Динора. Вокруг неё полукругом расположились оракулы и воспитатели.

Высокий мужчина в длинной мантии встал и звоном маленького колокольчика попросил тишины. Шаула знала, что это Николаус Венциус, оракул из верховной лиги, преподающий философию и историю у старших воспитанниц. Взяв со стола папку, оракул медленно и ясно зачитал, кто из старших сестёр в какую группу специализации направляется. После окончания чтения в зале поднялся глухой ропот — в категорию «А» никто из воспитанниц не попал. Оракул молча оглядывал залу. Шаула случайно встретилась с его ласковым взглядом и поспешно потупилась.

Через мгновение оракул уже направлялся прямо к ней. У Шаулы подкосились ноги от неожиданного волнения. Николаус коснулся ладонью её плеча, и мягкий звук его голоса слишком громко прозвучал в мгновенно наступившей тишине:

— Вот единственная воспитанница, утвержденная нами в категории «А». Отныне её детское прозвище заменяется на официальный титул «Маленькой Диноры».

Дальнейшая часть его заявления потонула в рокоте сотни голосов, принявшихся спорить, возмущаться, удивляться и ворчать. Новоявленная Маленькая Динора не могла не пошевелиться, ни выговорить что-либо. Оракул, поняв её состояние, взял её за руку и настойчиво увёл из залы в один из классов. Усадив её за учебный столик, он присел напротив и ласково улыбнулся:

— Ну что же ты, Шаула? Неужели ты не рада? Я настоял, что ты сможешь выдержать такую нагрузку, несмотря на юный возраст, и теперь боюсь, не поторопился ли? Я создал удивительный прецедент, сделав тебя претенденткой на корону на двадцать лет раньше, чем обычно. Я за тебя рискнул и своей мантией, и почти что головой. Ты должна справиться. Я же знаю, ты удивительно сильная и целеустремленная девочка, и я составил для тебя отдельную программу занятий. Через пару лет ты заткнешь за пояс всех своих сестриц. Правда?

Шаула подняла полные слёз глаза, и Николаус снова улыбнулся:

— Ты будешь Великой императрицей. Это судьба. Маленькая Динора эхом откликнулась: «Судьба...»

Любопытство Лизы разрослось до размеров небольшой планеты. И она забросала Тея вопросами:

— Ну и что, она стала правительницей? А этот Николаус, почему он выбрал её? А у Динор бывают мужья? Почему они сами не воспитывают девочек — просто как дочек?

Тей иронично поднял брови:

- У Динор бывают мужья. Но на воспитание детей у Динор нет времени. Управление империей не такое уж простое дело.
 - Так Шаула стала императрицей?
 - Нет, не стала. Но, может быть, только пока.

22. Любовь и побег

Императрица великого мира Единственная Динора обедала в гостях у одной аристократической четы, когда вдруг почувствовала себя неважно. Она срочно вернулась

во дворец и созвала консилиум врачей. Те провели всестороннее обследование, но не обнаружили каких-либо патологий.

Принятые меры в виде дозы витаминов и общеукрепляющих средств результатов не дали. Состояние Диноры продолжало ухудшаться. Лёгкая простуда переросла в тяжелейшее воспаление легких, с которым едва удалось совладать при помощи насильственной регенерации части тканей. Небольшая доза алкоголя вызвала сильную интоксикацию, после которой пришлось проводить экстренную пересадку печени. Маленький синяк на ноге превратился в гематому, окончившуюся параличом ноги. Сбившиеся с ног медики созвали заседание лиги оракулов и предложили незамедлительно поставить во главе империи новую Единственную Динору. Пока оракулы обсуждали вопрос, министры обменивались впечатлениями, правительственные чиновники приводили в порядок дела — действующая императрица скоропостижно скончалась.

В этот печальный момент Николаус и Шаула беседовали в парке на лавочке в тени одного из огромных старых деревьев. Учитель серьёзно втолковывал своей повзрослевшей ученице:

— Ты должна быть готовой к переменам. Скоро ты станешь Единственной Динорой, и это навсегда. И я не смогу называть тебя Шаулой. Как мне кажется, ты слишком легкомысленно относишься к этому. Ты не по возрасту умна во всём, но только не в том, что касается тебя самой. Это меня беспокоит.

Шаула обвила руками шею учителя и нежно прильнула к нему с ласковым упрёком:

— Зачем ты пугаешь меня сейчас, когда впереди целых десять лет? И есть другие сёстры категории A старше меня.

— Как знать, если события будут и дальше развиваться с такой скоростью, ты станешь императрицей через месяц-другой.

Ник отстранился от молодой женщины и грустно полытожил:

— Мы не сможем часто видеться. Оракул может отругать провинившуюся воспитанницу, но для того, чтобы поговорить с императрицей, ему надо иметь значимый повод. Ты должна будешь выбрать себе нескольких любовников. И тебе пора над этим задуматься. Нельзя всю жизнь прожить, витая в детских грезах.

Шаула встала и гневно посмотрела на учителя:

- Неужели кто-то посмеет указывать императрице, с кем она должна разговаривать и с кем проводить ночи? Поверь, я отучу аристократов от этой вредной привычки.
- Тебе будет не до этого. Обычно есть период, когда две Диноры правят параллельно. Но никто не мог подумать, что две последние Диноры не дотянут и до пятидесяти. Передача власти произойдет в экстренном порядке. Тебе придется решать всё быстро и самостоятельно. А в империи грядут непростые времена. Дальние миры раздирают междоусобицы, у правительства практически нет ресурсов для их обуздания. Союз Римециев вот-вот начнет войну за Пояс Анаксионы, а наш Генеральный штаб больше похож на собрание дома престарелых. Миссионеры учения Хатахи слишком привольно стали чувствовать себя. Культ Диноры нуждается в обновлении, а наши святые отцы погрязли в выяснении отношений у кого хоромы больше, да чей род знатнее...
- Ник, мне плевать на культы и военных, мне плевать на правительство, мне даже плевать на империю. Ты будешь моим главным советником, главой правительства и генералиссимусом в одном лице.

Оракул после тяжёлой паузы решился признаться:

— Шаула, милая, дорогая моя девочка. Мне надо

бежать от тебя! Я совсем не тот, за кого ты меня принимаешь... Когда-то давно я был внедрён в школу специально для того, чтобы продвинуть одну из девочек и в дальнейшем оказывать на неё максимум влияния. Я — агент Галактической Федерации.

Заметив в распахнутых глазах девушки выражение беспредельного ужаса, он торопливо продолжил:

— Я люблю тебя, Шаула. Люблю больше жизни, больше родных миров. Я давно предал Федерацию. Но я не смогу остаться с тобой. Если федералы меня засветят, а они это сделают, это серьёзно повредит тебе. Я не могошибиться десять лет назад: ты должна быть императрицей. Ты рождена императрицей, и только тебе под силу справится с охватывающим Великий мир кризисом. Ты не должна придавать значения мимолетным чувствам. Для тебя будет лучше навсегда обо мне забыть.

Девушка упрямо склонила голову и отчеканила:

— Мне плевать, кто ты. Я люблю тебя. И я всегда буду любить только тебя. С этим ничего не поделаешь, буду я императрицей или нет.

Николаус не успел ответить. Из-за деревьев показался курьер и сообщил растерявшейся парочке о кончине действующей императрицы.

Церемония передачи власти происходила в узком кругу действующих советников Единственной Диноры и нескольких министров. После стандартного вступления один из советников обратился к Шауле и произнес обычную формулу приветствия вновь обретенной императрицы. Однако вместо ожидаемого краткого ответа и текста присяги народам Великого мира, Шаула во всеуслышание заявила:

— Нет, не называйте меня императрицей. Я не являюсь вместилищем души Единственной Диноры. Я — Шаула и собираюсь остаться ею до конца своих дней.

Я полюбила замечательного человека, и хочу провести жизнь вместе с ним. Я должна иметь право выбора, и я отрекаюсь от титула и от империи.

Над залой повисла мёртвая тишина. Никто не знал, что делать и как реагировать. Никто никогда не решался нарушить ход церемонии нечаянным кашлем или шарканьем ног, не говоря уже о несвоевременных заявлениях.

Первым опомнился один из главных советников, и по его знаку две старших сестрицы Шаулы направили на отступницу свои бластеры, а затем и подтолкнули её к дальней двери, ведущей в лабораторный корпус. Шаула с достоинством проследовала за охранницами.

Заперли её в одной из комнат Центра Воспитания. Раньше она никогда не была в подобных помещениях. В центре стояло что-то похожее на ванну, вдоль одной из стен стояли контейнеры с дверцами. Открыв одну из них, Шаула догадалась, что это холодильник. Стена напротив была завешана красочными плакатами с непонятными рисунками и надписями. Больше всего комната соответствовала описаниям ужасного утилизатора из детских страшилок. Думать о подобном не хотелось.

Прошло несколько часов внутренней борьбы Шаулы со страхами, как вдруг сверху что-то зашуршало. В голове женщины мгновенно пронеслись страшные рассказы о неведомых мутантах, обитающих в лабораториях. Неожиданно одна из массивных плит потолка легко отодвинулась в сторону, и в комнату упала тёмная фигура. Человек быстро поднялся на ноги, проверил все углы комнаты и активировал непонятное устройство на своем поясе. Аппаратик замигал крошечным зелёным огоньком, и его обладатель повернулся к женщине:

— Меня зовут Скиф Тарский. Я друг Николауса и пришёл помочь тебе.

Шаула изумленно уставилась на неожиданного помощника. Тот без лишних разговоров подхватил её под

колени и выбросил вверх в отверстие, из которого только что появился. Подпрыгнув, он зацепился за край дыры, подтянулся и вполз за женщиной. Осторожно вернув плиту потолка на места, он быстро пополз на четвереньках по пыльному тесному коридору. Шаула последовала за ним, удивляясь собственной беспечности.

Коридор тянулся недалеко, обрываясь в узкую вертикальную шахту, посреди которой болталась тонкая веревка. Спутник Шаулы без колебаний ухватился за эту ненадежную опору и знаком показал женщине, что дальнейший путь предстоит вниз. Наследница Великого мира зажмурила глаза и с ужасом повисла над бездной. Бездна оказалась глубиной около трёх метров.

Потом были ещё переходы, верёвки, прыжки и падения. Провожатый Шаулы время от времени сверялся с маршрутом движения — прямо на его руке высвечивался непонятный чертёж с цветными линиями и пометками. Наконец, мужчина ловко открыл маленькую потайную дверку, и вытолкнул Шаулу в полутёмную каморку. Ещё одна дверь — и они оказались в опочивальне Императрицы.

Наследница подошла поближе к высокому ложу и с любопытством уставилась на мёртвую женщину, покоившуюся на нём. Неужели ей предстоит стать такой же жалкой, такой же беспомощной, такой же бессильной?

Прежде чем она успела возмутиться, Скиф без малейшей тени сомнения или брезгливости аккуратно стащил мёртвое тело с кровати на пол, завернул его в сорванную занавеску и отнёс в угол комнаты.

Постелив на кровать ещё одну занавеску, он сел на неё сверху прямо в ботинках и рукой поманил Шаулу к себе. Она мгновенно разозлилась:

- Ты что себе позволяешь, наглец?!
- Позволяю себе пригласить тебя поспать остаток

дня. Впереди у нас трудная ночь, а здесь нас никто не побеспокоит.

Шаула с опаской приблизилась и присела на кончик кровати. Взяв протянутую фляжку, и она с наслаждением сделала несколько обжигающих горло глотков водки. Скиф попробовал её немного успокоить:

— Расслабься, великая и единственная Динора, по крайней мере, сегодня тебя точно не разберут на запчасти. Представь себе изумление оракулов, когда они обнаружат твоё исчезновение. Бьюсь об заклад, что им понадобиться не меньше двух дней, чтобы понять, каким именно путем я тебя увёл. Надеюсь, к этому моменту ты будешь далеко.

Шаула решилась спросить:

- A где Ник?
- Греет яму в парке. Шаула замерла от ужаса, и Скиф с улыбкой торопливо добавил. Нет-нет, не надо слёз. С ним всё в порядке. Он прячется по моему совету. Хотя, с другой стороны, зачем нам двоим нужен Ник?

Ласковое прикосновение Скифа оказало на Шаулу магическое действие. Она успокоилась и доверчиво приникла к мужскому плечу, так было уютнее и безопаснее. А ещё через минуту они уже целовались. Претендентка на императорский трон до сих пор целовалась только с одним мужчиной, и неожиданно обнаружила, что поцелуи с другим мужчиной тоже могут быть приятными. Скиф легко обнял её и нежно уложил на постель. Она позволила ему раздеть себя и, едва осознавая происходящее, отдалась чужим властным желаниям.

Потом наступило тяжёлое отрезвление. Наследница Диноры не могла поверить, что опустилась до случайной связи с первым встречным. Она слезла с кровати, добрела до портрета в углу, опустилась на колени и принялась горячо молиться:

- Госпожа моя! Динора Небесная! Прости свою нера-

зумную дочь за ошибки, ею совершенные. Укажи мне путь? Что ждёт меня в этом мире?

С кровати раздался ленивый голос её соблазнителя:

— Что ждёт тебя в нашем мире? Ничего особенного. Завтра нам удастся прорваться к кораблю, шансов на побег процентов восемьдесят в нашу пользу. Потом вам с Ником придётся поскитаться. Вернуться обратно будет невозможно — тебя немедленно утилизируют, хотя, по совести говоря, ты — лучшее воплощение мятежного духа Первой Диноры. Галактическая Федерация тебе не поможет, если их Служба Безопасности докопается, кто ты — не сомневайся, проблем не оберёшься. К тому же у них накопился длинный список претензий к твоему возлюбленному. И в Союзе Римециев тебе делать нечего.

Шаула встала и метнула на Скифа злой взгляд. Он улыбнулся и продолжил:

— Остаётся одно — маленький, отдалённый, ничем не примечательный мир, предпочтительно необитаемый. Ник, безусловно, обретет там настоящее счастье. Он будет писать свои великие труды, зная, что любимая сидит рядом и смотрит на него влюблённым взором. Но сколько так будет продолжаться? Год? Десять? Пятьдесят?? В твоих жилах бушует горячая кровь, как надолго ты сможешь забыть врожденную тягу к приключениям? Придёт день, и ты захочешь вырваться с опостылевшей планеты. Не сомневаюсь, Ник последует за тобой хоть на край вселенной, вот только один его трактат, возможно, самый лучший, останется недописанным...

Несостоявшаяся Динора упрямо тряхнула головой, и мужчина с понимающей гримаской умолк.

С наступлением темноты Скиф очередными тайными коридорами вывел Шаулу на окраину Императорского парка. Вокруг стояла удивительная тишина, а за первыми

деревьями Ник улыбался своей любимой. Наследница Диноры бросилась к нему, и они замерли в объятьях друг друга.

Скиф не дал им слишком уж увлечься этим приятным занятием:

— Слушайте внимательно. За третьим полем для игр, на опушке небольшого лесочка лежит «дайрисса». Вам нужно добраться до неё и отдать команду «старт». Маршрут запрограммирован, после трёх прыжков вы окажетесь в недосягаемости на орбите Огайтеллы. Да-да, в том самом пиратском гнезде. Назовёте патрулю моё имя — и выберете приличный кораблик в обмен на «дайриссу». Отправитесь в сторону Ригелии. Один мой друг перехватит вас по дороге. Опять же, не пугайтесь, он поможет вам выбрать один из десятка подходящих миров. И чтобы ещё хроносов пять о вас никто ничего не слышал!

Ник машинально спросил:

— А ты?

Скиф только пожал плечами:

Как известно, третий лишний. Пошли, у нас мало времени.

Шауле казалось, что она знает каждое деревце, каждый изгиб ветки в Императорском парке, однако тропинка, выбранная провожатым, была ей неизвестна. Лишь через какое-то время она сообразила, что нет никакой тропинки, они просто ломятся через лес напрямик.

Когда до заветной опушки оставалось всего ничего, сверху раздался громкий голос:

— Немедленно остановитесь и сдайтесь!

«Третий лишний» повернулся к застывшим влюбленным и резко приказал:

— Бегите! Я вас прикрою!

Ник с Шаулой добежали до спрятанного кораблика за несколько секунд, и Наследница Великого мира, Избранница судьбы, Обладательница бессмертной души

Единственной Диноры помчалась сквозь пространство и время в вечных поисках счастья.

Тей замолчал. Лиза выдержала паузу и прокомментировала:

- Императрицы тоже женщины. Подумать только, ради любви бросить одну седьмую часть ойкумены. Невероятно. А этот «третий лишний», он кто?
- Приятель Ника, ещё со школы. А учился Ник в экспериментальной школе Александра Аквинорского. Так что восемьдесят процентов были просто шуткой. Против Скифа у имперцев не было шансов.
 - Впервые слышу про такую школу.

Хихикнув, Тей объяснил:

— Идея стара как мир. Александер собрал несколько десятков детей, намереваясь вырастить из них сверхлюдей. Детей тренировали на выносливость, а заодно обучали их технологиям программирования сознания и принципам массового внушения. Через несколько циклов школу реформировали, признав эксперимент неэтичным. Но сейчас выпускники Александера занимают почти все ключевые управленческие посты, и не только в Федерации. При этом все они поддерживают друг друга и образуют прочную паутину связей. Это мощный фактор стабильности в ойкумене.

Полюбовавшись портретом Диноры на обороте листа с чертежами, Лиза спросила:

- А где сейчас Шаула и Ник?
- Где-то. Последняя наследница загадочным образом исчезла вместе с одним из верховных оракулов. Это всё, что известно. Про Динор вообще мало что известно. Никто не знает, сколько их на самом деле, когда они рождаются, когда умирают, как живут. Вот народ и сочиняет всякие байки.
 - Ты знаешь подозрительно много деталей.

— У меня богатая фантазия.

Лиза, поразмыслив, нашла подвох в истории, рассказанной Теем:

— Если Скиф — друг Ника, значит, федералы сами организовали похищение Диноры. Ник спровоцировал её на отречение и увез в неизвестность. Я слышала, что в Великом мире очень неспокойно. Федерации это наверняка выголно.

Тей тихо заметил:

- Хорошо, что флёр романтики не заслонил для тебя последствия этой истории. Но, увы, федералам такой план и не снился. Эта парочка действительно любила друг друга до полной отключки мозгов. Они не думали о последствиях. И любовь ввергла наши миры в хаос. Великий мир вот-вот рухнет, потому что та единственная, что должна была удержать его в равновесии, сбежала, бросив всё и всех на произвол судьбы. А Федерации это вовсе не выгодно. Лучше крепкая империя в качестве теоретического врага, чем хаос нескольких десятков военизированных мирков, жители которых считают собственность Федерации своей законной добычей.
- Их же там много, этих Динор, нашлась бы какая другая.
- В этом-то и дело. Их много, и сейчас они все воюют между собой.

Улыбнувшись, Тей спросил:

— А что бы ты сделала на месте Шаулы?

Лиза только пожала плечами:

— Я на её месте никогда не оказалась бы. Я не такая. Меня бы не выбрали. Какая там империя... Я была бы двадцать третьей воспитательницей в центре для клонов. Возилась бы с дочками. И была бы по уши счастлива, когда дорогой оракул возвращался бы домой со своей непонятной, но, конечно, очень важной оракульской работы.

- Они не были бы твоими дочками.
- Если ты имеешь в виду определенную генетическую последовательность, то это неважно. Гены не абсолют. В мире полно детей, которым нужна мама. А вот мам обычно не хватает.

Тей притянул Лизу к себе и медленно поцеловал.

- Если бы все красивые женщины думали как ты, мир был бы совсем иным.
- Мир обычно не слушает, что говорят мамы. Моя матушка всё ругала меня, что я слишком упряма и спутаюсь с каким-нибудь плохим парнем. И что? Вот она я в чужой ойкумене, на взбесившейся планете, в компании наёмника. Да и твоя мама вряд ли мечтала, что её сын станет охранником тёмных личностей и экспедитором нелегальных грузов. Скорее, мечтала о выставках знаменитого художника.

В глазах Тея расплылись боль и грусть, и Лиза поторопилась добавить:

- Прости.
- Не за что, Сероглазка. Ты права.

Но разговор всё же оборвался.

23. Фермерский рай

Погибли Ардин и Костян. Первый неизвестно зачем залез в гигантский холодильник, где и заморозился, когда захлопнулась дверь. Второй неудачно упал и сломал бедренную кость. Сильное кровотечение удалось остановить, но лекарства, спасшие Тея, Костяну не помогли. Через три дня он скончался в жуткой лихорадке. Впавший в депрессию Еревай признался, что это он толкнул Костяна — в процессе силовой разборки из-за томного взгляда Киры. Просидев под арестом около недели, убий-

ца свел счеты с жизнью, повесившись на жгуте из полотенца.

В колонии перестали смеяться и улыбаться. Пёс распорядился о снижении норм выдачи воды и питания. А также запер Киру на неделю под ответственность сурового Моршана.

Тей несколько раз долго и эмоционально беседовал с Псом и Тузом, но было понятно, что результаты этих не то переговоров, не то уговоров его не воодушевляют. Пришло время кризиса. Не сразу, но Лиза догадалась, что и выбор баек, которые Тей ей рассказывает, определяется его тревогой.

Хотя у новой истории оказалось красивое начало:

— Я расскажу тебе ещё одну сказку. О любви. О великой любви, в честь которой возвели огромный монумент. О любви, ставшей сюжетом фильмов и сериалов. О любви, вдохновившей творцов всех мастей на яркие полотна и длинные мелодии.

Лиза недоверчиво улыбнулась столь патетическому вступлению, но взгляд Тея остался серьёзным и печальным. А лицо нарисованной им девушки оказалась слишком непропорциональным, как будто он сознательно превратил портрет в карикатуру.

Длана была небольшой и сравнительно бедной планеткой. Вся немудрёная промышленность была собрана в десятке крупных городов на одном большом континенте, а то, что не занимали города, отводилось под фермы. Длана поставляла в Федерацию мясо. Длинные вяленые ломтики в герметичных упаковках и жирные кусочки с соусом в толстых консервных банках, мягкие филе в стерильных лотках и готовые копчёные ребрышки в фольге. Тёплый климат и достаточное количество воды создавало на Длане идеальные условия для производства продуктов питания. Но стоимость транспортировки ока-

зывалась в разы больше стоимости самих продуктов, и дланское мясо в федерации считалось относительно дорогим.

Беспорядки на Длане начались из-за отказа Федерации возобновить один из крупных контрактов. Федералов не устроила запредельная цена. Дланцы не могли предложить цену ниже и оказались перед угрозой остаться без рынка сбыта. Первая стычка случилась, когда несколько фермеров слегка поколошматили парочку чиновников Федерации — в отместку за пренебрежительное сравнение с тупыми коровами, которое по скудоумию высказал один из пострадавших чинуш. Затем снежных ком конфликтов и разборок вдруг вырос до никем не контролируемого произвола в отношении всех федералов вообще.

Наконец, на центральной столичной площади прошла многотысячная манифестация, закончившаяся тем, что четырех наиболее одиозных официальных лиц Федерации вздернули прямо на центральной городской площади. Чего именно хотели манифестанты, было непонятно даже им самим, но результат оказался вполне закономерен. Федерация ввела торговое эмбарго и пригрозила Длане военными действиями.

Беспорядки мало занимали Магду Тондайс — первую красавицу и самую видную невесту Дланы. Магда была всецело погружена в подготовку к своей свадьбе. Аро Доган сделал ей предложение, и брак должен был соединить родственными узами две богатейшие семьи Дланы. Любовь Магды и Аро была тщательно выпестована отцами жениха и невесты, и вопреки всем скептическим усмешкам расцвела как раз тогда, когда и должна была расцвести.

Дланская смута не беспокоила и отца Магды Айрона Тондайса — у него было достаточно капиталов в банках и Федерации, и империи Диноры. Но Эрик Доган

в беспорядках обрёл то, чего ему всегда не хватало — адреналиновый азарт и упоение чувством значимости. Эрик настоял на том, чтобы Аро участвовал в заседаниях Комитета Спасения, и Аро увлёкся ролью молодого лидера, на равных со старшими участвующего в исторических событиях. Магду растущая известность жениха только радовала — им обоим открывались заманчивые перспективы. Кто знает, может, Аро через пару циклов сможет стать и президентом? А кому, как не Магде, быть первой леди планеты?

Когда на Длану приземлилась шлюпка с очередной делегацией переговорщиков из Федерации, по рукам пошли листовки с карикатурными изображениями ржавого ведра и издевательскими надписями «последняя надежда галактики». Обожжённая и ободранная скорлупка кривенько села на окраине базы федералов, и из неё вышло всего четыре человека. Предводителем нелепого отряда оказался невысокий худощавый мужчина. Его сопровождало три человека — гигант, толстяк и хлипкий юноша с рукой на перевязи. Четвёрка никак не тянула на армию, и Доган почти весело объявил соратникам о том, что победа не за горами.

Тем не менее, заседание Комитета Спасения провели в тот же день. И ультиматум, предъявленный переговорщиком, был далёк от каких-либо компромиссов:

— Меня зовут Сет Приморский. Я уполномочен урегулировать конфликт. На время переговоров ваша планета поставлена в режим карантина. Мой корабль припаркован возле третьей луны Тройны. Он сбивает настройки ваших системных маяков. И ваши тоннели автоматически блокируются извне. Использование межгалактической связи возможно исключительно с базы федералов, через промежуточный маяк, с разрешения командира базы Мирона Тайкинда. Он, правда, серьёзно ранен, так что желающие получить разрешение могут отправляться

прямо сейчас — занимать очередь.

Эрик Доган не сдержал эмоций:

— Вы с ума сошли! Это не карантин! Это блокада!

Сет только пожал плечами:

— Называйте, как хотите. Ваши беспорядки — результат работы Коршуна, одного из пиратов Огайтеллы. Коршун и его команда — до полутора сотен людей — сейчас находятся на Длане. Их цель — контроль над вашим тоннелем, ведущим к Великому миру. Это удобный и дешёвый транзит от Чауменды к Осторну. Ваше мясо пиратам вовсе не нужно. У них есть грузы поинтереснее.

Когда возмущенный шум немного утих, Сет коротко добавил:

— У Дланы сутки на то, чтобы полностью сложить оружие. Или я начну войну с пиратом прямо здесь. Любой вооруженный человек будет рассматриваться как участник пиратского сообщества. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Молодой и громкий голос Аро перекрыл вновь возникший гул:

- Вы нас будете убивать? По одному?
- Я буду арестовывать вооруженных людей. Позже они предстанут перед судом.

Кто-то рядом с Аро обронил небрежное: «Знаем мы эти суды!», и юноша вновь выкрикнул:

— Начните прямо сейчас! С меня! Я отказываюсь сложить оружие. Арестуйте меня!

Сет спокойно спрыгнул с небольшого возвышения и медленно направился сквозь толпу к юноше. Дланцы не решались открыто напасть на переговорщика, он это чувствовал и невозмутимо пробирался между людей к Аро. Но его слова оказались обращены не к юноше, а к тому, кто стоял рядом и вполоборота.

— Южен Попаду, ты арестован за преступления против человечества. Надо бы зачитать тебе твои права,

но обойдемся без формальностей. Мы ведь давно знаем друг друга, неужели ты думал, что я не узнаю твою мерзкую рожу под этим смешным гримом?

Мгновенная схватка продолжалась меньше секунды. Южен оказался повержен на спину и упакован в ошейник и силовые браслеты. Парик и часть краски с лица преступника сползли, открыв присутствующим истинное лицо пирата. Тяжёлый мощный бластер, который пират пытался выхватить, Сет легко отобрал и небрежно всунул в один из карманов на своей ноге.

Словно по мановению волшебной палочки в дверях собрания возникли три спутника Сета, которые легко подняли и увели Южена в направлении базы федералов. На этом заседание закончилось.

24. Предсвадебная вечеринка

Тем же вечером переговорщик непринужденно заявился в гости к Тондайсам, где проходила одна из предсвадебных вечеринок. Сет попросту нарисовался на пороге дома Тондайсов, и никто не решился воспротивиться его присутствию.

Айрон, поняв по замешательству публики, что от хозяина дома требуется чуть больше, чем стоять столбом, занял Сета подобием светской беседы, которая впрочем, неизбежно скатилась к обсуждению ультиматума.

- Вы не похожи на посла.
- A я и не посол. Я лишь тот, кто расстилает перед послом ковровую дорожку.
- Вы заблокировали мирную планету. Это против всех правил.
 - Нет выбора.

- Вы ставите нас в положение заложников.
- Вы сами подставились, поддавшись на провокации пиратов. Не надо было убивать людей Федерации.
 - Я не убивал.

Сет чуть усмехнулся и парировал, демонстрируя неплохую осведомленность о делах Тондайса:

- Но вы одобрили убийства. Вы спонсировали вооружение отрядов молодежи. Кучка юнцов носит новёхонькие бластеры от «Симмонс баллист», партия таких пришла сюда с пиратской контрабандой около месяца назад. Заказ оплатили лично вы.
- У нас стало неспокойно. И у детей должна быть возможность зашитить себя.
- Если детей вооружать, их надо учить тому, как обращаться с оружием. Пираты не будут делать скидки на неопытность. Да и обнаглевшие детки с оружием всегда проблема.

В резком ответе Тондайс не смог скрыть раздражения:

- Вы пришли учить меня тому, как воспитывать детей? Может, займётесь допросами того пирата, которого арестовали? Глядишь, он расскажет о пресловутом Коршуне.
- Допрашивать Южена неинтересно. То, что он может рассказать, я и так знаю. То, что я хочу узнать, он не расскажет. Скажем, так быстро, как я хочу, не расскажет. Так что мы просто начали его убивать... Представляете, этот крупный и сильный человек очень боится сцилканов. А у нас совершенно случайно оказалось несколько этих красивых созданий. Они такие милые... Особенно когда голодные.

Айрон не смог скрыть ужаса:

- Ввы... вы сказали, что будет... суд.
- Он и был. Мы с коллегами днём провели судебное заседание и единогласно вынесли приговор. Видите ли, именно Южен нажал кнопку в Олентаевске. А там погиб-

ли наши друзья. Они выбрали Олентаевск как один из самых безопасных городов нашего космоса, и они ждали ребенка, так что... Смягчающих обстоятельств не нашлось.

После долгого молчания Айрон внешне спокойно заметил:

— Вы только что признались в том, что Федерация практикует такие методы.

Нервные руки фермера выдавали то, что он лишь пытается остаться спокойным. Аккуратно подстриженные ногти кромсали большой палец, отковыривая от него окровавленный заусенец. Несомненно, Айрон знал, кто такие сцилканы. И знал, что эти маленькие изящные существа будут жить на теле человека достаточно долго, причиняя невероятную боль и превращая жизнь своей жертвы в постоянную пытку.

Сет пожал плечами и равнодушно объяснил:

- А вы думали, что нет? Вы считаете, что можно иметь дело с нелюдями, убивающими сто тридцать тысяч человек меньше, чем за час, и оставаться в белых перчатках?

Рассказ о сцилканах был скользкой темой. Если политики больших и малых цивилизаций ойкумены в чём и были согласны друг с другом, так это в тотальном запрете на содержание сцилканов. Даже для научных целей. Наличие сцилканов у команды федералов было, мягко говоря, вопиющим нарушением закона.

Но Айрон до такой простой мысли не додумался. Оторвав от себя крохотный кусочек плоти, он принялся мучить следующий палец и после очередной долгой паузы спросил:

- Зачем вы мне всё это рассказали?
- Чтобы вы рассказали кому-нибудь ещё. Команда Коршуна известна тем, что для неё нет никаких правил. Массовые убийства ради забавы, пытки, глумление над

живыми и мёртвыми. Изрезанные дети, искалеченные женщины, замученные мужчины — это то, что нравится Коршуну. Вы хотите стать ещё одним Олентаевском?

- Длана мирная планета. Здесь много детей и женщин. И нет пиратов.
- В вашем космопорте стоит «ласточка» Коршуна. Ей сделали новые идентификационные данные, её внесли в реестры как корабль вольной торговли, но есть такие старые штуки, как выбитые в металле номера. Я не поленился и сверил совпадение в семи случаях из девяти.
 - Вы что, залезали в корабль?
- Упаси меня святые девы. Не люблю все эти тёмные и мрачные отсеки. Я подкинул деньжонок охране, они сами и сползали.

На лбу Айрона резко прорезалась морщина, но потом лицо его снова разгладилось, хотя пальцы продолжили отковыривать глубокие заусенцы. В голосе Тондайса проскочило негодование:

- Вы подвергаете нас риску. Почему бы вам не подождать, пока Коршун улетит? Поймаете его на выходе из тоннеля. Или выловите в космосе.
- Коршун отличный пилот, он учился в Федерации на истребителя. У нас есть, конечно, «кошка», и я сам пилот не хуже пирата, но зачем вся эта канитель? Отсюда он точно не смоется, а если попытается уйти без тоннеля вот тогда мы устроим славную охоту.
- Вы это серьёзно? У вас есть «кошка»? Берегитесь, это заманчивая добыча для пиратов.
 - Пусть попробуют взять. Это будет даже весело.
 - Коршуна тоже ждут сцилканы?
- О нет, это было бы слишком гуманно. Мы не хотели об этом болтать раньше времени, но я скажу вам. По секрету. Коршуна и тех, кто грабил мёртвый город, ждут в университете Колумина. Там есть толковая команда биологов, которые работают над способами реабили-

тации тех, кто выжил в Олентаевске. Им катастрофически не хватает добровольцев для исследований. Несколько подопытных образцов, которые последовательно пройдут все стадии отравления, а потом начнут принимать наборы экспериментальных лекарств, значительно ускорят и упростят работу.

Тондайс нервно сглотнул и не смог ничего сказать.

Сет улыбнулся и сменил тему разговора:

— У вас красивая жена. И ещё более красивая дочь. Я прочитал в энциклопедии статейку о Длане, но там не было ни слова о правилах ухаживания за вашими красотками. Не просветите меня в двух словах? Как пригласить вашу дочку на танец? Не хочу случайно оскорбить такую эффектную девушку.

Айрон нахмурился и сердито оборвал нестерпимые разглагольствования федерала:

Магда не свободна. Она скоро выйдет замуж.
 За любимого человека.

Сет кивнул и одобрил сказанное:

— Это правильно. Такие милашки на свободе — угроза космосу.

Не дождавшись больше никаких пояснений от Айрона, Сет медленно направился через большую залу к выстроившимся в ряд девушкам.

Федерал остановился прямо перед Магдой:

— Ты определённо красавица номер один. Как насчет прогулки наедине? Под луной? Несколько невинных поцелуев, одно маленькое и ничего не значащее приключение? А? Что скажешь?

Некоторое время Магда стояла как вкопанная, пытаясь понять, уж не послышалось ли ей. Да что они там, в Федерации этой, окончательно стыд потеряли? Она честная девушка. Она не позволяет себе прогулок наедине. Отступив в сторонку, Магда вежливо и холодно

отвергла непристойное предложение:

— У меня есть жених.

Сет нагло улыбнулся и, взяв Магду за руку, легко поцеловал её запястье. От его тихих слов девушку бросило в дрожь:

— О! Разве это мешает прогулкам? Скорее наоборот, придает чувствам остроту. Проверим, чему он успел научить тебя? Полагаю, не слишком многому.

Магда не знала, что сказать. Полностью растерялась. Никто никогда не заговаривал с ней так развязно и о таких... вешах.

— Хочешь откровение? Поцелуй меня. И узнаешь нечто новое о себе.

Пожатие руки почти парализовало Магду. Сет тянул её к себе, и она не сразу поняла, что он просто пытается вывести её в круг для танца. Ощущая себя неловкой деревянной куклой, девушка сделала несколько шагов и оказалась в объятии чужого мужчины. От него неприятно пахло, чем-то чужим и резким. Он слишком откровенно и дерзко разглядывал её лицо и грудь. Он крепко держал её, и тепло сильных рук проникало сквозь плотную ткань платья, рождая чувство опасности и... влечения.

Сет не знал ни одной фигуры «карандоляка», но переступал ногами в такт музыке. Немного сориентировавшись в рисунке танца, он прервал паузу в разговоре:

— Маленькая недотрога. Ты раздразнила меня. Так и тянет украсть тебя на недельку, да и развратить по полной программе в каком-нибудь идиллическом уголке вашей райской планетки. Может, запросить твою доступность в качестве дополнительного бонуса мне лично? Я снимаю блокаду, а ты выходишь за меня.

Лёгкость подхода к вопросам создания семьи девушку озалачила:

— А что, ты готов так сходу на мне жениться? Федерал лукаво усмехнулся и чуть ехидно ответил: - Э-эх, красавица... Не тот вопрос. Я готов на многое, чтобы лишить тебя вот этого чистенького невинного взгляда. Но тебе надо было спросить, сколько жён у меня уже есть.

Магда возмущенно фыркнула. Каков негодяй!

Музыка звучала ещё с полминуты и умолкла. Сет галантно повёл Магду обратно — бесцеремонно положив руку на её талию. В тихих словах мужчины прозвучало сожаление:

- Классная у тебя фигурка. Супер. Жаль, на глупости нет времени. Беги к своему возлюбленному. Кстати, а кто он?
 - Аро. Сын Эрика Догана.
- Несомненно, вон тот юный ревнивец с красным лицом. Прямо убивает меня взглядом. Неплохой выбор, красавица. Но не будь с ним слишком недотрогой. Займитесь поцелуями. Беготня с оружием часто оказывается смертельно опасной.

И лёгкий шлепок по мягкому месту заставил Магду застыть в неголовании.

Федерал нисколько не расстроился холодностью Магды. Окинув взглядом зал, он безошибочно выбрал самый последний из всех возможных номеров и подошел к Оренте. К безобразной уродине Оренте, от одного взгляда на которую хотелось сморщиться и сказать «фу!». Орента краснела и бледнела, потела и мяла пальцы крупных рук, но Сет, казалось, не замечал кричащего уродства собеседницы. Федерал преподнес ей цветок и вполне сносно изобразил с ней местный вариант вальса. Он оказался с ней рядом за столом и принялся элегантно и красиво ухаживать за скучной жабой, как за глаза называли Оренту в кружке подружек Магды.

Внимание наглеца к гадкой Оренте взбесило Магду. Просто вывело из себя. Но особенно её разозлило то, что

Сет с Орентой исчезли в самом конце вечера — не меньше, чем на полчаса. Глупая мать Оренты хлопала глазами и не замечала отсутствия дочери. Никто из присутствующих мужчин не обратил внимания на подозрительное исчезновение одной из девушек.

Магда невзначай обощла весь дом, но парочки нигде не было. Несмотря на это, Магда почему-то была уверена, что федерал и Оренте предложил поцелуй — и она получила то обещанное откровение о самой себе. Догадка эта подтвердилась сияющей физиономией Оренты, когда она всё же соизволила вернуться. На бледном лице уродины красовался нежный румянец, её некрасивые толстые губы окрасились в яркий тёмно-красный цвет, а невзрачные глаза вдруг заблестели искорками причастности к некоему тайному знанию. Жаба взяла и расцвела.

Сет покинул вечер незаметно, ни с кем не попрощав-

К моменту окончания эпизода на вечеринке Лиза как раз закончила перестилать кровать Тея. Разгладив чистую простыню, она помогла другу-хромоножке устроиться на кровати и честно призналась, что ожидала от истории большего:

— Банально. Коварный соблазнитель разбивает сердечко первой красотки далёкой планетки. Она ревнует, потом объясняется ему в нежных чуйствах, двадцать серий страстного секса и хэппи энд, она стала его пятнадцатой женой.

Тей с улыбкой возразил:

- Ты смешная. История совсем не об этом.
- Ты нарисовал Оренту, и я настроилась на драму некрасивой девочки.
 - А тебе больше подошла бы роль Магды?
- Да нет. Куда мне... Меня пальчиком поманили, и я села в звездолёт. Какой смысл мне сравниваться с этой

Магдой? У неё явно больше мозгов.

- Как знать... А давай ты покажешь мне двадцать серий страстного секса?..
 - Тебя и на две не хватит.
- Хватит ехидничать. Пора наградить рассказчика сладким поцелуем.

Лиза рассмеялась и выполнила просьбу.

25. Месть девчонки

Сет неторопливо и методично встречался с крупными и мелкими чиновниками, разговаривал со старцами и с молодежью, незаметно, но уверенно внедряя в головы правителей и обывателей нехитрую мысль о том, что худой мир лучше доброй ссоры.

Несмотря на изначальное предубеждение к неказистому переговорщику, ему почти везде удавалось преодолеть неприязнь, а то, что он передвигался по планете без оружия, убеждало в его добрых намерениях.

Троица спутников Сета время от времени изображала телохранителей, но охрана эта казалась несерьёзной, необязательной. Все трое были вооружены до зубов, и от одного вида небрежно развешанных по костюмам бластеров становилось ясно, что опыта и ловкости в обращении с оружием троице не занимать. Но в то же время трио весьма поверхностно относилось к своим обязанностям по защите командира.

Толстяк много времени болтал по кабакам — о том, как пираты с Огайтеллы загрязняют захваченные планеты и порабощают несчастное население, которому ничего не остается, как гнуть спины на злых разбойников. Гигант пользовался неослабевающим вниманием женщин всех возрастов, и среди нежной половины населения Дланы

вдруг стали пересказываться страшилки о кровожадности пиратов и их привычках делить женщин на всех. Худенький парнишка оказался врачом. Его консультации в нескольких больницах произвели фурор. Медицина Федерации, обычно недоступная дланцам, оказывается, добилась очень и очень многого.

Результатом мелких пересудов и кухонных разговоров стал один-единственный вывод: пираты этой планете не нужны. Нужно сотрудничество с Федерацией, тем более, когда она готова пойти на уступки.

Собрание богатых дланцев, организованное в доме Тондайсов в сверх-секретном режиме, показало, что и верхушка дланского общества уже раскололась на два лагеря. Одни считали, что надо пытаться наладить отношения с Федерацией, другие выступали за категорический отказ от переговоров и необходимость прокладки собственных торговых путей. Когда основная масса спорщиков разошлась, и в доме остался только кружок доверяющих друг другу единомышленников, Айрон Тондайс выступил с коротким предложением:

— Я недооценил Совет Федерации. Они прислали к нам отряд ядовитых змей. С острыми жалами вместо языков. Яд красивых слов и пересудов разъедает нас изнутри. Очень быстро. И если мы хотим сохранить независимость, нам надо избавиться от главной гадюки...

Не сразу, но план Тондайса был одобрен.

Гигант развлекался с красоткой. Толстяк пил в таверне «У семи кабанов». Худой медик спасал какого-то доходягу в больнице. А Сет должен был пройти по безлюдной ночной улице. Два снайпера, засада из трёх лучших бойцов и четверо запасных стрелков не оставляли безоружной жертве ни единого шанса. И всё действо должно было занять не более десятка секунд.

Но что произошло, никто объяснить не смог. Снайпе-

ры начали палить в темноту, перекрёстным огнём убивая друг друга. Один из бойцов вырубил двух других, почемуто приняв их за врагов. Запасные стрелки сначала дружно растерялись, а потом так же дружно расстреляли того бойца, что ещё оставался на ногах. И начали охоту друг за другом.

Утром Сет принял делегацию фермеров Заугодья. Как ни в чём не бывало.

Примерно в это же время мёртвого Аро принесли домой.

Обвинить федерала в убийствах дланцы не посмели. Тем более, что никаких улик против него не было, а среди простого люда распространилась версия, в которой действовали потусторонние силы и роковые геомагнитные аномалии, ещё столетие назад определённые заезжими уфологами.

Однако брожение среди дланской молодёжи достигло критической точки, и через несколько дней вечером Сет был внезапно атакован воином в полной боевой выкладке. Федерал пересекал небольшую площадь, когда навстречу ему вышел человек в защитном комбинезоне и шлеме. Шанса уйти от прямых лучей мощного бластера у Сета не было, но его спасла защитная система, наличия которой на федерале никто не подозревал. Смертоносные лучи рассеялись в мгновенно разлившемся вокруг жертвы поле, но нападающий опоздал сообразить, что означает сияние вокруг федерала. Быстро добежав до воина, Сет выбил бластер из его рук, укоризненно выговаривая:

— Глупый мальчишка. Всё уже кончено, даже если ты убъёшь меня.

Вывернувшись из захвата, воин провёл пару отличных атакующих выпадов, но Сет уклонился от ударов, не пытаясь их парировать.

— Остановись! Я безоружен. Прекрати драку!

Удар исподтишка достиг цели, заставив Сета немного отступить, но и только. Федерал снова попытался образумить нападающего:

— Ты победил! Давай поговорим! Незачем умирать!

Очередная попытка воина замахнуться была блокирована Сетом, и противники оказались вплотную лицом к лицу. Ну, то есть лицом федерала к зеркальному стеклу шлема дланца. Сет небрежно спросил:

— Какой же ты упрямец... Ты ведь сын Догана, верно? Магда Тондайс удержалась от горького смешка. Момент казался идеальным. И она с улыбкой всадила выхваченный из-за пояса кинжал в грудь федерала. Через короткое мгновение она поняла — атака была взаимной, и её грудь тоже пронзил клинок. Враг оказался вовсе не безоружным.

«Аро», — шепнули тёмно-розовые губы, и душа девушки отлетела к вратам богини неба. Сет медленно опустил мёртвое тело к своим ногам, сел рядом на колени и стащил шлем с головы поверженного противника. Волосы Магды рассыпались широким полукругом. Но синие глаза героини уже ничего не видели в звёздной лали.

Федерал медленно провел рукой по нежному лицу, пряча взгляд своего убийцы, легко вздохнул, тихо выругался, смазал ладонью кровь на своей груди и свалился рядом с телом девушки.

Лиза разочарованно вздохнула:

- В общем, все умерли. И как-то бессмысленно.
 Мрак. Что было дальше?
- Команда Сета унесла его. И через три дня улетела. Бойкот был снят. Ещё через месяц на планету прибыла официальная делегация Федерации. Восемь парламентариев Дланы подписали навязанное Федерацией соглашение. Для охраны своего добра и во избежание разных

инцидентов федералы организовали на Длане свой форпост. Клауса Когреля выбрали президентом. Торговля возобновилась. Конец истории.

Тёмные глаза Тея изучили что-то невидимое где-то далеко, а потом он добавил:

- Главный сюрприз оказался не в этом. Прибывшая делегация федералов ничего не знала об отряде Сета. Более того, никто из них никогда не слышал об эксперте по имени Сет Приморский. Никаких официальных полномочий на урегулирование и переговоры никакие отряды из четырёх человек не получали и получить в принципе не могли. Да и блокада тоннелей обычно не входит в перечень санкций Федерации к мятежным планетам. Наоборот, их быстро отпрессовывают парой крейсеров и там воцаряется полный порядок.
- Одни разбойники искали других? Дело было в Коршуне, да?
- Да. Сет знал, что Коршун периодически возвращается на Длану. И, выследив «ласточку», закрыл тоннели тогда, когда пиратский корабль в очередной раз оказался на Длане.
- Ну и кто из колоритных папаш был Коршуном? Доган или Тондайс?

Тей улыбнулся и спросил:

- Почему ты думаешь, что кто-то из них?
- Других действующих лиц попросту нет. Коршуна могли бы вынести в конце сказки в виде аккуратной и уже неживой мебели, но раз этого не произошло, ты приберегаешь этот сюрприз на самый-самый финал.
- Ты проницательна... И права. Коршуном оказался Тондайс. Правда, ни Магда, ни её мать понятия не имели, какие именно дела крутит глава их семейства, когда исчезает из дома. Считалось, что он успешно торгует. Но он всего лишь отмывал награбленное, причём большая часть денег оставалась в Федерации на подставных счетах.

Внезапное озарение снизошло на Лизу, и она торопливо поделилась им с Теем:

— Слушай, а ведь этот сон вселенной я уже видела! Раза три. Только в кино всё совсем иначе. Свобода героической Дланы под угрозой — злобные пираты блокировали планету и грозят убить всё её население. Мужественный Аро, измученный пытками и побоями, вступает в неравный бой с Главным Злодеем и погибает. Прекрасная Магда подхватывает знамя свободы из слабеющих рук любимого и во главе восставших дланцев одерживает блистательную победу. Коварный Предатель, охваченный ревностью, наносит ей смертельный удар кинжалом, и толпа его затаптывает. Влюбленную пару хоронят в общей могиле, ставят им грандиозный памятник, и в финале все хором поют такой весёленький гимн «Вечная память борцам за независимость».

Рассмеявшись, Тей согласился:

- Да, это оно. Но Сета эта экранизация раздражает.
- Он выжил⁹
- Конечно. На нём был непростой костюм, защищающий от разных сюрпризов. Кинжал скользнул по волокнам, и остриё ушло мимо цели. Пара пластырей вот и вся рана.

Лиза не разделила веселье друга:

— Люди любили друг друга, а потом взяли и умерли. Бестолково и глупо. Получается, Сет обоих прикончил, и в каком-то смысле прав оказался. Нечего было лезть не в своё лело.

Тей пожал плечами, и она решилась спросить:

- А кем был ты в этой истории?
- Никем. Сет мне однажды по-пьяни исповедался. Он не хотел убивать напавшего на него безумца. Но он тренированный человек, привыкший отражать покушения разного рода. Движение Магды предопределило его автоматическую и мгновенную реакцию. Он всадил в неё

клинок прежде, чем мозги успели понять, что происходит. Однако потом он расстроился, что убил глупую девчонку.

- У всего есть своя цена.
- Итогом его операции на Длане стал захват восемнадцати контейнеров со смертоносной начинкой. Это население парочки больших планет. Ну и королевой президентского бала он заранее назначил Оренту, а в суматохе некому было это исправить, так что у несчастной золушки появилась возможность показать себя красоткой и выбрать одного из десятка вполне себе достойных принцев. Через пару месяцев она вышла замуж. И по слухам, ждёт уже третьего ребёнка.
 - Молодец. Не растерялась.

Чёрные глаза блеснули весёлыми золотыми искорками, и Тей снова попытался спроецировать персонажа своей сказки на живую Лизу:

- А что бы ты сделала на месте Магды?
- Ну-у... Драться с мужчиной я бы точно не стала.
 Какой смысл?

Тей выразительно состроил вопросительную гримаску, и Лиза объяснила:

- Если бы я захотела отомстить... Я бы его соблазнила. Сделала бы вид, что без ума от него. Заманила бы в укромное место с кроваткой. А уже там спокойно бы убила, сняв с него все защитные шкурки. И зачем кинжалы? Достаточно пары царапин жрутена.
- И как меня угораздило связаться с такой психопаткой...

Рассмеявшись, Лиза утешила:

- Да ладно, если по-честному, мне убивать бы его и в голову не пришло. Ну, поревела бы я, погоревала. Потом смирилась бы. Не один мужчина значит, другой. Прошло бы время, влюбилась бы снова, вышла замуж, детишек родила.
 - Твоя житейская логика убивает всю романтику.

— Романтика — это когда парочка целуется у моря в лучах заката. А два трупа под могильным обелиском — это не романтика. Это катастрофа.

Потянув Лизу за руку, Тей свалил её рядом с собой на кровать и совсем другим тоном сказал:

— Два человека, не раздеваясь, ютятся на неудобной постели в попытках доставить друг другу сексуальное удовольствие. Вот это настоящая катастрофа.

Бережный поцелуй, казалось, поставил точку в несчастливой сказке. И всё же в тёмных глазах Тея осталась какая-то невысказанная мысль, вопрос, который он так и не залал.

26. Треугольник

Очередная история началась без всяких вступлений, с одной наспех нарисованной панорамы бескрайнего города. Интуитивно Лиза поняла, что Тей любит этот далёкий город, но не хочет в него возвращаться.

Мегаполис сиял огнями. Утром, днем, вечером и ночью огни создавали марево света, в котором так легко потеряться неопытному новичку.

Дэн Полянский новичком не был. Уверенно подрулив к входному шлюзу собственной квартиры, он выскочил из машины и быстрым шагом промчался сквозь анфиладу комнат. В большой зале, заполненной гостями, он лишь немного притормозил у входа, отыскивая взглядом хозяйку дома.

Красавица Стелла сидела на антикварном диванчике, изящно откинувшись на его атласную изогнутую спинку. Светло-зелёное платье как нельзя лучше подходило к её изумрудным глазам и тяжёлой копне тёмно-медных

волос. Собеседник Стеллы — интересный молодой человек в нескладном гражданском костюме — смотрел на женщину с очевидным восхищением, даже не пытаясь скрыть страсти и томления. Весело хихикнув, Дэн сделал несколько дежурных полупоклонов вправо-влево и направился прямо к жене и её визави. Заметив мужа, красавица замерла, потом скованно улыбнулась, не сумев скрыть своего нервного напряжения. Дэн обаятельно улыбнулся и присел рядом со Стеллой на подлокотник диванчика, фамильярно погладив её по шее сзади:

— Привет, любовь моя. Извини, что не предупредил. Решил сделать тебе сюрприз. Вижу, не прогадал. Ты очаровательна. Великолепное платье. Тебе очень идет зелёный. Я как знал, привез тебе нечто особенное, что будет прекрасно смотреться на твоей лебединой шейке.

Прежде, чем Стелла сообразила перейти к условностям, Дэн решительно протянул руку молодому человеку:

- Давайте познакомимся без лишних церемоний. Дэн Полянский.
- Майкл Оброник. Мы коллеги. Я работаю в отделе Истала Бирюли. Рад знакомству.
- О! Контрразведка. Занимательно. Расскажите мне, что интересного я пропустил. Вам удалось увидеть новое шоу Марули Огневейской? Говорят, это что-то феноменальное...

Выслушивать ответы Дэну оказалось некогда. Весть о возвращении полковника быстро облетела залу, и все заспешили к нему — засвидетельствовать свое почтение и дружеское расположение.

Майкл поднес руку Стеллы к своим губам и, формально чмокнув нежную кожу, тихо попрощался:

— Ты счастлива сегодня. Он вернулся. Я буду ждать, когда вновь буду нужен.

Стелла ответила ему тревожным взглядом, но уверенным голосом:

— Я поговорю с ним. Сегодня же.

Оставшись наедине с женой, в огромной супружеской спальне, Дэн, стаскивая рубашку, весело констатировал:

— Итак, я рогат. Ты мне изменила.

Стелла подняла на мужа взгляд и с лёгким недоумением спросила:

- Я так плохо сыграла?
- Нет. Я так хорошо тебя знаю.
- Прости. Я надеялась хоть как-то смягчить это для тебя.
- Не будь ребёнком. Как такое можно смягчить? Ты целовалась с ним, обнималась, он делал то, что было разрешено только мне. Я умираю от ревности и злости. Хотя, надо признать, он хорош собой. И чертовски молод...

В голосе Дэна не было ни капли ревности или злости. Подойдя к жене, мужчина решительно вытащил несколько заколок из её волос и, разворошив тяжёлые пряди, нежно привлек изменницу к себе:

— Я соскучился, родная моя. Всё было так погано... Прости, что не давал о себе знать. Прости, что заставил тебя волноваться.

Долгий и сладкий мужской поцелуй остался безответным. Стелла просто ждала, пока муж насладится вкусом её губ и поймет, что всё изменилось. Но мужчина не обратил на её безучастность никакого внимания, попросту начав раздевать её. Чуть отодвинувшись, Стелла спросила:

- Ты не сердишься на меня?
- Сержусь. Но, любовь моя, если быстро проиграть все наши возможные разборки вперёд, легко сообразить, что я сам окажусь виноват в том, что оставил тебя надолго одну. Что я первый готов на любые прощения и оправдания для тебя. Что запах твоей кожи и копна твоих волос сводят меня с ума настолько, что всё остальное теряет

смысл. Так зачем тратить жизнь на глупые скандалы? Что случилось, то случилось.

Подхватив жену на руки, Дэн покружил её в шутливом туре вальса, а потом легко уронил на кровать. Привычные и жаркие объятия мужа рождали в теле знакомое волнение. Клетки откликались на чувственную ласку, и думать становилось сложно. Но Стелла всё же смогла отстраниться и отчаянно прошептать:

- Дэн, дорогой мой, прости. Но всё кончено. Я... я не могу быть с тобой.

Мужчина покрыл лицо женщины поцелуями и отказался понимать сказанное:

- Шшш, любовь моя, выключи уже мозги, они вечно мешают удовольствиям.

Эти слова словно сыграли роль того самого выключателя. Голова закружилась, сексуальное томление вышло из-под контроля, и Стелла утонула в волнах бесконтрольного удовольствия.

Утром, проснувшись в нежном объятии мужа, она расплакалась. Дэн ласково погладил её по спутанным волосам и попытался утешить:

— Ну что это такое, соплюшка моя ненаглядная. Не плачь, не порти слёзками свои красивые глазки. Выкладывай беду свою.

Стелла отодвинулась в сторону и медленно призналась:

— Я... понимаешь, я... я не могу быть с тобой. Я влюбилась. Я по-настоящему влюбилась. Я люблю его. Я люблю Майкла.

Дэн повернулся, подпёр голову рукой и чуть иронично выдал:

- Да неужели?
- Я привыкла к тебе. И я... наверное, это глупо, что я не смогла тебе отказать. Но я хочу быть с ним. Я хочу любить и быть женой по-настоящему.

- Я люблю тебя. И ты моя жена по-настоящему.
- Это всё не то. Настоящих нас давно нет, Дэн. Мы мертвы.
- Ерунда. Мне до умопомрачения хочется ущипнуть тебя за некоторые мягкие места а я никогда не замечал за собой склонность к некрофилии.

Мужчина подтвердил свои слова, но не щипками, а нежными ласкающими прикосновениями, отнимающими у женщины способность мыслить здраво. Стелла сердито стукнула его по руке:

- Прекрати меня лапать.
- Я истосковался по тебе, по моей самой красивой и самой сексуальной жене. Так почему бы мне тебя и не полапать?
- Не притворяйся, что не понял. Я люблю другого. И не хочу с тобой спать.

Дэн устало вздохнул и возразил:

- Слушай, одно дело любовь, другое спать со мной. Если тебе взбрела в голову такая блажь, спи с ним тоже, я это переживу как-нибудь. Но вот уж не поверю, что этот сопляк может быть лучше меня в постели.
- Дело не в том, кто лучше или хуже. Дело в том, что я люблю его. Это настоящая любовь, Дэн, без разумных доводов, вранья и притворства. Просто любовь.

В тёмных глазах мужчины впервые промелькнуло чтото похожее на злость. Тем не менее, он только обаятельно улыбнулся:

- Ты никогда не скажешь ему всей правды. Ничего настоящего в такой любви нет и не будет. Одно вранье и притворство.
- Я не хочу спорить об этом, Дэн. Я люблю его. Мне не важно, кто он, меня не волнует, что он обо мне думает, мне наплевать на мнение всех тех, кто готов забросать меня камнями. Я люблю. И только это важно.

Дэн сел и усомнился во взаимности такой любви:

— Важно то, что он влюблен не в тебя. Он очарован Стеллой Полянской. Дочерью чиновников Федерации. Выпускницей школы Альфа. Сотрудницей благотворительной миссии. Моей чудесной женой, наконец. Ты не сможешь всегда притворяться. Ты сболтнешь чтонибудь о трущобах Хаски, и он задумается, откуда ты столько о них знаешь. Ты скажешь нечто лишнее о крейсерах Кроаля, и он проверит, насколько твои сведения точны. Наконец, ты ночью, в момент страсти ты пробормочешь что-нибудь на родном хурунди, и утром он отволочёт тебя в камеру.

Стелла встала и закуталась в толстый махровый халат. В её голосе не было уверенности, но она всё же рассказала мужу о своей идее:

- Я придумала вполне правдоподобную легенду. Что у меня было сложное детство, полное лишений и издевательств. Он примет это.

Дэн отрицательно и грустно покачал головой:

— Маленькая ложь плодит большую. У тебя было сытое и спокойное детство. Ты не похожа на тех, кто познал лишения с малолетства. Он поймёт это. И спросит себя, какого чёрта моей любимой нужна такая клюква? Тиса, дорогая моя девочка, будь он клерком из городского офиса, я бы и слова поперёк не сказал. Но ты, конечно, не могла выбрать клерка. Ты выбрала Майкла. Умного парня, работа которого — ловить таких, как мы с тобой.

Быстро поднявшись, он шагнул к жене и легко обнял её, преодолев мимолётное сопротивление:

— Ты действительно влюбилась. Тебя тянет к нему. Ты хочешь его. Тебе кажется, что весь мир — это он один. Понимаю. Но, любовь моя, это пройдёт. Гормоны-феромоны — штука мощная, и почти непреодолимая, но совсем не вечная. Давай сделаем вот что. Я отпущу тебя к нему. И немного присмотрю со стороны, чтобы всё было в порядке. Закрути с ним роман, окунись в эмоции

с головой, познай себя с новой стороны. А потом возвращайся ко мне. Ты останешься моей женой, и я буду ждать тебя обратно в любой момент.

Красавица высвободилась из объятия и упрямо тряхнула головой:

— Я понимаю, что ты встревожен. Что не готов принять моего чувства. Знаю, нам было здорово работать вместе. Ты многому меня научил и много раз выручал. Ты всегда будешь близким и родным мне человеком. Но я всё решила. Я люблю Майкла. И ухожу от тебя. Ухожу, чтобы ещё и завязать.

Дэн с размаху сел на кровать и теперь в его словах послышалась отчётливая горечь:

— Я много раз предлагал тебе завязать. Пожить спокойно на Орхидее. Купить дом на Кетанусе. Забраться в голубые снега Критоса. Пару раз мы даже пытались... Но потом тебе хотелось узнать, где Кралькон прячет свою сокровищницу, и всё начиналось сначала. Ты не можешь завязать. Тебе слишком нравиться ходить по краю.

Стелла подошла к мужчине, но не решилась коснуться его:

— Теперь всё иначе. Моя жизнь принадлежит Майклу. Ради него я смогу стать той, кого он любит во мне.

Дэн на мгновение закрыл лицо руками, а затем энергично потёр его, словно пытался отмыться от всего того, что было сказано. В его жёстких словах уже не было желания смягчить или завуалировать невыносимую правду:

- Ради смазливого юнца ты сломаешь свою жизнь. Он никогда не поймёт тебя. А если ты рискнешь сказать ему хоть слово правды, он разделается с тобой, повесит себе на грудь медальку и будет до опупения горд совершённым подвигом.
- Твои гадкие слова ничего не изменят. Я уже собрала самые необходимые вещи. Ждала только твоего возвращения, чтобы объясниться. Вечером я уеду.

Дэн начал одеваться, параллельно распоряжаясь:

— Оставайся здесь. И не бросай никакие вещи. Мне не нужна квартира. И уж тем более твои тряпки. Если тебе будут нужны формальные бумаги, подписывай за меня сама всё, что захочешь. Понадобятся деньги, наш общий счёт в банке — в твоём распоряжении. Что ещё... Я заберу «катчер», остальные тачки, если тебе не нужны — продай. Векселя и расписки погаси с помощью Орентила, он мне должен столько, что будет только рад погреть на этом руки...

Через полчаса полковник Полянский небрежно зашвырнул объёмную сумку в обшарпанный флайер. Обняв на прощание красавицу-жену, он тихо прошептал:

- Я люблю тебя, Тиса. По-настоящему люблю. Настоящую тебя. Не Стеллу, и не Летицию. Ту весёлую девчонку, что очаровала меня своим лукавым взглядом... Ты не веришь мне, потому что мы заигрались в прятки с переодеваниями. Но я всё равно люблю тебя, моя дорогая шпионка. Если бы речь шла только обо мне, я бы остался рядом и умер бы ради того, чтобы ты никогда не разочаровалась в том, кого выбрала. Но от меня зависит жизнь многих людей. Я не могу их подвести. До свидания. Будь счастлива.
- Удачи нам обоим. И Стелла поцеловала мужа. В последний раз.

Воцарившаяся тишина показалась Лизе невыносимой, и она честно заявила:

— Ты всё придумал. Таких мужчин просто не бывает. Это нереальный персонаж из сказок для девочек-подростков. И любит он её, и то предлагает, и сё, и завязать, и на руках поносить. И ждать он её будет, и умрёт ради её счастья. Тьфу, приторно так, что тошно. Что-то в этом есть подозрительное. Не зря она от него сбежала.

В чёрных глазах проскочили золотые смешинки:

- На этой женской логике мужчины себе мозг и ломают. Что же Дэну, по-твоему, надо было сделать?
- Убить этого её любовника. А её поколотить. Ну, немножко так поколотить, скорее слегка отшлёпать. И в постели её продержать неделю. На взводе. Чтобы мыслей ни о ком другом не оставалось.

Тей расхохотался, а потом честно признал:

— Ты абсолютно права. Всё это ему и надо было сделать. Но Дэну приспичило изобразить из себя благородного рыцаря. И ничем хорошим это, ясное дело, не кончилось.

27. Третий уровень

Тёплый вечер укрыл большой город маревом розового света. Благодушно настроенные горожане предвкушали чудесный отдых. Театры, выставки, рестораны, клубы распахивали двери красиво разодетым парочкам, шумным веселым компаниям и одиночкам, рассчитывающим на романтическую удачу.

Стелла вернулась домой без спешки. Красавица довольно оглядела себя в большом зеркале в прихожей. Полюбовалась на себя в маленьком зеркале на камине в столовой. Загляделась на свой портрет в голубой гостиной. Всё прекрасно. Всё замечательно.

Открыв гардероб в спальне, Стелла начала перебирать вешалки с платьями, некоторые небрежно доставая и бросая на кровать. Наконец, она добралась до того, что сразу показалось ей особенно подходящим для сегодняшнего вечера. Тёмно-зелёный гладкий лиф и полупрозрачная пышная юбка нежнейшего бледно-зелёного пастельного цвета. Просто чудо, как самая красивая женщина города будет хороша в этом во всём.

Приложив вешалку к себе и подойдя к зеркалу, женщина встретила в стекле взгляд тёмных глаз мужчины, молча наблюдающего за ней из большого кресла в самом углу комнаты. Не удивившись и не испугавшись, она равнодушно поздоровалась:

— Привет, Дэн. Что-нибудь случилось?

Полковник кивнул головой и лаконично подтвердил:

Много плохого.

Стелла не стала ничего спрашивать. Она стащила зелёный комплект с вешалки, разложила вещи по кровати поверх всей кучи шмотья и начала раздеваться, автоматически двигаясь так, чтобы мужчина мог оценить совершенство её тела. Не то, чтобы ей хотелось поддразнить Дэна, это скорее было рефлексом, давно сложившейся привычкой.

Как она и предполагала, Дэн сам заговорил о том, ради чего явился:

- Говорят, твой возлюбленный здорово проявил себя. Отличился, так сказать.
- Говорят, что зелёный камень Эшеан знает ответы на все вопросы.
 - Майкл шантажировал тебя? Угрожал тебе? Бил?
 - Нет, конечно. С чего ты взял?
 - Да так, не пойму, зачем ты подставила Титана?
 - Я не подставляла.
- Слегка намекнула, в какую сторону копать. Кто он, и где его искать.

Абсолютно нагая Стелла вытащила шпильки, тяжёлый ком прически расплелся, и волосы упали волной на плечи женщины. Разворошив их, красавица потянулась к ящику с бельём и выбрала тонкие прозрачные трусики.

Ровно и спокойно Дэн продолжил:

— Я предупредил друзей, что с твоей стороны возможны сюрпризы. Мы были готовы к ним. Но к несчастью,

в твою ловушку попалась Серена.

Стелла чуть сморщила носик и пожала плечами:

- Забавно. Я даже не знаю, кто это.
- Сестра Титана по отцу. Её мать умерла месяц назад. Титан организовал ей переезд на Колумин, чтобы она могла поступить в университет. Она увидела Титана первый раз в жизни семь дней назад. И после поступления она вряд ли бы увидела его ещё хоть когда-нибудь.

Стелла влезла в верхнюю часть комплекта и полюбовалась тем, как её грудь эффектно легла в чашечки. Декольте было в рамках приличий, но выглядело более, чем провокационным.

- Ей девятнадцать, Тиса. Она ничего не знала. Она была чистой девушкой, которая всего лишь хотела посмотреть мир. Она не причинила никому зла, она даже не сказала никому ни одного плохого слова.
- Сестра Титана ангел небесный. Расскажи комунибудь ещё.
- Титан и Гео вляпались по уши, пытаясь её спасти. И они рассказали федералам всё, что могли. Проблема только в том, что шпионажем в пользу Союза Римециев они никогда не занимались. Шпионаж вообще не их стихия.

Застегнув застёжку на юбке, Стелла покружилась вокруг себя и полюбовалась в зеркале, как тонкая ткань обвивает её стройные длинные ноги. В её ответе Дэну прозвучало недоумение:

— Дэн, мы теперь плывем каждый в своей лодке. Если в твоей лодке образовалась течь, то это твои проблемы. Если ты не прикрыл девочку из своей команды, не надо делать из меня чудовище, которое только что не слопало её живьем. Ты не подумал о ней. Значит, это твоя ошибка — и твоя вина.

Мужчина, соглашаясь, кивнул головой:

- Да. Я сломал жизнь беспомощной девочке, един-

ственной бедой которой стало то, что она оказалась не в том месте и не в то время.

- Ты пришёл, чтобы поругаться со мной и выплеснуть боль? Обвинить меня, заклеймить гневными словами, вывалять в грязи чтобы тебе самому стало легче?
- И это тоже. Но вторым планом. Я пришёл посмотреть на любимую женщину. Понять, чем предательство было для неё? Может, она спасала свою жизнь? Спасала жизнь кого-то близкого и дорогого? Сломалась под пыткой? Испугалась насилия и боли? Оказалась под действием наркоты? Попала в безвыходную ситуацию?

Красавица распушила волосы и начала неторопливо их расчёсывать, постепенно заплетая по одной прядке в сложную конструкцию поднимающихся вверх кос.

- Мы на войне, Дэн. Мы всё время в безвыходной ситуации. У нас нет выбора.
- Неправда, Тиса. Ты никогда не видела настоящей войны. И у тебя был выбор. Ты могла промолчать. Элементарно промолчать. Но ты рассказала. По своей воле. Никто тебя за язык не тянул, не пытал, даже просто не спрашивал. Ты решила, что твоему любовнику нужен карьерный рост, и подготовила для него и вместо него блестящую операцию.

Стелла аккуратно вплела в волосы нитку жемчуга и прихватила её заколкой. Отвернувшись от зеркала, она встряхнула пальцами рук и, встретив взгляд мужа, медленно заговорила:

— Я люблю. Люблю Майкла. И я готова на всё ради него. Тебе этого никогда не понять. Ты монстр, ты не способен на чувства такого уровня. Тебе нужна красивая женщина рядом, потому что тебе нравится, что тебе завидуют. Тебе нужна шпионка, чтобы адреналиновый допинг горячил кровь. Но это не та любовь, которая настоящая любовь. Ты не можешь понять, как это, когда ты готов пожертвовать всем ради одного взгляда, одного

слова, одного поцелуя.

Дэн демонстративно и невесело хохотнул:

— Однако. Монстр вытаскивал тебя из тюрем, монстр прикрывал тебя от разных неприятностей, монстр крал для тебя секретные документы и провозил тебя через кордоны и границы. Оказывается, это были чувства не того уровня... Хотя, наверное, ты права, мне никогда не понять, как можно принести *такую* жертву ради одного поцелуя.

Гордо выпрямившись, Стелла с видом эпической богини провозгласила:

Слова бесполезны, Дэн. Я люблю Майкла. Вот и всё.

Дэн резко встал, и это движение немного испугало Стеллу. Она не подала вида, но знала, что муж, скорее всего, догадался о её реакции. Дэн обошел кровать и оказался на расстоянии трёх-четырёх шагов от жены. В его голосе прозвучала столь знакомая ей ехидная насмешка:

— Неплохо, Тиса, но ты переигрываешь. Ты знаешь, что он тебя слышит.

Чуть приподняв голову, Дэн, обращаясь вверх и вдаль, громко позвал:

— Майкл! Я знаю, ты здесь! Выходи, поговорим лицом к лицу! Без масок!

Через несколько секунд тихо материализовавшийся в дверях Майкл прицелился в Дэна из мощного бластера. Полянский, улыбнувшись, развел руками в стороны:

— Я безоружен.

Не опуская бластера, Майкл подошел чуть поближе и неожиданным резким ударом в лицо свалил Дэна на пол. Мгновение — и полковник оказался закован в комплект браслетов, призванных обеспечить невозможность его сопротивления. Но он и не сопротивлялся, молча и спокойно подчинившись указаниям Майкла. Стелла

напряжённо наблюдала за происходящим. Боль Дэна задела её, импульс броситься ему на помощь оказался слишком сильным, почти непреодолимым.

Очередное резкое движение контрразведчика заставило её заговорить:

 Не надо, Майкл. Умоляю, не бей его. Он же не нападает.

Майкл, не слушая женщину, пинком заставил пленника подняться на колени. Полковник неловко поднял голову, так и не перестав улыбаться.

Дэн Полянский, вы арестованы. За измену родине.
 Вы можете...

Пленник весело перебил эту пафосную речь:

— Не утруждайся, Майкл, я не буду заявлять в суде о несоблюдении формальностей. Тем более что и суда никакого не будет. Не та я добыча.

Контрразведчик зло ответил:

— Суда не будет, потому что три суда уже приговорили тебя к смерти. Заочно. Теперь приговор будет приведен в исполнение так быстро, как только возможно. И я постараюсь, чтобы это «быстро» случилось, например, уже завтра, на рассвете.

Стелла немного растерянно переспросила:

— О чём ты говоришь, Майкл? Какие три суда?

Майкл слегка пнул пленника:

— Ты, негодяй, не хочешь ей всю правду рассказать?

Дэн отрицательно мотнул головой:

— Полагаю, ты это сделаешь лучше.

Майкл взял руку Стеллы и бережно поднес её к губам. Чуть коснувшись нежной кожи, он более фамильярно обнял стройную фигуру женщины. Легко подтолкнув любовницу к кровати, Майкл заставил её сесть в ворох раскиданных тряпок. Убедившись, что Дэн за ним наблюдает, он скользнул рукой в провокационное декольте и бесцеремонно смял упругую высокую грудь самой кра-

сивой женщины города. Стелла изумленно и настороженно попыталась отодвинуться, но Майкл уже оставил её, приступив к выворачиванию жизни полковника наизнанку:

— Ты, Летиция, полагала, что Дэн работает на империю Диноры. Что есть два уровня вашей жизни — открытый и секретный. Но шпионкой в вашей сладкой парочке была только ты. У Дэна есть и третий уровень, о котором ты ничего не знаешь.

Дэн весело хихикнул:

— Майкл, сознайся, а ты влюбился в неё, когда смотрел на фотографии из замка Тенчин? Или только история с капралом сподвигла тебя на высокие чувства? Когда ты предал Федерацию ради её красивых сисек?

Стелла вдруг нахмурилась и недоуменно перевела взгляд с одного мужчины на другого и обратно. Оба успешно избежали зелёного взгляда. Майкл не ответил на вопросы, продолжив разоблачение полковника:

— Дэн Полянский. Обаяшка, красавчик, душа общества. Мастер интриг и психологических ловушек. Никого не удивляло, что он в совершенстве владеет хурунди и анатолийским. Никто не задумывался, в какие-такие командировки Дэн так регулярно мотается, откуда у него широкие связи в самых разных кругах. Даже забавно, но никто не знал, чем он, собственно, занимается на работе. Ходит человек на службу, с коллегами приветлив, с начальником подобострастен, с подозреваемыми строг. Значит, всё в порядке.

Дэн с внимательным лицом слушал откровения о себе самом, но на этом месте перебил соперника:

- Никакого порядка. У полковника оказалась многоуровневая жена.
- И, подражая Майклу, Дэн с той же интонацией, но кривляясь и гримасничая, продолжил:
 - Стелла Полянская. Красавица, умница, звезда.

Благотворительные акции, светские посиделки, путешествия с обязательным детским восторгом перед инопланетными чудесами. Увы, Летиция Квебер провалилась два хроноса назад, когда использовала уже обнаруженный федералами канал для передачи данных резиденту. Но ты, Майкл, решил коварную шпионку не трогать, а просто отслеживать, что её интересует и почему.

Майкл коротко двинул полковника кулаком, целясь в глаз. Но попал в скулу. Дэн сопроводил издевательство над собой очередным смешком. Стелла в замешательстве коснулась рукой головы, одна из незакрепленных прядок волос упала и свесилась прямо перед носом. Мысли шпионки метались, не находя опоры для понимания. Она провалилась? И Дэн знал?

Майкл обратился к ней:

— Мы думали, что Дэн без ума от тебя, и поэтому прощает тебе абсолютно всё, не замечая никаких твоих странностей. Мы считали, что ты используешь его для того, чтобы подобраться к военным секретам Федерации. Но в действительности всё было наоборот. Это он использовал тебя. Отвлек всё наше внимание на тебя, чтобы самому остаться в твоей тени. Ты была его ширмой.

Стелла по-прежнему не понимала, о чём Майкл толкует, и он заторопился с рассказом:

— Сегодня в районе полудня Дэн вроде бы случайно оказался в боксе, где шёл допрос схваченных шпионов. Дэн поболтал с коллегами, пошутил по случаю и ушёл. И пошёл прямо в кабинет Корала Лиежу, приставил к виску генерала бластер и начал диктовать ему свои условия.

Не веря собственным ушам, Стелла в изумлении уставилась на Дэна. Тот кивнул головой, подтверждая сказанное. В голосе Майкла нарастало напряжение:

— Мы заподозрили неладное только через четыре часа, когда было уже поздно. Первое, что сделал идиот

Корал под дулом бластера — передал задержанных особому подразделению спецназа, якобы для перевозки в южный офис. И вся группа исчезла. Транспорт нашли на окраине Микусанской свалки, но мы опоздали перекрыть зону. Мерзавцы прикинулись сортировщиками и разошлись пешком в разные стороны.

В возгласе Стеллы послышалось восхищение:

— Ты безумец, Дэн! Ты всегда выбирал самые отчаянные варианты. И ты их вытащил!

Дэн едва слышно ответил:

— У меня не было вариантов. Я спасал друзей.

Майкл не сумел скрыть раздражение эмоциями женщины. Сурово и чуть чеканя слова, он произнес то, что должно было уничтожить ненавистного полковника:

— Чтобы организовать бегство сообщников, твоему мужу пришлось выдать себя. Он задействовал тот способ отправки экстренного сигнала, который позволил нам однозначно установить, кто он на самом деле. Прямо из офиса генерала Дэн отправил на все адреса «Синего купола» короткое и открытое сообщение. «Меня предали. Три человека в беде. Помогите». Меньше, чем через час, Дэн получил всё и даже больше.

Стелла недоуменно уставилась на контрразведчика:

- Подожди, но «Синий купол»... это... террористы??
- Познакомься ещё раз. Твой муж проходит и в наших, и в ваших досье под кличкой Птерис. Это едва ли не единственное, что о нём известно. Мы даже полагали, что это некий собирательный образ. Но нет, вот он, Птерис собственной персоной.

Дэн улыбнулся и чуть наклонил голову, словно был представлен знатной даме на великосветском мероприятии. Улыбку немного испортила сползшая по подбородку струйка крови.

Стелла, не в силах поверить ошеломляющей правде, машинально попыталась найти опровержение:

— Птерис исчез несколько хроносов назад. Был слух, что вы его убили. Но не смогли опознать тело, поэтому и не трубили об этом во все фанфары.

Дэн хихикнул и честно объяснил:

— Птерис исчез, потому что я встретил тебя. Дэн Полянский возник из ничего, потому что ты не приняла бы ухаживаний нелегала. Я заставил тебя думать, что мы хоть и в разных лодках, но плывем параллельным шпионским курсом. Враг твоего врага мог быть твоим другом, любовником, мужем. Но у Птериса не было шансов. Я был готов на всё ради одного твоего поцелуя. Только я принес в жертву собственную жизнь, а не чужую.

Майкл язвительно бросил:

— Как трогательно.

Стелла обняла лицо руками, и резко оборвала:

Не глумись.

Контрразведчик жёстко добавил:

— Всё это время он врал тебе. И продолжал убивать.

По задумчивому взгляду шпионки Майкл догадался, что смысл этого высказывания ускользнул от неё, и выложил очередную порцию правды:

— «Синий купол» взял на себя ответственность за ликвидацию Гелана Войко. Ты, Лети, наверняка была знакома с Геланом. Ведь он был одним из твоих боссов, верно? Я расскажу тебе то, что не попало в прессу. Гелан умирал два дня. Мучительно и ужасно. На его глазах сначала убили его беспомощную жену. Потом зарезали детей. Гелана превратили в седое сморщенное существо, воплощающее в себе ужас и отчаяние. И бойня в доме Гелана случилась как раз тогда, когда твой муж в последней командировке якобы проверял дальние форпосты.

Шпионка отчётливо представила себе большую виллу, окружённую пальмами, синий бассейн с виталинской мозаикой на бортиках, тоненькую девочку, словно светя-

щуюся на солнце, и двух малышей, перебирающих кубики на зелёной лужайке. Нет, Дэн не мог. Дэн хорошо относится к детям. Он даже прошёл тест на совместимость. И хотя тест оказался отрицательным, он однажды предлагал ей...

Только кто «он»? Кто этот человек, ни слова не сказавший ей о том, что она давно провалилась? Он вытаскивал её из неприятностей ради чего? Ради неё или ради своего идеального прикрытия?

В тёмных глазах мужа она не нашла ответа. Но он сделал попытку оправдаться:

— Гелан поплатился за бойню в Лазурной бухте. И не надо было его людям угрожать семьям погибших. Для жены Гелана укол был актом милосердия. Муж бил её так регулярно и зверски, что в ней не осталось ни одной целой кости. И ни одной вменяемой мозговой клетки, к сожалению, тоже. Я сделал ей тест Нейджела. Трижды. Единица все три раза. Я только из-за этого там два дня и болтался. Чтобы выдержать нужные интервалы. Семья Беатрис одобрила её уход, и они позаботятся о её малышах. Где они, я не скажу, но с ними всё в порядке.

Почувствовав, что настроение Стеллы чуть изменилось, Майкл очередным ударом свалил Дэна на пол.

— Ненавижу его, Лети. Он манипулировал тобой. Он спал с тобой, а потом уезжал убивать. Он возвращался, и ты целовала его руки, перепачканные в чужой крови. Он обманывал тебя ради своих грязных игр. Он заморочил тебе голову, чтобы использовать тебя — как прикрытие, как отвлекающую внимание игрушку.

Сев рядом с женщиной, Майкл нежно обнял её и поцеловал в щеку:

— Я люблю тебя, дорогая моя. Ты забудешь этот кошмар, я обещаю. Он подлая тварь, и не заслуживает даже твоего плевка. Мы уедем, а когда вернёмся, он останется далеко в прошлом.

Скорчившийся на полу беспомощный мужчина весело рассмеялся. Майкл грубо оборвал этот смех:

- Заткнись. Надеешься уйти от наказания? Не получится. Молись, у тебя осталось мало времени.
- Ты ведь не ведёшь запись, да? Ни к чему тебе такие записи. А значит, у меня есть время передать тебе эстафетную палочку.

В ответ на недоумение Майкла, Дэн принялся неторопливо рассказывать:

- У твоей возлюбленной есть шрам в складке между ягодиц это не детская травма, это след от ботинка охранника Кралькона. А слева под рёбрами пятна память о том, как её задержали в офисе Паскаля Шерера, но она тебе будет врать, что это её били в застенках Диноры. Вообще, врёт она легко и непринуждённо, но имей в виду, она боится темноты и всегда носит с собой фонарик. Хочешь сломить её дух оставь её одну в запертой тёмной комнате, мощнее пытки для неё нет.
 - Заткнись!! Стелла задохнулась от возмущения.
- Запомни, ей пить совсем нельзя, пьяную её на приключения тянет. Однажды её изнасиловали женщины, и она не выносит вида толстух в кружевном белье. Драться она не умеет, стреляет плохо, но в левой серьге она носит лиловые кристаллики. Три штуки смертельная доза.
 - Гнусный выродок!

Майкл предупредил порыв красавицы ударить мужа. Дэн невозмутимо продолжил:

- Связного её зовут Артемий. Он офицер внешней разведки Союза Римециев и её предыдущий, второй муж. Он всё ещё боготворит её, и иногда она с ним спит, так что единственным ты не будешь никогда.
- Подлый червяк. Жалкий слизняк. Поганая плесень. Исчерпав запас приличных ругательств, женщина добавила к ним несколько едких нецензурных фраз.

Дэн состроил чуть укоризненное лицо и закончил экскурс в историю личной жизни жены:

— Третий уровень твоей ненаглядной шпионки — то, что она из династии Римециев Ольмертов. Её настоящее имя — Тисания Ольмерт, её отец — гун Ольмерт Четвёртый. Когда Тисе надоедает играть с огнем, она отправляется на балы в родные дворцы — выбирать настоящего мужа. Два месяца назад она в приватной беседе проболталась паре подруг, что наконец-то нашла настоящую любовь. Гуна Ци Ши. Сам гун давно влюблен в неё, так что аристократия Союза Римециев замерла в ожидании развития событий.

По ошарашенному лицу Майкла Дэн понял, что тот не вполне понимает, о чём идёт речь, и пояснил:

— Ци Ши — сын правителя Шестнадцати лун. Ольмерты и Ши могут образовать очень мощный политический и династический клан. Хотя формально у римециев есть выборы, фактически Ци Ши будет преемником отца, и тогда Тисания Ольмерт Ши станет одной из трёх самых влиятельных женщин Союза Римециев. Но ты не думай об этом, полагаю, она сумеет выкроить время для ваших встреч. Она любит свидания в грязных притонах, тайком, с маскировками и тысячей предосторожностей. Это её возбуждает. В том самом смысле.

Принцесса Тисания Ольмерт ловко вывернулась из рук Майкла и принялась избивать Дэна. Ногами. Мужчина остался лежать неподвижно, не пытаясь закрыться или спрятаться от гнева разъяренной красавицы. Босые ноги не позволяли невесте князя Ци Ши наносить совсем уж жестокие удары, но её ухоженные аккуратные пальчики ног с идеальными розовыми ноготками всё равно быстро окрасились кровью.

Дав возлюбленной немного отвести душу, Майкл прекратил избиение, оттащив Тису в сторону, и коротко скомандовав в рацию:

- Ребята, поднимайтесь, забирайте этого негодяя! Дэн, не шевелясь, тихо произнёс разбитыми губами:
- Прощай, любовь моя.

Лиза вздохнула, разочарованная столь безнадёжным финалом. Чью историю рассказал ей Тей? Свою? Или очередного друга? Чуть подумав, она заметила:

— Негодяй и негодяйка получили каждый своё. Но я знаю, кому в этой истории очень повезло.

Тей недоумённо переспросил:

- Повезло? И кому же?
- Гуну Ци Ши. Он на шпионке этой не женился. Выбрал учительницу-простолюдинку. Там вся аристократия вибрирует по поводу этого скандального брака. И от правления Ци Ши отказался, потому что ему это не интересно. Десять поколений предков правили, как миленькие, а ему, видите ли, наскучило.

Рассмеявшись, Тей ответил:

- Ты, Лиза, человек-сюрприз. То ты дремуче невежественна в простых вещах, то в курсе не афишируемых событий внутри династий другой державы.
- Видишь ли, несмотря на дремучесть, я знакома и с гуном, и с его женой. Очень приятные и симпатичные люди. И любят друг друга.
 - А что стало с остальными, тебя не интересует?
 Лиза пожала плечами:
- Да что с ними станется? Если эта Тиса важная принцесса, то вряд ли это вселенский секрет. Скорее всего, высшие чины разведок в курсе, что больная на голову дочь гуна играет в шпионку, и дают ей поиграть, дабы не ссориться с соседями. Она провалилась на своем третьем уровне с самого начала. Носится где-нибудь и сейчас, охмуряет мужичков-дурачков. Её бы в санаторий какой, к мозговедам хорошим, но кто же посадит принцессу в дурдом?

Золотые искорки в чёрных глазах стали колючими, но Лиза продолжила:

— Дэн дал себя измордовать, потому что наказывал себя за ту несчастную девочку. А раз он сам спокойно припёрся на рожон, то наверняка знал, что никто его расстреливать не собирается. Чтобы полковника разведки по одному подозрению взяли и расстреляли? Чушь. К тому же вряд ли народ вокруг ходил в повязках на глазах и с затычками в ушах. Наверняка все знали, с кем Стелла мужу изменяет. Коварный любовник обвиняет простодушного мужа в причастности к вселенскому заговору злых сил. Что подумаешь в первую очередь? Что он его тупо подставляет. Так что Дэн, наверное, выкрутился.

Тей попытался пошутить, но фраза прозвучала слишком серьёзно:

- Я дам тебе рекомендацию в школу для юных щпионок. Ты пройдёшь по одному собеседованию. Вне конкурса.

Лиза чуть улыбнулась:

- Ты рассказываешь невероятные истории. И у тебя необычные друзья. Сплошь супермены и нелегалы.
- Так я и сам супермен. И нелегал. Ну, время от времени, когда я деньжат заколачиваю, работая с кемнибудь из ребят «Синего купола», приходится быть нелегалом...

В комнату ворвался Зенон и с судорожным вздохом сообщил, что один из карточных игроков забрался в дальнюю кладовку, где извёл весь запас сердечных таблеток. Друзья обнаружили его уже окоченевшим комочком.

Тей устало махнул рукой и поковылял вслед за Зеноном к лестнице.

28. Легенда проклятой долины

После самоубийства отчаявшегося должника Пёс и Туз установили в колонии военизированный порядок с комендантским часом, передвижениями шеренгами по одному, замками на всех дверях, запретом на азартные игры и публичные поцелуи.

Тей стал проводить почти всё время внизу, о чём-то беседуя с каждым колонистом наедине. Это загадочное тестирование привело к тому, что Пёс распорядился о принудительной перетасовке сложившегося состава комнат. Ценой почти трёхчасовой ругани с Тузом Тей добился ограничения количества участников проповедей Туза. И уединение Тея с кокеткой Жизелью, во время которого Лиза сгрызла и без того короткие ногти, оказало на ветреницу отрезвляющее действие. Жизель перестала манерничать и приглашать всех подряд в свою тёплую постельку.

Вниз начал спускаться и Бизон. Он медленно и последовательно обходил все холлы, комнаты, лаборатории, залы и каморки базы, присматриваясь к стенам, полу, потолкам, крепежным элементам, что-то измеряя, проверяя и подсчитывая. Зенон время от время присоединялся к старому инженеру, вместе с ним на ходу корректируя виртуальные планы базы. Было непонятно, не то мужчины ищут что-то, не то проверяют состояние помещений.

Геймеры снова выпали из виртуальной войнушки. После сложной реорганизации серверов они начали круглосуточные подсчёты, лихорадочно сообщая результаты вычислений Бизону или Тею. Занимательные графики, составленные по этим вычислениям, заметно расстраивали обитателей верхнего уровня.

Лиза не приставала ни к кому с расспросами, сосредоточившись на обуздании собственной депрессии. Её

не волновала чужая смерть, она достаточно смертей насмотрелась в разных видах. Но Эмма из самых лучших побуждений принесла ей тряпичную куклу, найденную в забытом ящике с личными вещами какого-то строителя базы. Женщина надеялась развеселить «слишком серьёзную крошку».

Игрушка остро напоминала Лизе об отправленном в неизвестность сыне, и она, в конце концов, спрятала её за одним из железных ящиков с лампочками. Однако от себя не спрячешься. Тоска и мысли о безнадёжности подкрадывались сами по себе и съедали силы. А их и без того было не так много, чтобы думать об утренних пробежках, которыми баловалась жизнерадостная Эмма.

Лизе казалось, что она хорошо прячет своё подавленное настроение, но однажды вечером Тей прижал её к себе и тихо посоветовал:

— Поплачь, Сероглазка. Не держи боль в себе. Грусть уйдёт с солью слёз.

Лиза послушно разревелась, выплеснув целый водопад горьких слёз. Тей терпеливо утешал её банальными словами о том, что всё будет хорошо. Когда Лиза немного успокоилась, он заставил её выпить полчашки тёплого чая и завернуться в одеяло, а потом начал свою очередную историю:

— Я тебе всё о любви сказки рассказываю. А среди снов ойкумены случаются и кошмары. Мрачные сны о сумеречных мирах, в которых нет места любви. Но иногда любовь приходит и туда. Странная, невозможная и жестокая любовь. Любовь, которая меняет вероятности и судьбы ойкумены.

Некогда в незапамятные времена заблудившиеся разведчики случайно наткнулись на небольшую планетку, одиноко кружащую вокруг холодного солнца. Находка казалась поистине чудесной, поскольку исследования

поверхности с орбиты показали богатейшие залежи глиммония. В честь древнего полузабытого бога благоденствия планету назвали Файн.

Толпы искателей лёгких денег рванули в новый мир за богатствами и славой, но их ждало жестокое разочарование. Атмосфера вполне подходила для дыхания, но перепады температур на поверхности оказались невыносимыми, да и рельеф состоял из бездонных каньонов и острых непроходимых пиков. Добыть глиммоний на Файне мог и ребёнок, но вот доставка драгоценного сырья к тем немногим площадкам, где его можно было погрузить на транспортники, часто оказывалась тяжёлым, если не смертельным испытанием.

Файн попытались освоить с помощью биороботов, но и роботы слишком часто гибли, не оправдывая затраченных средств. Несколько экспедиций, отправившихся под покров мутной атмосферы, исчезли бесследно.

Однако глиммоний — ценное сырье, а человеческая жизнь стоит в сущности копейки, поэтому Совет Федерации после недолгих прений и обсуждений решил устроить на Файне тюрьму. Эксперты Совета определили координаты относительно ровной площадки, куда стали высаживать осужденных за особо тяжкие преступления. Раз в месяц над площадкой зависал специальный челнок, забирающий руду сбрасывающий контейнеры И с продуктами и новыми заключенными. Количество продуктов зависело от количества полученной в предыдущем заборе руды, и инстинкт выживания заставлял обречённых пленников добывать глиммоний.

Через некоторое время на Файне сложилась община добытчиков с собственным жёстким сводом правил, а слухи о долине смерти поползли по галактике. Файн не знал, что такое жалость или сострадание — там был только голод, холод и тяжёлая работа.

По негласному закону Файн был преимущественно

мужской тюрьмой, а попадавшие туда женщины не слишком отличались от мужчин. Но однажды, открыв очередной контейнер, колонисты Файна обнаружили в нем молоденькую девушку. В долину смерти спустился ангел с нежной белой кожей, ясными глазами и длинными шелковистыми косами.

Впервые почти всё население Файна собралось вместе, негласно заключив перемирие. Оборванные дикари с изумлением взирали на новую соседку. Многие сомневались, уж не приснилось ли им подобное чудо? Чудо размазывало по бледному личику слёзы, пытаясь что-то объяснить, но никто не понимал ни слова.

Было ли явление незнакомки следствием ошибки компьютеров или девушка действительно совершила нечто ужасное, так и осталось тайной для сборища преступников. Бедняжка не говорила ни на одном из языков, известных колонистам, так что понять её длинный эмоциональный рассказ они так и не смогли.

Судьбу девушки несколькими фразами определил могучий похититель детей Зфенкор, известный своим лёгким помешательством на божественной почве. Оттеснив толпу от беспомощного существа, он протянул руки к небу и начал нараспев проповедовать:

— Лю-ю-ди! Че-ло-ве-е-ки-иии! Да пребудет с вами Царствие Божие!! Боги Вселенной вспомнили о своих заблудших детях и послали нам спасительницу! Дочь Богов — наша защитница и покровительница! Великая Дева — наше прощение и спасение! Небесный Ангел — наша звезда и наша судьба! Славьтесь, Государи мои небесные! Спасибо за великий Дар!!

Суеверия возобладали над здравым смыслом и инстинктами. Ничего не понимающая девушка молчаливо была признана неприкосновенной. Колонисты стали называть её Белоснежкой из-за молочно-белого цвета нежной кожи.

Без всяких споров девушку взяли под свою опеку наиболее уважаемые жители долины — Нейрон и Глия. Во все времена, что помнили обитатели Файна, худой криворукий мужчина, называвший себя Нейроном, и маленький лысый паренек Глия жили и работали вместе, ни с кем больше не общаясь. И они занимали одну из лучших пещер — немного на отшибе, под нависающей скалой, защищающей от пронизывающих ветров.

Первые дни Белоснежка пыталась понять, чем занимается её новая семья. Она повсюду следовала за Нейроном и Глией, делая робкие и тщетные попытки помочь. В конце концов, они жестами убедили её не мешать, и она стала проводить время, сидя под защитой скалы и ковыряя иголкой какую-нибудь одежду.

По прошествии некоторого времени стало ясно, что Белоснежку ожидает новое испытание. Нейрон обратил внимание на её вихляющуюся походку, заставил её снять все тряпки и, проведя краткий осмотр, с ужасом понял, что заметно выпяченный живот может означать только одно. Белоснежка ждала ребенка.

Новость облетела долину смерти, кажется, быстрее, чем скорость света. Один из поверхностно знакомых с медициной каторжников предложил простое и радикальное решение проблемы, однако по отношению к «дочери богов» сама мысль о таком казалась кощунственной. Белоснежка, обнимая живот, лепетала на своем неизвестном наречии что-то настолько ласковое и нежное, что биологические инстинкты человеческого сборища оказались сильнее слабых голосов разума.

Белоснежку стали подкармливать. Убийцы, насильники, разбойники нет-нет, да и приносили ей то кусок мясца, то горбушку хлебца, то несколько листиков салата из последнего контейнера. В контейнеры с глиммонием была вложена, наверное, тысяча записок с просьбой о помощи, однако ответа обитатели Файна не получили.

И помощи не дождались. Несмотря на все заботы, «дочь богов» чувствовала себя всё хуже. Её начали мучить долгие рвоты, она стала терять зубы, её косы заметно поредели, а потом она и вовсе перестала вставать.

Однажды ночью Белоснежке стало совсем плохо. Перепуганная девочка стала метаться и плакать, повторяя непонятные мольбы. Два условных медика — маньяк из системы Телескопа и убийца с Трегии — осмотрели бедняжку и пришли к заключению, что начались роды. Схватки продолжались безрезультатно двое суток, и население Файна пришло в злобное исступление.

Короткий совет «специалистов» по акушерству постановил: необходимо проколоть плодный пузырь и попытаться массажем выдавить младенца из материнского чрева. После варварских процедур измученное тело извергло из себя нечто крошечное и безжизненное, и синий комочек забрал Зфенкор.

Белоснежку отпустили, но она осталась лежать неподвижно. Из дыры между её ног хлестала кровь. Вокруг бестолково суетились люди. Попытки остановить кровотечение оказались тщетными, вскоре ручеек ослаб сам собой, потом прекратился вовсе, и безжизненное тело застыло в нелепой позе.

А ещё спустя несколько минут из рук жестокого похитителя младенцев раздался слабый писк, ознаменовавший начало новой жизни. Зфенкор поднял маленькое тело вверх, на обозрение всему собравшемуся люду:

— Лю-ю-ди! Че-ло-ве-кии-и! Да пребудет с вами Царствие Божие!! Вы знаете, где мы? Я скажу вам. Мы в преисподней, в царстве Тьмы. Сегодня умерла наша Белоснежка, наша звёздочка, наша мечта. Но она оставила нам надежду. Она оставила нам сына. Нашего сына. Нашего наследника царства Тьмы. Мы назовем его: Сэйтениэл. Мы позовём его: Вейлендаль. Мы скажем о нём: Хейлель. Мы коронуем его нашим Князем. Князем Тьмы.

И поклянемся приложить все наши силы, чтобы в один прекрасный день вселенная узнала о нём и содрогнулась от его деяний...

Тей замолчал, а Лиза растерянно возразила:

— Неправда, такого не может быть. Эту женщину, Белоснежку, её должны были эвакуировать оттуда.

Бездонные чёрные глаза согласились. Чуть не плача, Лиза тихо спросила:

— Что было дальше?

Мужчина вздохнул и продолжил:

— Через некоторое время одному заключенному удалось сбежать в контейнере с глиммонием. Служба Безопасности сцапала его после прибытия челнока на перерабатывающую базу, но к этому моменту он уже совершенно спятил. Его рассказ о младенце и уверения, что маленькое чудовище живо, породили эту печальную легенду.

Лиза размазала слезинку по щеке и мрачно констатировала:

— Жаль, но вряд ли это так. Без заменителей молока ребенок обречён. Я с Сержем тему питания младенцев изучила на уровне академика. Всё остальное можно решить — и даже в условиях Файна. Но без нормальной еды ребенок умрёт. От голода. Или от отравления. Или от несварения. Всё равно умрет. Там сухое молоко в контейнерах этих присылали? Может, мука была? А крупы, каши? И ещё важно — вода у них откуда бралась? Они её стерилизовали? Кипятили?

Нахмуренная складка на лбу Тея расправилась, и он неожиданно улыбнулся:

- Я не знаю.
- Даже если отварами выкармливать, очень много проблем. Младенцы, конечно, очень живучие, но и умирают они на удивление быстро. А лекарства хоть

какие-нибудь на Файн этот сбрасывали? Хотя бы самые элементарные?

— Может, и сбрасывали. Но вскоре после появления легенды о ребёнке глиммоний научились синтезировать искусственно, необходимость в каторге на Файне отпала, и Галактический Совет издал постановление о её ликвидации. На планете высадился десант Службы и провел полную зачистку местности. Совет Федерации во всеуслышание объявил, что никаких доказательств существования малыша не найдено...

Лиза поняла, что от души ненавидит все эти советы, и с неожиданной твёрдостью произнесла:

— Знаешь, к твоей истории нужно добавить другой конец. Этот малыш должен выжить, вырасти, а потом заставить чинуш федерации пожалеть о жестоких решениях.

Тей грустно улыбнулся:

— В мире нет справедливости, Лиза. И это только сказка. Скорее всего, её в одном из зэковских сообществ Гринваальдского острога придумали. Каторги на Файне боялись до такой степени, что с лестниц сбрасывались, лишь бы туда не попадать. А сказка дарит надежду. Если ребёнок там выжил, значит, и взрослые дядьки смогут.

Вздохнув, Лиза тихо заметила:

- Но если ты хотел этой байкой утешить меня, у тебя не получилось.
- У твоего сына есть еда, чистая постель и тёплый дом. А это уже хорошо для малыша. Ты вернёшься к нему, и разлука скоро забудется. Всё забывается, и хорошее, и плохое.

Кажется, Лизе пора задать один давно мучающий её вопрос:

- Когда мы вернёмся, я должна буду забыть о твоих сказках?
 - А куда ты хочешь вернуться?

— В смысле?

Тей помедлил и веско заявил:

— Ты сможешь выбрать любое место в космосе и начать новую жизнь.

Было бы, наверное, неплохо. Но Лиза решительно замотала головой:

- Нет. Я вернусь домой.
- К мужу, который не муж?
- К сыну.
- Забери сына и начни новую жизнь.
- Кто мне даст его забрать? И что я могу дать ему? Нищую жизнь беглеца? Приключения маленького нелегала с поддельными документами? Зачем мне ломать его жизнь? Лучше я подарю ему свою. Да и не могу я отнимать у него то, что его по праву. Серж наследник горной империи, Гранатов-некст. Так что у меня нет выбора.

Тей несколько минут о чём-то размышлял, а потом командным тоном распорядился:

— Сядь и подвинься вот сюда. Посмотри на меня.

Лиза послушно подчинилась жесту Тея и с любопытством уставилась на нелегала и супермена. Чёрный взгляд вспыхнул обжигающим холодом, и спокойные слова проникли куда-то внутрь всего существа женщины. Чужая воля диктовала мозгу программу, обязательную к исполнению:

— За нами прилетит корабль. Ты ступишь на его палубу, за тобой закроются люки и шлюзы, ты почувствуешь первую вибрацию движения к звёздам. И ты забудешь всё, что я тебе рассказывал и буду рассказывать. И всё, что между нами произошло или произойдёт — забудешь.

Тёмная глубина завораживала, манила, хотелось утонуть в ней, раствориться, слиться с чем-то невыразимо большим и прекрасным. Тей нежно гладил короткие волосы женщины, и зачарованная Лиза не почувствовала, как мужские пальцы находят несколько особых точек

на её коже.

— Спи, моя маленькая звёздочка, моя нежная Сероглазка. Спи, и ни о чём не тревожься. Спи, и пусть тебе приснится что-нибудь хорошее о твоём сыне.

Осторожно уложив уснувшую подружку на смятую постель, Тей с лёгкой грустью вздохнул.

Насчет красоты, конечно, есть большие сомнения. Так себе красота. На уровне отсутствия. Но девчонка умна, и у неё сильный характер. Эх, пожить бы ей в Федерации, попутешествовать по Великому миру, поболтать с элитой Колумина...

И почему каким-то идиотам вроде Гранатова так везёт? И как можно не понимать, что это везение? Допустим, украл девчонку. Случается. Но зачем так жестоко крушить её первую влюблённость? Почему не позаботиться о её здоровье?

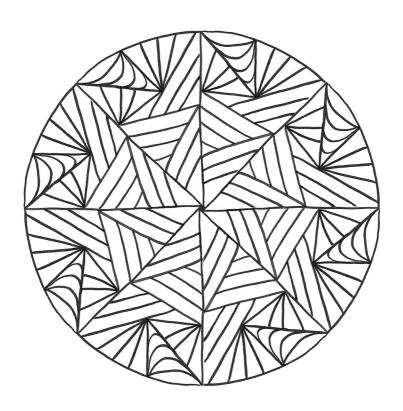
Тей построил сложную мысленную конструкцию, в которой были похищенный ребёнок, обведённый вокруг пальца мужчина и маленький домик в забытом уголке вселенной, на пороге которого ждала супермена ласковая инопланетянка с сияющим взглядом серых глаз.

Увы, картинка почти мгновенно дополнилась падающими снарядами, горящими остовами домиков, воронками вместо цветников и могилами.

Вздохнув, Тей одёрнул сам себя.

Хватит дурацких фантазий. Включи, наконец, мозги. Не можешь же ты, супермен, подохнуть в этой крысиной норе? По частоте прощаний с жизнью приключеньице выдалось исключительным. Значит, и хэппи-энд должен быть на уровне.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ* **ВЗЛЁТ И ПАДЕНИЕ**

29. Новые горизонты

Время пролетало и проползало, Аллой заносило горячими песками. Закручивающийся смерчами ветер гонял по опустевшей планете клочки былого могущества людей, и люди прятались от разгулявшейся стихии, позабыв песни о победах над природой.

Тей сосредоточенно изучал чертежи на экранах, практически ничего не говоря, и с трудом отвлекаясь на принесённую Лизой еду. С упорством маньяка он внимательно присматривался к чему-то неуловимому в мешанине карт и таблиц на экранах. Найдя же, наконец, нечто важное, Тей несколько часов просто лежал на кровати, сосредоточенно изучая устройство потолка. Потом он собрал Зенона, Бизона, геймеров, Пса и Туза вместе.

— Итак, у нас две новости. Одна убивает наши надежды, другая возрождает их, но вместе с тем подводит финишную черту нашему прозябанию. Работать придётся всем. Начнём с плохого.

Бизон не стал разворачивать виртуальные карты. Он положил перед собой три простых листочка, на которых весьма схематично была нарисована стопка блинчиков. Увы, сказанное Бизоном оказалось далеко от кулинарии:

- Я полагаю, что эпицентр первых землетрясений находится на север от Ксантуя.

Показав на свои художественные достижения, Бизон пояснил:

— Континентальное плато наехало на североокеаническую плиту. Сначала ударилось одним краем, и это землетрясение стало началом катастрофы. Потом удар пришёлся по центру, а следующий надо ждать с другой стороны континента, вот здесь.

Лизу эта угроза столкновения блинов насмешила,

но Тей так нервно вздохнул, что она быстро спрятала улыбку. Бизон медленно закончил свой короткий доклад:

— Новый удар будет намного мощнее всех предыдущих. Всё северное побережье смоет гигантским цунами. Отсюда до побережья очень далеко, но и нам грозят беды. Трясти будет весь континент. И я не уверен, что наш бункер выдержит такие перегрузки.

Пёс с претензией неизвестно к кому спросил:

— Почему никто не подумал об этом заранее?

Бизон пожал плечами:

- Не было необходимости думать. Плато было устойчиво тысячелетиями. Теоретически мы лишь добавили одну горячую каплю в холодное море, но...
- Эта капля опрокинет континент. Подытожил Тей мрачно.

Рыжий вздохнул и полуспросил, полуответил сам себе:

 Надо перебираться на поверхность. Здесь нас раздавит.

Туз с сомнением заметил:

— На поверхности остались другие выжившие. Нам придётся отстаивать свои припасы. И мы не сможем контролировать всю группу. Наверняка кто-нибудь захочет отделиться в свой индивидуальный шалашик.

Невнятный обмен сомнениями стих, и Тей выложил вторую новость:

— Есть некоторая ненулевая вероятность, что не так далеко отсюда, в ангаре на краю недостроенного института питания лежит челнок.

После пары минут тишины пространство комнаты изрезали звуковые волны. Одновременно заданная тысяча вопросов превратила замкнутый мирок в море акустических колебаний, не воспринимаемых и не распознаваемых мозгом.

Тей терпеливо подождал, пока отбушует первый

всплеск эмоций, а затем приступил к объяснениям, показав на экране разноцветный чертёж:

— На схемах всего этого комплекса объект «45ATX» обозначен как строящийся. Там постоянно работало несколько бригад рабочих, там был разбит лагерь, туда привозились материалы и оборудование. Туда подходит отдельная трасса, но все ценные грузы спускались прямо с орбиты.

Выведя на экран снимок с орбиты, Тей поясил:

— Площадка для посадки челнока на объекте есть, хотя, как легко заметить, некоторые её элементы не достроены. Тем не менее, площадка функциональна, и челноки на неё садились в штатном режиме. Скорее всего, на объекте был стандартный режим «два на земле — один в воздухе». И один челнок всегда был в резерве. Белый прямоугольник — ангар, где, возможно, этот резервный челнок стоит и сейчас.

Перед глазами участников собрания возникли компьютерные макеты красивого городка. Тей быстро «пролетел» сквозь ряды домов и «вывернул» к сияющему строению, высившемуся посреди зелёного поля, расчерченного квадратами и кругами дорожек. Двери нарисованного ангара распахнулись, мелькнуло обтекаемое тело челнока, и Туз решительно перебил объяснения Тея:

— Я правильно понял, что у нас есть корабль? Мы улетаем?

Эти простые и понятные всем слова снова спровоцировали бурное и эмоциональное обсуждение новости. Выждав, пока люди угомонятся, и гвалт, крики, возбужденные реплики постепенно стихнут, Тей продолжил:

— Челнок предназначен для полета до орбиты и обратно. Улететь на нём в глубокий космос невозможно. Отправить сигнал дальней связи — тоже невозможно. Единственное, что можно попытаться сделать — добраться до орбиты, выйти в открытый космос и попытаться

вручную перегрузить станцию связи, чтобы система настроилась на заданную эквивалентную точку.

Пёс нетерпеливо перебил объяснения:

- Почему ты не перегрузишь её отсюда?
- Боюсь потерять то последнее, что есть.

Зенон задумчиво высказался:

— Сейчас станция работает в режиме сканирования возможной зоны эквивалента, и рано или поздно мы ткнёмся туда, куда надо. Проблема в том, что это может быть уже слишком поздно для нас. Если у нас будет эквивалентная точка сейчас, мы начнём отправлять базовый сигнал временного маяка. Если будет сигнал маяка, по нему отправят разведывательный зонд. Если зонд пройдёт, к нам прибудет отряд разведчиков для установки мощного стационарного маяка.

Туз быстро озвучил то, что все подумали:

 $-\,A\,$ маяк $-\,$ это наш билет на вылет из курортной зоны.

Снова возник оживлённый ропот, раздались счастливые вздохи и возгласы. Чуть повысив голос, Тей испортил эйфорию вспыхнувшей надежды:

— Нет никаких гарантий, что челнок остался на объекте. Нет никаких гарантий, что он готов к полёту. И мы не можем запустить беспилотник, мы не можем отправить к ангару робота-разведчика. Нам остаётся старый добрый способ «на своих двоих». Нам придётся выйти из убежища и промаршировать до ангара пешком.

Упрямая физиономия Пса красноречиво подсказывала, что такая мелочь, как пешая прогулка, его не остановит. После паузы Тейлор продолжил:

— Даже если мы найдём челнок, нам надо будет заправить его, подготовить к полёту, осуществить запуск. В группе должно быть не меньше четырёх человек, и это должны быть толковые и сильные мужчины, которым, возможно, придётся обороняться от тех выживших, что

захотят вмешаться в наши планы. И после запуска вам ещё надо будет вернуться обратно.

Пёс пристально посмотрел на полулежащего Тейлора и переспросил:

— Нам вернуться?

Тей кивнул и безапелляционно заявил:

- Вам. Я на орбиту полечу.
- С кривой ногой?

Вздохнув, Тей попытался поспорить:

- Я лучший пилот из вас всех. Я знаю, что надо сделать на орбите, я умею работать в открытом космосе. Если челнок есть, лететь должен я хоть с ногой, хоть без.
 - Я хороший пилот, скептически возразил Пёс.
 - И я, тут же эхом добавил Чёрный.

Тей не стал развивать полемику, переключив внимание команды на сложности подготовки похода к челноку:

- Нам надо многое приготовить. Согласно показаниям датчиков, на поверхности холодно, сухо и ветрено. Так что нам не помешают шапки и тёплые ботинки, а также запас воды и еды. Нужно будет провести две-три вылазки для разведки. Когда отправимся в путь к шахте, нам придётся захватить с собой кое-какие инструменты на случай, если придётся взламывать люки или что-то ремонтировать. И нам потребуется оружие.
- Может, мы просто возьмём выживших сюда? Неуверенно предложил Рыжий, и остальные смутились.
- Нет. Холодный спокойный ответ Тея отвергал саму возможность такого решения.
 - Почему?
 - Потому что они нас съедят.
 - А вдруг мы встретим женщин и детей?
- Женщин может быть. Детей сильно сомневаюсь. Но именно дети не будут задумываться, прокусывать ли твою сонную артерию. Они будут лишь чувство-

вать, как разыгрывается аппетит от запаха твоей тёплой вкусной крови.

- Это жестоко.
- Разумеется. Быть съеденным не самая приятная участь.

Что-то в сказанном наводило на мысль, что Тей излагает всё это со знанием дела. Так, как если бы его самого уже пару раз съедали. И это мрачное заявление поставило точку в дискуссии.

Мужчины разошлись обдумывать предстоящую экспедицию.

Лиза осторожно выбралась из угла, где сидела. Поправив подушки, на которые бессильно свалился Тей, она тихо заметила:

- Может, ты и лучший пилот. Но ты и до челнока не дойдёшь. Или ты воображаешь, что тебя туда на руках понесут?
- Лучше бы понесли. Я хотя бы не бесполезно угроблюсь.

Мрачный тон Тея удивил Лизу, и она вопросительно посмотрела на друга:

- Но ведь пилот может улететь в космос.
- Как? Своим ходом попилит на обычных скоростях? И далеко он, по-твоему, улетит? Даже если он доберётся до обитаемой земли, пилот будет памятником самому себе. Через несколько эпох.
 - Ты так спокойно говоришь об этом.

Разведя руки в стороны, Тей сморщился:

— А я должен плакать и биться в истерике? Знаю, тебе не нравится мысль о том, что я уйду к челноку, а ты останешься. Но, во-первых, до этого ещё дожить надо. Вовторых, ты не пропадёшь и без меня. В-третьих, я позабочусь, чтобы у тебя не было проблем.

Усмехнувшись, Лиза грустно ответила:

– Дурачок ты. Я не боюсь остаться. И знаю, что

не пропаду.

Чёрные глаза вспыхнули возмущением:

— Ещё раз обзовёшь дурачком, я тебя отшлёпаю.

Лиза собрала грязную посуду и направилась к двери, ехидно бросив через плечо:

— Догони меня сначала, дурачок.

Тей издал горестный стон, но она не обернулась.

30. Разведка

Известие о планируемом походе вдохнуло в колонистов давно утраченную энергию, все ощутили синхронный порыв — что-то делать, быть полезными, важными, нужными. Мужчины провели ревизию имеющихся инструментов. Женщины оказались мобилизованы на разбор тряпок и пошив верхней одежды. Споры прекратились. Вынырнувшее из апатии сообщество прониклось новой надеждой.

После долгих обсуждений на роль первых разведчиков были выбраны двое крепких мужчин из числа приверженцев Туза. Кроме центрального люка и запасного выхода, у которого, как оказалось, намертво заклинило поворотный механизм, на базе существовало ещё два колодца, ведущих на поверхность и предназначенных для разных техников и смотрителей. Одним из таких колодцев и воспользовались разведчики сравнительно тихим безветренным утром.

Вернувшись через шесть часов, разведчики принесли сплошь хорошие вести. Погода показалась им прекрасной. Несмотря на значительное содержание пыли в воздухе, они вполне смогли дышать и видеть на пару десятков метров вокруг себя. Несколько раз сквозь мутные облака проглядывал кружок солнца. Никаких признаков других

выживших разведчики не обнаружили. Зато нашли грунтовую дорогу, которая раньше вела как раз в ту сторону, где находился объект. Разведчики без каких-либо осложнений прошли по тропе пару километров, но вернулись, так как отведённое на исследования время заканчивалось.

Через два дня в разведку ушло четыре человека, и хотя в принесённых ими сведениях не содержалось ничего нового, спокойное возвращение группы было воспринято с необыкновенным ликованием.

Пошивочный цех, как назвала энтузиасток портновского искусства Иветта, принялся кроить, шить и мерить шапки и куртки самых немыслимых фасонов. Тей и Пёс принялись активно спорить о том, кто из них сядет в челнок. В третью вылазку они ушли вдвоём и заставили всех понервничать, задержавшись на поверхности дольше обозначенных шести часов. Вернувшись, они продемонстрировали всем полчашки воды из найденного комочка снега. И хотя химический анализ показал, что вода содержит изрядное количество примесей, в том числе органических и не внесённых в стандартный справочник анализатора, находка доказывала, что на Аллое бывают осадки, а значит, есть надежда на снятие жёстких норм потребления воды.

Поход уложил Тея в постель: изломанная нога опухла и причиняла сильную боль. Но счастливая улыбка Тея останавливала рвущиеся с губ Лизы упрёки и нотации. В процессе совместного блуждания по пыльной поверхности Тею удалось убедить Пса в том, что только пилот с искалеченной ногой сможет выполнить сложный взлёт, маневрирование на орбите и работу по настройке станции. Предвкушение приключения явно отключило в голове Тея функции, ответственные за осторожность и здравый смысл.

Колонисты, воодушевлённые удачными вылазками,

начали всерьёз готовиться к дальнему походу, и даже назначили день, в который он должен состояться.

Но очередная пара разведчиков с поверхности планеты не вернулась. После трёх часов спокойного и успешного изучения тропы разведчики перестали отвечать на запросы по радио.

Лиза напрасно упрашивала Пса взять её в поисковую партию. Ей казалось, что она сможет найти потеряшек. Просто почувствовать, где оказались люди, и пойти к ним на помощь. Умом она понимала, что тешит себя пустой надеждой, но обращалась со своей просьбой к Псу снова и снова.

Пёс был неумолим. На поиски ушло четверо самых сильных мужчин. За следующие пять часов они обследовали огромную площадь над базой. Они кричали, они включали ревущий динамик, они устраивали минуты тишины в надежде различить хоть слабый отклик, хоть намёк на голос. Но все отклики, все намёки оказывались лишь проделками разгуливающегося ветра.

Зенон и Жизель бесслелно исчезли в пыли Аллоя.

В убежище стала ощущаться пустота, на которую невозможно было не обращать внимания. К смятому белью на большой двуспальной постели несколько дней никто не решался прикоснуться. Лишь на четвёртый день вечером Лиза после двух доз клементина собралась с силами, аккуратно сложила все вещи пропавших друзей и упаковала их в одну большую коробку. Коробку она отнесла в одну из дальних кладовок и засунула на самую верхнюю полку стеллажа.

Весь следующий день люди отводили от Лизы тревожные взгляды, и только Бизон, крепко пожав ей руку, скупо поблагодарил: «Спасибо. Так будет лучше».

Тей погрузился в сложные расчёты, пытаясь вычислить, как далеко могли уйти пропавшие друзья. Выхо-

дило, что слишком далеко — не могли. Но с поправкой на плохую видимость, ветер, пыль и фактор непредсказуемости даже сто метров превращались в гигантскую дистанцию, на которой разведчиков могли подстеречь самые серьёзные опасности.

Геймеры развязали очередную войну, но запал, с которым они отдавались виртуальным сражениям, был слишком уж истеричен. Пёс провёл ещё три вылазки наверх, но это были короткие выходы минут по пятнадцать, целью которых стала установка дополнительных датчиков.

А ещё через два дня все дополнительные и часть работавших до этого датчиков оказались снесены мощным ураганом, пронёсшимся по поверхности Аллоя. Буря неистовствовала несколько суток, изрядно напугав обитателей убежища ощутимыми волнами подземных толчков.

Когда ураган стих, Бизон сделал единственно возможный вывол:

— Нельзя ждать. Надо идти к челноку и лететь к станции связи. Будем медлить — дождёмся того, что нас сплюшит.

Подготовка к походу продолжилась, хотя уже без прежнего ликования. К сборам в поход добавились ревизии продуктов, воды и всего того, что следовало вытащить из бункера для разбивки лагеря на поверхности.

31. Без неприятных сцен

Лиза в своей старой комнатке перебирала и складывала в коробку разные тряпки, когда заглянувший Туз позвал её пройти вместе с ним в одну из кладовок. Решив, что речь идёт о каких-то очередных важных вещах, кото-

рые надо собрать вот прямо сейчас и быстро, Лиза немного удивлённо оглядела пустое помещение самой дальней каморки. Но прежде, чем она успела задать хотя бы один вопрос, Туз коротко и жёстко заявил:

— Мы уходим. Но мы не возьмём Тея с собой. Он не дойдёт. И не сможет полететь. Чтобы обойтись без неприятных сцен, мы тебя изолируем. Не кричи, не стучи, всё равно никто не услышит. Просто посиди спокойно пару часов. Тебя выпустят, когда мы отойдём на достаточное расстояние.

Через мгновение массивная дверь захлопнулась, и Лиза осталась размышлять о неожиданном повороте событий. Устроившись прямо на полу, она, сначала сидя, а потом и лёжа, представляла себе, как идёт по пыльному Аллою команда выживших. У них обязательно всё получится. Они запустят челнок и найдут загадочный эквивалент. И очень скоро всё закончится.

Время шло, но за Лизой никто не приходил. Тусклый свет крохотной лампочки под потолком резал глаза, лишая ориентации и во времени, и в пространстве. В кладовке стало холодно. Попрыгав, Лиза немного согрелась, но ненадолго. Поколотив немного в дверь, она убедилась в бессмысленности этого занятия. Внимательно рассмотрев жалкую обстановку, она отказалась от мысли попытаться что-либо разломать или разобрать. Тишина подавляла, и минуты растягивались в бесконечность, отказываясь превращаться в завершённый период из двух часов.

Внутренний хронометр Лизы отсчитывал уже пять или шесть часов, когда она вдруг отчаялась. Наверное, все спаслись, а про неё забыли. И она умрёт в этой комнатушке, пока остальные будут праздновать своё счастливое возвращение.

Мысль о празднике спровоцировала фантазию о заставленных яствами столах и льющейся в огромные

бокалы чистой прозрачной воде. Отогнать мысль о еде оказалось просто, но жажда настойчиво давала о себе знать. Лизе очень хотелось пить. А ещё хотелось кричать и лупить кого-то неизвестного. Но в этой трате сил не было никакого смысла. Лиза кое-как устроилась на полу и попыталась представить себя дома. В замке, в своей удобной спальне, в уютной кровати, где так безопасно и так тепло...

Огромный стальной лист, покрытый клёпками и стёртыми надписями, столкнул растерявшуюся Лизу в густой серый кисель. Рядом разверзлась глубокая пропасть, а за ней уходили вверх острые пики, угрожавшие толстому брюху сигарообразного гиганта.

Чёрные камни чужого мира покрывал синий мох. Подушечки его казались бархатистыми, но тонкие колкие щетинки царапали ладони, стоило только попытаться погладить удивительное растение. На мелких листиках соседнего крохотного кустарника сидели рядком переливающиеся букашки, и Лиза подумала, что это неведомая богиня, убегая от местного сатира, рассыпала своё драгоценное бисерное ожерелье.

Тёплый песок приятно просачивался через пальцы и тонкими струйками стекал обратно в углубление между камней. Уютное место. Можно свернутся калачиком и представить себя дома. В каморке под чердаком, в спальном мешке с заплатками, где так легко мечтается о путешествиях к далёким звёздам...

— Лиза! Лиза, очнись!

Такие резкие и невыносимо громкие крики. Зачем так кричать?

Кто-то подхватил её и заставил сесть. Губ коснулось что-то холодное:

— Это вола. Слелай несколько маленьких глотков.

Очнувшись, Лиза не сразу поняла, где находится. Лишь постепенно сознание вернулось в полутёмную кладовку. Руки и ноги совсем затекли и замёрзли, внутри головы стучала иголка.

Тей решительно потянул её вверх:

Вставай. И не торопись, не паникуй. Я удержу тебя.
 Лиза кое-как встала, опасаясь резкого головокруже-

Лиза кое-как встала, опасаясь резкого головокружения. Тей подбодрил:

Всё позади. Идём. Поешь, поспишь и придёшь в себя.

Вспомнив, почему она оказалась в кладовке, Лиза торопливо предупредила:

- Они ушли. Они ушли без тебя.
- Я знаю. Не волнуйся. Сосредоточься на себе.

Совет оказался вовсе не таким уж бессмысленным. Лиза со смущением осознала, что с трудом переставляет ноги. За переносицей поселилась тягучая боль, шея едва поворачивалась, а дыхание отнимало много сил.

Оказавшись в своём уголке, Лиза забралась под одеяла, чувствуя непреодолимую усталость и сонливость, но уверенные, настойчивые вопросы Тея не давали ей отключиться.

- Нос заложен?
- Немного.
- Горло саднит?
- Чуть-чуть.
- Голова болит?
- Кружится.
- Руки-ноги ломает?
- Не так, чтобы очень.
- Есть хочешь?
- Нет.
- Ты уже болела в наших мирах?
- Пару раз. Но не сильно, с неделю хандрила и поправлялась.

- Как ты лечилась?
- Обыкновенно. Таблетками.
- Кто-нибудь болел вместе с тобой?
- Нет.
- А Серж? Он цеплял от тебя болячки?
- Вроде нет.

Вздохнув, Тей протянул ей кружку:

— Ладно, делать нечего. Рискнём. Выпей. Всё сразу.

Тёплое сладкое питьё смягчило колючки в горле, стало полегче дышать, и через пару минут Лиза провалилась в тёмный сон без каких-либо видений.

Отключка оказалась целительной. Проснувшись, Лиза поняла, что чувствует себя нормально, оставалась лишь небольшая слабость, которая, вероятно, была следствием вынужденной голодовки.

Оказалось, что она провела взаперти почти сутки. Тей решил, что она ушла с командой к ангару, и со злости ничего не спросил у самой команды. А Пёс и Туз не отдали конкретного приказа, кто должен её выпустить. И когда это выяснилось, два часа переговоров между ангарщиками и бункером ушло на ругань, что в условиях ограниченности ресурсов было безусловным расточительством.

Колонисты прятали от Лизы виноватые взгляды, но в то же время и она чувствовала себя неловко. Быстро забирая еду от Иветты, она возвращалась наверх и сосредотачивалась на том, чтобы Тею не приходилось отвлекаться на разные мелочи. Тей отвлекался на то, чтобы готовить для Лизы чашки с коктейлем из таблеток и порошков, хотя она и уверяла его, что в этом нет необходимости. А в перерывах между сеансами связи Тей валялся на кровати и изрисовывал страницы книг портретами неизвестных людей и пейзажами фантастических миров.

Команда из шести человек добралась до заветного

ангара. И челнок в ангаре нашёлся. И запасные топливные элементы тоже. Но предстояла титаническая работа для подготовки старта. Часть ангара смяло, и хотя челнок не пострадал, для его вывода на стартовую площадку пришлось разрезать конструкции и листы тяжёлой обшивки сооружения...

Один из двигателей челнока не запустился. Система координации не смогла определить собственное местоположение. Защитное поле не включилось. Какую-то лебёдку заело. Кто-то из механиков-самоучек лишился трёх пальцев...

А когда челнок уже выкатился на стартовую позицию, очередным ураганом снесло несколько панелей с ангара, и одна из них упала на крыло челнока.

После получасовой перепалки по этому поводу, Тей заявил:

— Уходите. Оставьте всё, как есть. Я дойду и смогу взлететь. Даже если челнок будет лежать на крыле, я подниму его в воздух.

Из динамиков раздался спокойный голос Бизона:

- Хвастунишка ты, Тейлор, но я подниму этот челнок, даже если он будет воткнут носом в землю.
 - Ты убьёшь наши надежды.
- Твои полёты это гонки на «иглах». А я строитель, я прилетаю туда, где есть только кусок ровной земли. И я сажусь на него в челноке. Я взлетаю с него в челноке. Я знаю всё о челноках и челночных полётах. Ты обойдёшь меня на любом космическом маршруте. Но не на этом.
 - Ты давно не летал сам.
- Я смогу взлететь. А ты не сможешь дойти. Так что скрестим пальцы, и не будем откладывать этот эксперимент.

Тей молчал минуты три, но потом коротко согласился:

— Не будем откладывать.

Мелкие приготовления, ремонты, расчистка площадки. Экипировка пилота, посадка, сбор в диспетчерской...

Наконец, долгожданный момент наступил. Бизон коротко доложил о готовности к старту. Тей серьёзно пожелал:

— Храни тебя Создатель. И Святые Девы всех религий мира.

Бизон хмыкнул и куда более весело попрощался:

- Бывай, злой гений. Не поминай лихом. Рад, что довелось познакомиться.
 - Взаимно. Удачи, господин инженер. До встречи.

Крохотное пятнышко прочертило уверенную траекторию наискосок экрана, а затем исчезло. Через полчаса челнок вышел на заданную высокую орбиту. Теперь предстояло сложное маневрирование. Тей позволил себе лихорадочно выпить стакан воды и вернулся к напряжённому отслеживанию изменений разных важных чисел на экранах.

В носу у Лизы подозрительно защипало, и она тихо стёрла подступившие слёзы уголком одеяла.

32. Другие

Лизе снился кошмар. Она застряла в Проклятой шахте, и никак не могла найти проход наверх, хотя точно следовала всем меткам. А потом шахту тряхнуло и завалило.

Проснувшись, Лиза поняла, что трясёт совсем не шахту. Поднимающуюся панику ей удалось подавить, но когда возмущение планеты стихло, она ещё долго лежала, сомневаясь, можно ли встать.

Бункер не сдавило. Его немного выдавило из земли и перекосило.

Тей потерял связь и с ангарщиками, и с Бизоном,

и со станцией.

Вчерашняя эйфория колонистов сменилась полной апатией и чувством безысходности. Тей раздавал множество команд и указаний, пытаясь организовать спокойную эвакуацию на поверхность. Но люди просто сидели и лежали, лениво обсуждая, что всё это бесполезно.

Входной люк бункера скривился, механизмы, управляющие его работой, намертво заклинило, и пришлось довольствоваться щелью, в которую не пролезали коробки с оборудованием и припасы. После недолгих колебаний, Тей разломал одну из вентиляционных шахт, но и подъём по шахте требовал значительных усилий нескольких человек, проще уж было разбирать коробки и пропихивать предметы из бункера по одному.

Подготовительные работы к походу не пропали даром, на поверхности развернулся новый лагерь: две землянки и несколько ям-складов. Но выгнав, наконец, людей из бункера, Тей остался внутри — разбираться с системой связи.

Первым откликнулся Бизон. Из его сообщения Лиза не поняла ничего, кроме того, что челнок вышел на заданную орбиту, а затем добрался и до нужной станции. Но множество непонятных терминов никак не складывались в ответ на главный вопрос: удалось ли её перезагрузить? Тей и Бизон обменивались короткой и лаконичной информацией, буквально не тратя ни одного лишнего слова.

Новость о связи с орбитой вызвала лишь вялое оживление Прунелии и Эммы. Остальные копошились в новых жалких убежищах, уже не интересуясь ни станциями связи, ни возможностью спасения.

Связаться с ангарщиками удалось лишь на несколько коротких секунд. Чёрный прокричал, что кого-то завалило. Тей успел ответить, что эвакуация прошла успешно, и что пострадавших нет. После этого сигнал пропал, оста-

вив множество тревожных вопросов.

Первые ночёвки в землянках прошли нервно и бестолково. Лиза вдруг остро ощутила отсутствие самых сильных мужчин колонии. До того малозаметные колонисты вдруг стали раздавать указания, занимать лучшие места и требовать себе дополнительные порции воды и еды. Тея эта возня совсем не занимала. Он постоянно будто прислушивался ко всему, что окружало лагерь.

Подготовка к очередному обеду прервалась после его резкого замечания:

— Убирайте еду! Всю! Прячьте в норы и поглубже.

Иветта растерянно возразила:

- Но мы только начали.
- Быстрее! У нас гости. И я не уверен, что с миром.
- Может, покормим их, они и подобреют.
- Нет. Складывайте всё и уходите на север, к зарослям кустарника. Если начнётся заварушка, прячьтесь и ждите. Если гости не найдут поживы, они уйдут.

Со дна одной из коробок Тей достал небольшой бластер и протянул его Лизе:

— Что ж, Сероглазка. Пришёл день икс. Стой чуть сзади. Держи на прицеле того, кто будет ближе к тебе. Если гости зайдут сбоку, не обращай внимания на меня, следи за ними. Придётся стрелять — не думай, стреляй. В разговоры не встревай, молчи. И запачкай, что ли, щёки. Мне не хочется показывать тебя гостям, но и в кустарник отправлять страшно.

Лиза молча послушалась.

Гостей оказалось трое. Пришли они всё тем же путём от шоссе. Но последний отрезок пути ползли и перемещались короткими перебежками в полусогнутом состоянии. Тей спокойно ждал визитёров на видном месте. Лиза стояла вполоборота сзади. Когда гости убедились, что вокруг никого больше нет, они неторопливо и развязно

приблизились к парочке.

Гость, оказавшийся в середине, смерил Лизу настороженным взглядом, но Лиза не отрывалась от крайнего бродяги, в лохмотьях которого мог таиться целый арсенал. Бродяга усмехнулся и вполголоса заметил:

- Красивая женщина. Я и забыл, что такие бывают.
- Меня зовут Тейлор. Я командир группы выживших. Не обессудьте за строгий приём, но у нас разное случалось. Мы привыкли быть настороже.

Предводитель группы кивнул и одобрил такой подход:

- Мы и сами неласковы к гостям. Я Джумелин. Мои друзья Степ и Олух. Мы живём к юго-западу от вас. Примерно день пути. Большой сюрприз, что здесь есть люди. Мы проходили рядом несколько раз, но я считал, что бункер засыпало.
- Его смяло, оставаться внутри небезопасно. Мы выбрались наверх.
 - У вас есть лекарства?
- Простые обезболивающие из стандартных аптечек. База не была укомплектована. К тому же в ней и не предполагалось медицинской точки. У нас даже стоматологических комплектов нет.
 - А вода есть?
 - На исходе.
 - Мы собираем и топим снег.
 - Мы тоже начали.
 - Сколько у вас людей?
 - Немного. А у вас?
 - Примерно столько же.

Степ встрял в беседу:

- Твоя баба так и будет в меня целиться?
- Опусти оружие, Лиза.

Джумелин спросил:

- В бункере есть система связи?
- Из шести спутников на запросы отвечает один,

но и он дезориентирован. Другие станции связи на планете не отвечают.

- Мы видели запуск. Не знаю, чего конкретно. Спутника или челнока. Но уж никак не флайера. Вы что-то знаете об этом?
- Часть людей, поначалу примкнувших к нашей группе, ушла на север. Возможно, им удалось что-то найти.
- На челноке бесполезно лететь дальше орбиты. Но можно было бы глянуть на спутники.
 - Я бы и сам глянул, но у меня нет челнока.
 - Вы знаете ещё выживших?
- Нет. Но мы недавно потеряли двух человек. Мужчину и женщину. На них были яркие оранжевые жилеты. Может, вы их видели?
- Нет. Мы видели банду Отморозка. Они промышляют грабежами и убийствами. Мы умеем хорошо прятаться, но вот посёлку южнее нас не повезло. Недавно их разгромили.

Джумелин махнул в сторону бункера:

- Мы можем зайти внутрь?
- Заходите.

Лиза подумала, что гость полезет внутрь, но он ограничился тем, что засунул голову внутрь, осмотрелся, и тут же выбрался обратно:

— Нам пора идти.

Степ покачал головой и предложил:

— Здесь чувствуется запах еды. Может, хозяева вспомнят старые добрые традиции гостеприимства? Как насчёт тарелки похлёбки для уставших путников?

Тей ухмыльнулся и переспросил:

— Одной на всех?

Джумелин улыбнулся, Степ нахмурился. Тей махнул в сторону землянок:

- У нас бобовый суп. Жидковат, но что есть, то есть. Олух вмешался с замечанием:

— Обойдёмся без бобов. Пора идти.

Джумелин согласно кивнул, а потом неожиданно сделал шаг к Лизе и облизал нижнюю часть её лица. Лиза окаменела, не зная, на что решиться.

— Зачем тебе оставаться с этой хромой немощью? Пойдём с нами. У нас есть хорошее мясо и надёжные дома. И есть сокровища, которые мы готовы сложить к ногам королевы.

Инстинкт подсказал Лизе, что показывать свой страх нельзя. И она с ноткой превосходства выдала:

 Болтать вы все горазды. Сначала принеси мне хорошее мясо.

Джумелин одобрительно кивнул:

— Деловой разговор. Мы заглянем на обратном пути.

Степ сделал непристойное движение бёдрами и чмокнул воздух.

Лиза опомнилась, когда гости уже ушли. Тей сжал её в объятиях и похвалил:

- Ты большая умница.
- Меня трясёт.
- Не бойся. Я не отдам тебя.
- Почему ты выпустил их? Мы могли бы их перестрелять.
- Это разведчики. Перестреляем одних, придут другие. Пусть лучше они думают, что мы слабы и беспомощны. Сейчас время дороже всего остального.
 - Но что, если они вернутся?
- Они вернутся. Однажды ночью, тихо, большим отрядом.
- Они ушли в сторону ангара. Что, если они нападут на наших ребят?
 - До ангара они не дойдут.
 - Может, мы сможем дойти до их деревни?
 - Нет никакой деревни. Всё, что сказал Джумелин —

абсолютное враньё. Банды идут сюда, потому что последнее землетрясение сравняло остатки городов с землёй. Там не выжить,

- Но почему тогда они отказались от бобов?
- Потому что не голодны. У них действительно есть мясо.

Лиза догадалась, и её тело ответило на эту фразу очередной волной дрожи. Тей поцеловал её, и принялся втолковывать:

- Запомни. Ты сделала и для своих, и для чужих всё, что могла. Если вдруг случится кризис спасай себя. Стреляй, не медля. Беги, не оглядываясь на крики и стоны. Выживай без размышлений. Поняла?
 - Поняла. А спасение реально?
- Станция работает в режиме стационарного маяка средней дальности.
 - Даже не верится.
 - Потерпи, Сероглазка. Хэппи-энд не за горами.

33. Лучший пилот

Прятавшиеся колонисты вернулись в лагерь, но вместе с ними в группу проник и призрак неизбежного распада. Дежурства караульных, на которых настаивал Тей, не воспринимались всерьёз. То, что сам Тей проводил почти всё время в бункере, казалось многим подозрительным.

Короткие сеансы связи с Бизоном проходили на языке технического сленга, в котором Лиза ничего не понимала. Но она понимала, что каждый сеанс взвинчивает Тея, заставляя его что-то высчитывать и пересчитывать. Расчёты не сходились, и он хаотично лупил по всему, что попадалось под руку. По столу, по двери,

по тарелкам. Несколько раз у Лизы возникало опасение, что в раздражении Тей приложит и ленивых колонистов, но он всё же сдерживался.

Посадку запланировали на раннее утро, чтобы у ангарщиков и колонистов было время на поиск челнока и пилота. Однако Тей не посвятил никого в важность очередного рассвета. Просто включил пару экранов и уставился на них, будто пытаясь загипнотизировать весь космос.

Поначалу всё шло хорошо. Челнок лег на заданную траекторию спуска. Вошёл в верхние слои атмосферы. Вышел в нижние. Но затем старая машина начала барахлить.

Тей лихорадочно что-то советовал, кричал «Левее! Забирай левее!», отрывочно перечислял действия, которые могли бы помочь Бизону. А в душе Лизы разрасталась чёрная воронка понимания, что всё это бесполезно.

— Левее... Давай же... Влево!.. Держись...

Потом наступила тишина. Тей уткнул голову в руки и замер.

Лиза села рядом и прислонилась к его плечу, а потом нежно разгладила спутанную гриву волос, провела по щеке, и поцеловала край уха.

Тей прожёг её мрачным чёрным взглядом и пообещал счастливое невеление:

- Ты всё это забудешь. Забудешь меня. Забудешь Бизона. Забудешь мёртвых и живых. И будешь счастлива.
 - Мне обязательно забывать совсем всё?
 - Я буду помнить, Сероглазка. Этого достаточно.

Через три дня в лагерь вернулись ангарщики. Втроём. Пёс и Туз по очереди поддерживали Рыжего с забинтованной головой. Все трое поели и отключились, так и не сказав ничего про экспедицию. Тей нашёл в сумке Рыжего блокнот с десятком записей. Они обрывались

в день землетрясения, и из них было очевидно, что команда запуска не сообщала Тейлору и десятой доли возникших проблем. Челнок ушёл на орбиту с повреждениями обшивки, сбоями двигателя и неполадками в системе управления.

Бизон знал, что не вернётся.

Расспрашивать друзей Тей не стал. Просто сказал, что спутник работает, как и должен работать.

34. Весёлые зомби

Вместе с Джумелином к лагерю вышло девять вооруженных мужчин. Большая часть колонистов успела спрятаться в кустарнике, но пятеро мужчин остались на подмогу Тею. Увы, было очевидно, что силы неравны. Особенно с учётом того, что Тея вторжение нисколько не взволновало и не озаботило.

Джумелин выдвинул единственное требование:

— Отдайте нам бункер.

Тей просто махнул рукой:

— Не вопрос. Забирайте.

Оставив двух дозорных, чужаки залезли в бункер. Проведя внутри пару часов, они вылезли, явно разочарованные. Джумелин коротко бросил:

- Вы пытались наладить связь.
- Мы наладили связь. Считайте, что федералы уже здесь.

Джумелин не поверил, но среди его людей возникло весёлое оживление.

Захватчики повели себя мирно. Устроив большую лежанку чуть поодаль от землянок, они развели костёр, вежливо «одолжили» пару консервов и провели вечер за песнями и душевными разговорами.

Тея такое поведение изрядно удивило, и он приказал всем оставаться начеку. В том числе и тем колонистам, что остались в кустарнике. Однако некоторые решили примкнуть к вечеринке, и были приняты с распростёртыми объятиями.

Понаблюдав за весельем, Лиза поделилась с Теем подмеченной странностью:

- Джумелин явно болен. Он бегал в кусты уже три раза. Такими темпами он добегается до обезвоживания. Но он, видимо, не хочет демонстрировать группе свою слабость.
- Хм. Посмотри лучше на громилу, который сидит рядом со Степом. У него лицо и руки в язвах, а он их ещё и энергично расчёсывает. Но при этом будто не замечает, что из болячек кровь сочится. До сепсиса один шаг, а он сидит, песни поёт.
- И вон тот, слева, что помладше, тоже болен. Кашляет всё время, но непонятно из-за чего. Вон, смотри, снова сухое кхе-кхе. Похоже, горло раздражено. А он песни горланит. Что-то не так с ними со всеми.
- Наивная ты девочка. С ними всё так. Они зомби, живут под действием алкоголя и наркоты. Каждый из них принёс по фляге с чем-то горячительным. И в их караманах наверняка найдутся препараты помощнее клементина. Они не чувствуют боли, не осознают, что могут погибнуть. У них не осталось собственных мыслей и чувств.
- Но почему они все зомби, включая Джумелина? Он же командует ими, он должен хоть что-то соображать?
 - Не-а, не должен. И он давно не командует ими.
 - Они могут напасть на нас?
- Могут. Но мы попытаемся сдержать их яростный пыл отговорками про скорое спасение.
 - А ты уверен, что они хотят спастись?
 - Зришь в корень, звёздочка. Нет, я не уверен.

Несмотря на опасения Тея, захватчики продолжили праздник днём. И следующим вечером. Обнаружив, что Джумелин мёртв, они пустились в весёлый пляс. Когда скончался кашляющий парень, начали по очереди горланить восхваления вселенной. Смерть пожилого товарища, пожелтевшего каждой клеточкой тела, они встретили аплодисментами и анекдотами.

Оставаться рядом с мёртвыми телами и группой весёлых зомби было небезопасно, и колонисты потихоньку ушли в заросли.

Устроившись в яме между кустами, Лиза решилась спросить:

- Ты не думаешь, что они слишком быстро умирают? И все разом?
- Время подошло. Похоже, что они накачались чемто психотропным. Они ушли от основной банды в надежде спастись мелкой группой, но жизнь в страхе и повиновении сказалась на их способности принимать решения.
 - Вдруг они больны?
- Они больны. Но каждый по-своему. Это не эпидемия. И не волнуйся, ты не могла ничем заразиться. А даже если бы какая-нибудь дрянь попыталась пролезть, у неё нет шансов. Я влил в тебя до чёрта разной умной химии. Даже с поправкой на то, что ты альенка, ты сейчас выживешь, если вернётся чума Первой Тёмной эпохи.
- История, которую нам рассказывали в школе, начиналась с героической высадки колонистов на неуютную планету. Но что двигало теми первооткрывателями, и почему они остались в изоляции, я додумала уже здесь. Вероятнее всего, мои предки были беглецами из какогото заражённого мира. Они предпочли рискнуть и выжить за пределами ойкумены. Так что к чуме я, скорее всего, устойчива.
- Насчёт той чумы мы ничего не знаем. А раз ты совместима с людьми ойкумены, то вряд ли твои предки

осваивали космос ещё в Первую эпоху. Скорее всего, они пустились в путь в середине или конце Второй. Если так, то ты, вероятно, из пояса Зелёных Миров. Не так далеко. Игориан сохранил путь к твоей планете?

- Нет. Он перепродал корабль, и все данные были уничтожены. А командир экипажа ушёл в какой-то строгий монастырь лотусийцев. Так что шансов на возвращение у меня нет.
- Шансы всегда есть. Вот выберемся, очухаемся, я тебя скатаю до Гринтауэра. Записи о прибытии Гора должны были остаться. И твоя планета, возможно, известна кому-нибудь из пиратов. Я поспрашиваю на Огайтелле.

Лиза улыбнулась, а потом вдруг подумала, что это необременительное обещание. Ведь она всё забудет. Может, ещё не поздно отменить это заклятие?

- Посмотри вверх, Сероглазка.
- Надо же, всё небо в алмазах.
- Это не алмазы. Это звёзды маяки на открытых во все стороны дорогах. Куда хочешь, туда и лети. Какой хочешь мир, такой и выбирай. Ты свободна в своём полёте. Достаточно только почувствовать силу крыльев.
- Мои крылья тянутся к гнезду, укрыть птенчика от дождей и невзгод.

Тейлор помедлил, а потом наклонился к Лизе с нежным поцелуем:

— А я знаю отличный способ полётов и без крыльев...

Момент испортил Степ. Его не сразила никакая хворь, но он нервно трясся и срывающимся голосом просил помочь его больным товарищам. Колонисты попытались помочь, но к следующему вечеру Степ остался единственным выжившим из всей группы Джумелина.

35. Они здесь

Тёмный силуэт в тучах первой увидела Иветта. Не поверив своим глазам, она начала спрашивать всех подряд:

— Вы это видите? Что это? Как это?! Это они? Они здесь?!

Тейлор, рассмотрев пятно, сдержанно признал:

— Похоже на патрульный челнок. Такими комплектуются крейсеры Федерации. Но не будем сходить с ума раньше времени. Мы и раньше видели разные тени, но ни одна из них не оказалась кораблём.

Последнюю фразу никто уже не услышал. Выжившие принялись орать и подпрыгивать, не в силах совладать с бурей чувств. Когда силуэт развернулся и скрылся, эйфория сменилась привычной подавленностью. Тей счёл нужным пояснить, что может ждать колонистов в ближайшее время:

— Нас отключат парализующими лучами. Это не самое приятное ощущение, но выбора у спасателей нет. Нас погрузят в эвакуационные соты и перевезут на одну из карантинных баз. Там каждый пройдёт медицинское обследование, потом нас рассадят по герметичным боксам, чтобы посмотреть, не выползет ли из нас какое-нибудь нечто.

Рыжий громко фыркнул, но Тей предупреждающе поднял руку и продолжил:

— Не оказывайте сопротивления. Не пытайтесь чтото спрашивать или объяснять. Кем бы вы ни были, вы пройдёте стандартную процедуру вместе со всеми. Если кто-то является гражданином Федерации или Великого мира, вас идентифицируют по биометрическим данным и генетическому паспорту.

Иветта и Пёс напряжённо переглянулись, Туз тяжело

вздохнул.

— После карантина вы сможете улететь домой. Но лучше всего первым делом оказаться в толковом адвокатском бюро и написать претензию к турбюро, к правительству Аллоя, а заодно и к мирозданию в целом. Не сомневаюсь, что какие-то компенсации назначат все большие державы, но, чтобы их получить, надо сразу и громко о себе заявить.

Едва Тей закончил этот своеобразный инструктаж, Лиза спросила:

- Что тебя тревожит?
- Тебе всё равно, кто тебя спасёт. А мне нет.
- Оставайся здесь и жди тех, кто тебя устроит.
- Вероятно, я так и сделаю.
- А если персонально за тобой никто не прилетит?
- Закопаюсь в землянку, буду здесь жить.

Лиза поморщилась, но не стала развивать тему. Увидеть челнок — это, конечно, хорошо, только куда этот челнок направился, и сколько ещё придётся ждать, пока сканеры челнока обнаружат живых людей на поверхности планеты? Может, челнок и не сканирует поверхность, а просто инспекцию проводит? С задачей никаких живых не найти?

На рассвете Лиза проснулась от энергичных толчков Тея. Приложив палец к губам, он знаками показал ей, что надо ползти вглубь зарослей. Однако забраться далеко они не успели. Буквально в нескольких метрах впереди возникли вооружённые мордовороты, чьи агрессивные позы не оставляли никакого сомнения в их намерениях. Где-то сзади раздались отчаянные крики и грубая ругань. Банда нашла свой погибший разведотряд и пыталась разобраться, что произошло.

Тей медленно встал и выпрямился, держа пустые руки на виду. Его попытка заговорить оказалась безуспешной.

Один из мордоворотов молча подошёл и широко размахнулся, намереваясь сбить безоружного пленника с ног. Лиза зажмурилась, а когда решилась приоткрыть глаза, оказалось, что Тей добивает уже третьего бандита. Движения Тейлора казались неловкими и слабыми, но результат впечатлял.

Собрав всё оружие врагов, Тей протянул один бластер Лизе и коротко объяснил:

- Ползи дальше, чуть наискосок, вот так. Не спеши, чтобы не шуметь, но и не медли. Большой куст видишь? Затаись под ним и даже носа не высовывай. Я тебя найду.
 - Я с тобой.
 - Я справлюсь, если ты не будешь мешать.

Лиза добралась до нужного куста, но сразу же начала сомневаться, тот ли это куст. Из-под нависающего переплетения ветвей ей не было видно ни Тея, ни кого-либо из колонистов, ни происходящего на дороге, где шумели и спорили бандиты.

Снова раздались крики, а потом Лиза забыла, как дышать. Прямо к её лицу всунулась оскаленная морда зверя. Бандиты привели с собой собаку, натасканную на поиск людей. Хозяин собаки вытащил Лизу из укрытия и вывел к остальной банде.

Стоящие полукругом бандиты потешались над Эммой. Почтенная дама пыталась им объяснить, что и спасатели уже прибыли, и в небесах летают тысячи чудесных кораблей, и что всем выжившим не нужно ссориться, а нужно обнять друг друга и жить дружно.

Оттолкнув Эмму, собачник поставил перед сборищем Лизу. Заметно избитый Степ выкатился откуда-то сбоку и быстро залепетал, обращаясь к главарю банды:

— Это она. Ради неё он на всё пойдёт. Шёлковым шнурком в ноги к тебе ляжет. Точно говорю. Своими глазами всё видел. Верняк.

Главарь поднял бластер, и прямой выстрел с короткой

дистанции пронзил всё тело Лизы острой невыносимой болью...

Боль приводила в чувство, а потом снова затуманивала действительность. Лиза то всплывала в реальный мир, то тонула в расплывающемся по всем клеткам пожаре.

Иветта и Тей по очереди что-то кричали и объясняли, но понять, чего они от неё хотят, было непросто. Они умоляли её не шевелиться, а потом настаивали, чтобы она поднимала руку; твердили, что надо оставаться в сознании, но заставляли её снова и снова дышать клементином, отчего по сознанию расползались обрывки диковинных воспоминаний из жизни, о которой Лиза ничего не знала.

Относительное просветление пришло в холоде вечера. Лиза не знала, какой это по счёту вечер, но зато разобралась, что она — это по-прежнему она сама, Лиза Гранатова. Рана на плече невыносимо горела, но сознание уже притерпелось к этой боли, а, может, доведённая до максимума доза клементина делала своё дело.

Колонисты ушли от места побоища и разбрелись по зарослям. Всё те же кусты окружали Лизу со всех сторон, и хотя ей устроили шикарную лежанку, она чувствовала себя неуютно. Рядом постоянно торчали Тей или Иветта с Псом, изредка появлялся Туз, заглядывал Моршан, но никого из других колонистов Лиза не видела.

Бандиты, очевидно, проиграли стычку и были перебиты, но каким образом кучка уставших оборванцев уложила всю банду, оставалось загадкой. Иветта упомянула, что Пёс дрался с отчаянием и силой сорвавшегося с цепи глондера, вот только Лиза понятия не имела, кто такие глондеры, почему их держат на цепи, и каким образом сила глондера защищает от выстрелов.

Тей беспрестанно мурлыкал какую-то утешающую и подбадривающую ерунду. Лизу его болтовня раздража-

ла, но объяснить это заботливому другу не получалось. Равно как и отказаться от гигантских порций еды, которые Тей настойчиво в неё впихивал, уверяя, что целая банка овощей нужна ей для выздоровления, а экономить на консервах теперь уже глупо, ибо вот-вот прибудут спасатели, и наступит долгожданный хэппи-энд.

Спасатели не появлялись. Силуэтов в небе не показывалось. Ни в небе, ни на земле ничего не происходило. Клементин закончился. Закончились и толстые капсулы из аптечки. Лиза начала думать, что не совсем хэппи, но окончательный энд действительно вот-вот наступит.

Мир начал меняться в середине дня. Сначала Лиза ощутила ту самую тревогу, потом по привычной серости неба пробежали волны уплотнения пространства. Тени удлинились, воздух наполнился мелкой и едва ощутимой вибрацией, от которой маленьким живым клеточкам хотелось убежать. Пыльный воздух будто начал загустевать. Темнота подкрадывалась медленно, но заметно, и эта темнота не была приближением обычных сумерек. Нечто невидимое, но исполинское собиралось проглотить планету.

Тея непонятное явление природы, очевидно, обрадовало:

— Он здесь... Лиза! Звёздочка моя! Он здесь!! Красиво, а? Ты посмотри, как круто! Я всего третий раз с земли это вижу. Чертовски здорово!

Лиза поёжилась и призналась:

- Мне страшно.
- Это корабль. Только очень большой. Терра-тарелка. Надо же. А Лиза считала, что терра-корабли нена-учная фантастика.
- Низко втиснулся, рискованно. Наверное, зашёл под крейсеры Федерации. Ювелирно рассчитал, а если ошибся, Аллой с орбиты снесёт. Я однажды так чуть

не убился, не учёл всех тонкостей гравитации, и нас между газовым гигантом и его спутником заклинило. А тракторов для межзвёздных тарелок пока не изобрели. Та ещё эпопея была. Представляешь, пришлось у римециев «мастодонтов» просить...

Весёлый голос Тея уносил Лизу в бесцветное тихое пространство, где не было никаких эпопей, а была только спокойная уверенность, что скоро Лиза окажется на зелёной лужайке у подножия Гранатовых гор и обнимет неловкого маленького мальчишку. А потом сядет за руль вездехода, промчится по мелководью Красного ручья и остановится на краю Звёздной поляны в надежде повстречать горного тролля...

Синий мох слёг под потоками воздуха от двигателей патрульного корабля. Маленькие иголки сложились одна к одной, образовав причудливый рисунок из колец и зигзагов. Чёрные камни покрылись песочным «загаром», а крохотные букашки попрятались в корнях кустарничка.

В вязком тумане Лиза едва различала узкую тропинку. Справа проявлялась тёмными пятнами глубокая расщелина, слева то и дело выплывали сухие, но острые ветки древлянки. Босые ноги нет-нет, да чувствовали скользкие пятна синеплесени. Тропка свернула к краю выжженного плато, провела мимо логова спящих хищников, пробежала по маленькой долине бабочек.

На синей лужайке у подножия Суровых гор стоял человек в защитном костюме первопроходца. Скафандр, шлем и всевозможное оборудование превращали гостя в уродливого инопланетного тролля. И Лиза, страшась, что тролль её заметит, скользнула в узкий проход между скал...

36. Верный друг

Толстый ящер неловко вылез из грубо посаженной шлюпки, сердито шипя едкие фразы о тонкостях взаимо-отношений чьей-то мамы с инопланетными крокодилами. Вдохнув пыльного воздуха Аллоя, ящер поморщился. Шлемом он пренебрёг, решив положиться на защитный купол. Если уж федералы рискнут стрелять по нему, их ждет бо-о-ольшой сюрприз.

Ну? И где теперь искать этого идиота?

Теюшка, Тейчиньчик, Тейлорушка, покажи ящерке личико?

Где ты, сволочь??

В мозг назойливо вонзился шепелявый голос кого-то из федералов:

— Повторяю! Повторяю! Вы вторглись в закрытую зону! Ваш корабль нарушает конвенцию по галактической безопасности! Сообщите, кто вы и каковы ваши намерения? Мы будем вынуждены применить оружие! Повторяю!...

Ящер бережно натянул прочные перчатки, которые должны были защитить его тонкие и чувствительные пальцы от любых проблем.

Намерения им сообщите... Совсем обалдели. Гигантского блюдца, что ли, не видели? Какие ещё им нужны намерения? Оружие они применят... Видать, совсем сапиенсы деградируют. А ещё орут, что они доминирующий вид. Обезьянки бестолковые, да и только.

Внимательно оглядев пространство вокруг, и не обнаружив ни малейшего признака присутствия тех, кого нужно было бы спасать, ящер вполголоса произнёс:

— Эдик, давай я с обезьянками поговорю. Переключи меня на них.

Быстрой трусцой ящер двинулся вперед, к месту, где

должен был быть бункер.

Услышав сигнал, ящер заговорил:

— Меня зовут Грэгори Штокберг. Я являюсь главным врачом звёздной базы «Аделаида» и действительным экспертом Службы Безопасности Галактической Федерации. Я осуществляю специальную акцию спасения пострадавших в планетарной катастрофе. Мои полномочия могут быть подтверждены запросом в соответствующие инстанции. Мои действия подпадают под пункт 8 статьи 245 главы 29 межпланетного кодекса о планетарных катастрофах. Любые противодействия мне подпадают под пункт 29 подпункт «а» статьи 20 раздела 102 конвенции Галактической Федерации о здоровье. Применение оружия будет расценено как агрессия против мирной гуманитарной миссии. Виновные в развязывании вооруженного конфликта будут отвечать в судебном порядке согласно статьи 15 части 8 закона Галактической Федерации о преступлениях против жизни...

Ящер собирался напомнить ещё несколько номерочков статей, но нетерпеливый Эдуард испортил это издевательство над командиром крейсера дурацким вопросом:

- Ну как? Нашёл?
- Уймись. Найду ты первым узнаешь.
- Я послушал, о чём они между собой говорят. Они нашли лабораторию, но она в развалинах, и рядом никого нет. Даже и трупов нет, так что в галактике одной загадкой прибыло. Ещё около сотни спасшихся спецназ выловил в лесочке возле города на побережье. Но эти спасшиеся... дикие такие, неадекватные.
 - Тебя бы сюда пожить, ты бы тоже диким стал.
 - A что, можно? Я бы пожил.
- Размечтался. Сориентируй меня лучше, я дырки нужной не вижу.
- Рзвернись правее. И притормози. Я и не знал, что ты бегать умеешь. Думал, вы животоходящие, а ноги вам

так, для красоты.

Люк бункера был открыт настежь, и по двум неподвижным телам у входа было понятно, что если кто и был внутри, то теперь их там уже нет. Но вряд ли Тейлор дал себя укокошить? Уже зная, что помощь близко? Значит, он где-то здесь недалеко, закопался в песочек.

Тейлорчик, Теюшенька, Теюнчик, вылезай, обезьянка, иди к своему зелёному дружочку. Я тебе та-а-кого пинка дам! Ну, где ты??

Ящер, ещё немного ускорившись, добрался до жалких кустов. У границы зарослей лежало ещё несколько тел. А затем носок толстого ботинка упёрся в оборванца, прячущегося в углублении между корней. Оборванец уставился на инопланетянина с откровенным ужасом и обреченно забормотал: «мирдомхлеб мирдомхлеб».

Далековато до шлюпки. Пока эти обезьянки бежать будут, федералы очухаются, додумаются чем-нибудь парализующим жахнуть.

Ящер требовательно спросил у оборванца:

- Гле ваш главный? Гле он?
- Я главный.

Грэг с сомнением вгляделся в оборванца. Нет, глубокое не то.

- Он главный. Под соседним кустом обнаружилась ещё одна обезьянья мордашка. Ящер мысленно чертыхнулся и быстро прошёл по краю зарослей. Но людей больше не увидел. Оглядевшись, он снова заговорил с Элом:
 - Ну и что делать?
- Отнимем у федералов добычу. Потолкуем по душам с этими болезными, может, разберёмся, что к чему. Наведи мне точно координаты, я шлюпку поближе подгоню. И вторую скорлупку спушу. Обходи пока всё кругом, потом подрулишь и две сразу уведёшь.
 - Ты, Эдик, ничего не перепутал? Я толстая

и неповоротливая ящерица. Две шлюпки уводить — это не ко мне. Это к предмету наших поисков. Ему что одну, что гирлянду вести — легкая космическая прогулка. А я существо нервное и к таким передрягам непривычное.

 Отправил. Сядет ровно тебе на голову минут через шесть.

Не успела пустая шлюпка точно, но неаккуратно плюхнуться на окраине зарослей, как к ней из кустов рванула толпа оборванцев. Мартышки, честное слово. А подумать, что залезть в неё они не смогут?

«Главный» оказался у люка первым. И громко проорал «мирдомхлеб». Не помогло. Человек еще громче повторил «мирдомхлеб», чуть наклонившись и приблизив рот к одной из крепёжных заклепок. Нда, этого видно в детстве сказками перекормили. Чудак, это шлюпка, а не пещера сказочного богатея. И волшебными «симсимами» она не открывается.

Активировав люк, Грэг сделал жест, показывающий людям, что можно занять места в шлюпке. Но того, за кем он прилетел, среди оборванцев не было. Над головами замаячила тень шлюпки федералов.

Главная мартышка проорала свои людям:

- Сидите и молитесь! И немного спокойнее мужчина объяснил ящеру:
- Там осталось ещё двое наших. Умоляю, подождите, я за ними схожу.

Грэг, не слушая торопливых объяснений, рванул обратно в сторону зарослей. Как раз в этот момент из них показался тяжело хромающий человек. Ящер только изумленно выругался — едва ковыляющий друг тащил кого-то на руках. В несколько прыжков домчавшись до него, он осторожно забрал его ношу.

— Чёрт тебя возьми, Тейлор!

Тёмные глаза друга блеснули золотыми смешинками:

— Я тоже рад тебя видеть.

Через несколько минут Тей поднял шлюпку в воздух, и по неправильной плоской траектории начал набирать высоту. Вторая шлюпка выполнила тот же маневр. Как и предполагалось, пришедшие в себя федералы сделали небольшой рывок на перехват, и тогда пилот рискованно направил скорлупку почти вертикально вверх, разгоняясь для выхода на высокую орбиту. То, что выглядит как обычная шлюпка, не обязательно ею является. А Тейлор предпочитал не пренебрегать такими вот сюрпризами.

Федералам, правда, досталась вторая шлюпка. Да и чёрт с ней.

37. Космическая лепёшка

Исполинский корабль втянул в один из своих трюмов шлюпку, и Грэг занялся привычным делом врача. Эдуард позаботился о том, чтобы заранее подогнать к ангару больничную капсулу, но едва по поверхности модуля пробежали первые сведения по диагностике, ящер выругался и треснул хвостом по полу:

Она чужая...

Нервная реакция Тейлора его удивила:

- Сам ты ящерица... Сделай что-нибудь!
- Я делаю. А тебе рекомендую занять свой стеклянный домик. И поспать в нём трое-четверо суток. Для начала.

Тейлор поморщился и, тяжело ухватившись рукой за переборку, отрицательно покачал головой:

- Успеется ещё. Вы с Эдом одни?
- Мне некогда было собирать по космосу твоих подельников. Федералы прочитали твой сигнал раньше нас. Ты бы ещё камнями на песочке выложил: «Я здесь». И феды не могут не понимать, что мы не просто так сюда

зарулили. Твоё спасение будет стоить мне очередной дозы греума.

— Я помню, что он на тебя не действует. А вот надписи камушками на песке — гениальная мысль! Обязательно выложу в следующий раз, когда так глупо попадусь.

Грэг, убедившись, что система жизнеобеспечения бессознательной пациентки работает должным образом, невыразительно спросил:

- Что с ногой?
- Сломана.
- Давно?
- Да. Сколько кораблей прислали федералы?
- Три. Один крейсер и два транспортника.
- Стоп. А тоннель они не собираются восстанавливать?
- Нет. И даже больше, они успели выставить маркировку запрещённой зоны.
 - А это зачем?
- Спроси сам. Полагаю, они расстроились до невменяемости, осознав, что потеряли твоё тельце.
 - Ой-ой.
- Не то слово. Странное дело, но первое место, куда они сели, совершенно случайно оказалось развалинами одного секретного центра по биоинженерии. Помнишь, что такое объект «Б»? По слухам, туда незадолго до катастрофы доставили кого-то очень важного. А сейчас останков этого важного обнаружить не удалось.
 - Незадача.
- Слушай, а расскажи мне, что ты сделал? Как ты разнёс целую планету ну совсем уж голыми руками?
- Лестно, что я так велик в твоих глазах. Но я не бог, дорогой мой друг. Я ничего не разносил. Я в питательном бульончике плавал. На специальной трубочке привязанный. И, заметь, ещё какое-то время после катаклизма плавал. И плавал бы до сих пор, но у персонала нервы

сдали, и они всем коллективом смотались куда-то, предварительно поотключав половину систем жизнеобеспечения. Если бы они меня культурно разбудили и просветили, что к чему, я бы им подсказал, что мотать абсолютно некуда. А так я проснулся оттого, что на мой аквариум крыша корпуса приземлилась.

- Как ты выбрался?
- Как обычно. На четвереньках. И если бы на меня одна поганая стенка не рухнула, всё вообще было бы здорово. А так придётся ногу снова ломать.
 - Сломаем прямо сейчас.
 - Нет. Займись девчонкой. Я подожду.
 - Кто она?
- Лиза Гранатова. Из клана тех самых Гранатовых. Наверняка ты слышал россказни о том, как злая любовница горного магната выбросила его нежную возлюбленную в ядовитые заросли.
 - Так она та самая инвалидка?

Хихикнув, Тейлор пояснил:

— Нет. Она та самая злодейка. Мать золотого мальчика, наследника Гранатовых гор.

Грэг изобразил удивление, хотя в действительности не сильно удивился:

- Ничего себе. И где ты всегда таких подружек откапываешь, а?
- Строго говоря, это она меня откопала. Я уже с тобой мысленно попрощался, знал, что сдохну. И тут с небес спускается моя счастливая звёздочка.
 - Тебе чертовски повезло.

Тейлор улыбнулся и самодовольно заметил:

— Я же Князь Тьмы. Мне всегда чертовски везёт.

Устроившись в большом кресле, Тейлор блаженно потянулся и с наслаждением вдохнул прохладный воздух, насыщенный неуловимым ароматом трав и зелени. Весна

на Орхидее? Хорошо-то как...

Момент испортила взволнованная физиономия Эдуарда, возникшая на экране справа:

- Я сделал снимки с максимальным разрешением. Челнок врезался в склон горы. Пилот мгновенно погиб. Федералы место крушения нашли, но ничего предпринимать не стали. Они считают, что это одно из крушений начала катастрофы.
- Поставь в лист ожидания информацию о том, как будут опознавать и хоронить тела. И организуй Максу Колючке близкое родство с Уильямом Фредериком Бессинциолли. Пусть будет его племянником. Как только будет можно, займёмся похоронами.
 - Хочешь поставить памятник?
 - Хочу достойно похоронить хорошего человека.
- А ты не хочешь обратить внимание на более актуальные темы? Нет, я понимаю, что ты немного притомился и мечтаешь поспать часиков тридцать. Но что мне делать с федералами? Они шмаляют по нам какой-то дрянью. Запачкали большой иллюминатор в седьмом секторе.
 - Ты танцевать пробовал?
 - Да-а. Когда мы входили в систему.
- О, боги... В психиатрических клиниках Федерации ожидаются аншлаги ксенофобов. На связь кто-нибудь выхолил?
- Командир крейсера. Грэг ему сказал, что он осуществляет акцию спасения, и что любая агрессия в нашу сторону будет расценена как попытка препятствия его гуманитарной миссии.
- Жаль, что Грэг выдал то, что знаком с тобой чуть больше, чем «один раз видел на фотографии».
- У нас не было выбора, знаешь ли. И мы поспорили, что с тобой сделали. Грэг ставил на то, что мы найдем тебя в препарированном виде, и придётся захватывать Вели-

кий мир с целью проведения эксперимента по клонированию твоей чёрной души. Я же был настроен на возведение нескольких помпезных пирамид. Ну, вроде той, что осталась на Эрине.

- Ндаа... Пирамиды это трогательно.
- Так что мне делать?
- Слушай, а как ты всё это время обходился без моих советов?
- А я не обходился. Я в поясе Глоклина висел. Тебя ждал.
 - Мог бы очень, очень долго прождать.
 - Нет бы «спасибо» сказал.
- Спасибо, братец. Я твой вечный должник. Давай, разворачивайся, и валим отсюда но не к цивилизации, а в обратную сторону. Перепрыгни в пустое место между системами, оттуда потом и сориентируемся. Что наши гости делают?
 - В девятом ангаре сидят.
- Загони их всех в какой-нибудь из сотых модулей, дай по блоку, пусть пройдут стандартные тесты. Выдели им мыла, шампуня и шмотья побольше. Запусти пару каналов с киношками, только мирными. Из модуля не выпускай. Я посплю часиков тридцать, там решу, что с ними делать.
 - A та, что лежит в стеклянном домике?
 - Подлечим и вернём в обычный мир.

Грэг сердито вмешался в эту болтовню, возникнув на одном из экранов:

— Я буду оперировать. Здесь и сейчас. Мне нужен весь второй контур на быстрый синтез. И, Эдичка, начни шуршать базами — может, кто-то из её родни уже гулял по нашим мирам?

Эдуард спокойно ответил:

— Мы на отсчете прыжка. Полторы минуты. Ты сможешь начать минут через шесть-семь, как только мы

минуем порог перехода. Что-то серьёзное?

- Да. Нет. Не знаю. Вы всё равно не поймёте.
- Где уж нам.

Тейлор нахмурился и заверил:

Работай, Грэг. Забирай сколько хочешь контуров.
 Мы хоть в лепёшку расшибемся. Удачи.

Эдуард скорчил гримасу:

— Насчет лепёшки, знаешь ли, не слишком тактично с твоей стороны. То, что некоторые геометрические формы вызывают у тебя ассоциации с продуктами питания, не означает, что следует делать обратную связь и называть совершенное по пропорциям и форме тело словом, подразумевающим неровность, хаотичность размеров и случайность во всём...

В чёрных глазах заплясали золотые смешинки:

— Ты, космическая лепёшка, как был занудой, так занудой и остался. Но ты даже не представляешь себе, как я по твоему занудству соскучился...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ * ГРАНАТОВЫЙ ЗАМОК

38. Споры и разговоры

В малом зале заседаний Совета Галактической Федерации разыгрывалась недостойная сцена. Почти два десятка людей спорили, кричали, размахивали руками и переходили на личности. И то, что некоторые из присутствовавших вовсе не присутствовали на собрании в качестве материальных тел, лишь усиливало конфронтацию. В былые времена всё уже закончилось бы банальной потасовкой.

Относительный порядок воцарился только после гневного окрика Советника Вышевы. Убедившись, что внимание присутствующих приковано к нему, Вышева спокойно начал с самого начала:

— Мы потеряли планету. Мы потеряли лучшую в галактике биоинженерную лабораторию. Мы потеряли тысячи погибших и пропавших без вести. Кто-нибудь объяснит мне, почему после всего этого мы не смогли перехватить одного — одного, чёрт вас возьми! — истошённого человека?

Возник лёгкий гвалт, смолкший после очередного выкрика Вышевы, и старейший Советник продолжил сотрясать воздух:

— Мы поймали сигнал. Мы знали, кто именно его послал. И кому конкретно. Мы получили сообщение о том, что одна подлая ящерица впервые за много лет залезла в «иглу». Так почему «медальон» и Штокберг опередили наших людей, которые уже были там? Почему наш десант болтался на орбите, скромно любуясь тем, как Тейлор сматывается? В конце концов, чёрт с ним, с Тейлором, то, ради чего мы ищем этого мерзавца, само приплыло к нам в руки, а наши люди раскрыли варежки и вежливо помахали тарелке на прощание. Кто-нибудь может это объяснить?

Советник Паскаль Шерер спокойно и невозмутимо ответил:

— Эдуард обошёл нашу засаду, вынырнув в соседней системе. Крейсер был вынужден сместиться, чтобы не остаться в невыгодном положении. К тому же «медальон» начал демонстративную подготовку к нападению, и нашему командиру ничего не оставалось, как пропустить его к Аллою.

Вышева скорчил кислое лицо, и Паскаль перевёл взгляд на экран чуть сзади плеча Советника. Видеть морщинистую гримасу старика было слишком неприятно.

Вышева торопился выплеснуть все те вопросы, обсуждать которые было уже абсолютно бесполезно:

— А почему там оказался только один наш крейсер? Почему командовал им какой-то сопляк, вчера из курсантов? И почему никто не подсказал ему запереть «медальон» в гравитационную ловушку? Это же первое, что приходит в голову! После Эрина всему космосу известно, что «медальон» вблизи планеты уязвим, как нигде.

Паскаль грустно вздохнул. Всему космосу очень много чего известно про единственный терра-корабль галактики, некогда угнанный Тейлором прямо во время первого тестового полёта. Вот только к объективной реальности эти россказни не имеют никакого отношения. И то, что даже Вышева верит в то, что «медальон» можно запереть в гравитационную ловушку, не может не разочаровывать. Нет, запереть, наверное, можно, но только для создания ловушки достаточной мощности придётся сначала построить специальный планетоид. А лучше целую звёздную систему.

Вслух Паскаль заговорил о другом:

— Крейсер был только один, потому что трое из четырёх наших уважаемых экспертов выдали заключение, что Тейлор не будет ждать помощи с небес, а попробует затеряться среди других выживших. Позволю себе напом-

нить, что я предлагал быстрое восстановление стационарного тоннеля, но Советник Карвалио считал, что это преждевременно. Без тоннеля у нас не было возможности быстрой переброски подкрепления.

Старого Советника не устроили эти объяснения:

- Почему мы до сих пор не разобрали Грэга Штокберга на кварки?
- Потому что нам не нужен конфликт с его соплеменниками.

Вышева яловито выпалил:

— Эта скотина отлично знает, что если у тебя прихватит сердце, ты предпочтёшь полететь к нему, чем довериться криворуким людишкам с жирными пальцами. Поэтому это животное и выделывается, как хочет. Ты всегда его прикрываешь.

Некорректное употребление Советником слов «животное» и «скотина» по отношению к представителю разумной расы заметно шокировало младших экспертов и референтов, из мозгов которых такие оговорки выпаривали ещё в начальной школе. Паскаль, выросший в те времена, когда к словам относились проще, лишь пожал плечами и поспешил увести дебаты в другую сторону:

— Давайте не тратить время, по третьему разу задавая вопросы «почему» и «как», ответы на которые нам не помогут. Вернёмся к обсуждению вопроса о Гранатовой. Нет никакого разумного объяснения тому, что Тейлор подкинул нам эту дамочку. Грэг мог долечить её на тарелке. Но он притащил якобы единственную спасённую им женщину в наш реабилитационный центр.

Вышеву тянуло на грубость и хамство:

— Дурак ты, Паскаль. Она — Гранатова, и не нужны никакие другие объяснения. Сохранить в тайне её возвращение всё равно не удалось бы, так что нам её подкинули, во-первых, чтобы посмеяться над тем, как ты будешь напрягать из-за этого мозги, а во-вторых, чтобы изба-

виться от неё быстро и просто.

Советник Корвалио эмоциональнее, чем можно было ожидать, добавил:

— Истерия вокруг того, как несчастная богатейка сажает в первый попавшийся корабль ребёнка, а сама остаётся на горящей планете, только-только сошла на нет. И тут нате вам, счастливое возвращение самоотверженной матери к наследнику горной империи. Мы уже двойной кордон спецназа вокруг центра держим. Не можем справиться с напором журналистов.

Подполковник Эйнджел Уайт, один из тех, кому прочили со временем кресло Советника, скромно заметил, воспользовавшись короткой паузой:

— И всё же у нас есть свидетель, который непосредственно общался с Тейлором. Если повезёт, мы узнаем новые данные.

Советник Тунецки скептически возразил:

- Если Тейлор отдал её нам, значит, был абсолютно уверен, что это для него безопасно. Поиздевался над нами, и только. Не вспомнит богатейка ничегошеньки. Или будет нести чушь.
- Тейлор просчитал, что мы именно так и подумаем. Поэтому демонстративно и вернул её.

Полемика вспыхнула с прежним уровнем плохо сдерживаемой агрессии.

Улучив момент, Паскаль тихо заметил Эйнджелу:

— Грустно сознавать, что Совет перестал быть разумной силой. Займись Гранатовой сам. Слетай и выясни, сможет ли она хотя бы родной язык вспомнить. Тейлор стёр ей память, это понятно. Вопрос, как глубоко. С расспросами не усердствуй, присмотрись к самой дамочке, к её семейству. Подружись с магнатами, войди в доверие к старому дядюшке. И обращай внимание на все необычные детали.

Эйнджел Уайт вышел из зала с вежливым спокойным лицом профессионала, получившего не очень приятный приказ. Но когда он оказался в просторном холле, его губы тронула тонкая ехидная улыбка. Доверие дядюшки... Ещё чего. Незачем тратить время на развалюху в инвалидном кресле. Эйнджел выследит и убьёт Тейлора. И заберёт межгалактическую тарелку. Себе.

Советник Вышева, не обращая внимания на продолжающуюся говорильню, вполголоса обратился к одному из сопровождавших его офицеров:

 Всем этим молокососам далеко до нашего старого Совета.

Вежливый кивок Дшалкира Ширибунати выразил согласие со сказанным, и Вышева спокойнее продолжил:

— Тебе выпал отличный шанс проявить себя. Отправляйся и вытряси из Гранатовой всё, что сможешь. Если существует вероятность контактов между ней и Тейлором, то надо разработать возможные сценарии этих контактов и приготовить ему радостную встречу. Смотри в оба и докладывай обо всём, что покажется стоящим того.

Дшалкир покинул заседание Совета с внезапно разросшимся сознанием собственной значимости и чувством превосходства над старым трясущимся скандалистом. Сценарии какие-то... Маразм, да и только. Дшалкир тихо покончит с Тейлором. И получит лучший корабль галактики. В своё распоряжение.

39. Карантин

Лиза очнулась в полной темноте и не сразу смогла вспомнить, что же произошло. Потом она вдруг подумала, что умерла, и теперь узнает, что там, после смерти. Осторожно прислушавшись к самой себе, она поняла, что темнота загробного мира, видимо, достигается нехитрым приёмом одевания на глаза плотных повязок. Во всяком случае, она ничего не видела из-за того, что нечто закрывало половину её лица.

Осторожно пошевелив руками и ногами, она поняла, что всё на месте, вот только левая рука к чему-то привязана. Наверное, поначалу души умерших привязывают, чтобы не заблудились. Лиза подняла правую руку и тихонько потрогала себя. Тельце на месте. А говорят, души бесплотны. Тихая ноющая боль в левой половине тела расставила всё по своим местам. Она пока ещё не умерла. Только загадочным образом переместилась из одной точки пространственно-временного континуума в другую и очень непонятную.

Лиза попыталась заговорить сама с собой. Губы почти не слушались, но она внятно произнесла сначала «Ay!», потом «Ky-кy!». Где-то заиграла веселая музыка, и приятный женский голос мягко сказал: «Добрый день, Луизина. Вы спасены. Вы в реабилитационном центре. Мы о вас заботимся. Вы были ранены, но всё плохое уже позади».

Спасена? Правда? Всё плохое позади?

Как хорошо. А что было?

Музыка мешала и отвлекала заунывным повторением раздражающих звуков, но Лиза продралась сквозь нагромождение аккордов и заставила себя сосредоточиться на воспоминаниях.

Чёткие картинки Аллоя и пылевых бурь, бункера

и вспышек бластера возникли как кадры на внутреннем киноэкране. Значит, Тей не ошибся. Та гигантская тень действительно была кораблем. Они спаслись. Всё кончилось. Да здравствует хэппи-энд!

В радостном отупении Лизы мелькнула острая как бритва мысль. Она должна была всё забыть. Тей сказал, что она забудет. Но она не забыла. Волшебство чёрных глаз не сработало. Может, не было необходимости? Может, сейчас Тей подойдёт к ней и всё объяснит?

В неопределённом времени, где не было ориентиров для вычисления хотя бы дня и ночи, к Лизе подходили неизменно вежливые и приторно-ласковые медсёстры. Повязку с головы и глаз сняли, и Лиза смогла разглядеть место, куда попала. В светлой высокой комнате не было окон, она освещалась мягким, почти дневным светом скрытых источников. Воздух казался прохладным и очень свежим. Тёплая и мягкая постель рождала удивительную негу: хотелось лежать целый день, лишь изредка поворачиваясь с боку на бок.

Одна из девушек-сиделок сообщила Лизе, что она находится на Кодамс-Ленде, планете, находящейся под юрисдикцией Галактической Федерации, но этим то, что полагалось знать Лизе, исчерпывалось. После тревожных сомнений она решилась спросить о Серже, и ей тут же сообщили, что с её сыном всё в порядке. Он жив, здоров и находится дома. Но пока Лиза находится в карантине, увидеться с ним невозможно. Успокоившись хотя бы этим, Лиза не стала докучать сиделкам вопросами.

Отражение в зеркале Лизу шокировало: оказалось, что ей обрили голову. Но попривыкнув к ёршику шевелюры, она поняла, что чудесным образом превратилась в симпатичную молодую женщину, здоровую и бодрую с виду. Синяки и ссадины исчезли, исцарапанные ноги и руки покрылись новой гладкой и красивой кожей. Исключе-

ние составлял лишь шрам от ранения на плече, но он совсем не болел, и Лиза сочла, что не так уж он и безобразен. Главное, что она сама жива.

Вскоре Лизе разрешили встать, но ходить ей было негде. В коридор её не выпускали, отговариваясь её же безопасностью. Реабилитационный центр штурмовали настырные журналисты. И необыкновенное возвращение Лизы с того света вызвало толки самого невероятного рода, некоторые фанатики рвались проверить, не скрывается ли в теле женщины инопланетный монстр.

Несколько безликих врачей провели обследование Лизы, но она чувствовала, что это делается лишь для «галочки». Появляющихся и исчезающих специалистов нисколько не интересовало её состояние, они спешили согласиться с кем-то уже определенными диагнозами.

О Лизе заботились. Но она не могла избавиться от смутного ощущения подкрадывающейся опасности. Плохое осталось в прошлом. Но неопределённое настоящее не обещало безмятежного будущего. Пленнице больничной палаты оставалось только ждать, когда какие-то неведомые силы изменят её положение.

40. Шла-шла-упала

Эйнджел Уайт произвёл на Лизу впечатление. Полковник оказался ошеломляюще красив. Статный мужчина с правильными чертами лица и гармоничными пропорциями фигуры некоторое время даже воспринимался Лизой как отголосок клементиновых перезагрузок реальности. Но фальшивые улыбки быстро убедили Лизу, что за внешней красотой кроется неприятная личность. За глаза персонал центра называл полковника Эльфом, но в прозвище не было уважения, лишь констатация его

идеальных черт и холодности.

На фоне красавца Эйнджела майор Дшалкир Ширибунати казался уродцем. Длиннорукий и нескладный лысый мужчина со склонностью к полноте автоматически воспринимался как приматоподобное и малоразумное существо. Увы, предположение Лизы, что по принципу сочетания противоположностей в этом существе должны обнаружиться хорошие черты натуры, нисколько не оправдалось. Дшалкир даже не пытался скрыть своего высокомерно-злобного отношения к спасшейся женшине.

Лиза быстро поняла, что федералы не выносят и друг друга, постоянно обмениваясь колкими придирками и замечаниями. Но расклад всё равно был не в её пользу, потому что федералы вовсе не были случайными гостями её палаты. Федералы прибыли, чтобы допросить самую известную жертву катастрофы. А жертва, несмотря на все предчувствия, не успела подготовиться к жёсткому напору со стороны представителей силовых структур Галактической Федерации.

- Вы помните свое имя?
- Луизина Гранатова.
- Опишите, что с вами случилось.
- Я шла, шла, а потом упала.
- Гле именно шли?
- Я была на отдыхе. На курорте. Собиралась уже улетать, а потом вдруг упала.
 - Почему собирались улетать?
- Не знаю. Кажется, путёвка закончилась. Или просто надоело.
 - Вы помните, с кем были на отдыхе?
- С сыном. Но он улетел раньше. Я отправила его раньше. Было свободное место, и я его посадила на корабль. А для меня не было места, и я упала. Скажите,

а когда я смогу увидеть сына?

- Что происходило после того, как вы посадили сына в корабль?
 - Корабль стартовал.
 - A потом?
 - Ещё другие корабли взлетели. А я упала.
 - Вы помните, как отдыхали? Где жили?
- Разумеется, я всё помню. Мы жили в отеле «Алмазные небеса». Я выбрала самый лучший отель. Я, знаете ли, не какая-нибудь там офисная крыса, я всё же мать наследника Гранатовых гор. У нас был самый дорогой номер. С бассейнами и всяким таким прочим. Вид красивый.
 - Вы помните, как покидали отель?
- Со скандалом. Нас не обслужили, как должны были. У них какое-то там происшествие случилось. Вроде бы с лифтом. Персонал весь разбежался, ужас, что творилось. Хоть и десять звёзд, а пока не наорешь, толком никто работать не хочет.
 - Как вы добрались до космопорта?
 - Как обычно. Доехали на машине.
 - Вы помните, почему сын улетел отдельно от вас?
- Потому что для меня на том корабле не было защитной капсулы.
 - Но почему вы не сели вместе в другой корабль?
 - Так его же ещё искать бы пришлось.
 - А когда вы попали в бункер?
 - В какой бункер?

Беседа продолжалась и продолжалась. Лиза высокомерничала, отпускала злобные замечания в адрес разных бедных людишек, всячески подчеркивала свое особое положение. И все вопросы сводила к тому, что «она упала». Постепенно в голосах мужчин стали проскакивать откровенно раздражённые нотки, и Лиза в ответ удвоила поток томных и неприятных сентенций.

Почти сразу стало понятно, что Эльф относит себя к привилегированному слою общества, разделяя нарочитое пренебрежение Лизы к прислуге и мелким людишкам. Дшалкира показная спесь выводила из себя, хотя он и пытался это скрыть.

Первая беседа Лизы с федералами не ушла дальше её пути в космопорт. Но с каждым следующим допросом количество вопросов возрастало, хотя Лиза твёрдо держалась версии «шла-шла-упала». Постепенно ей стало очевидно, что, а точнее кто интересует федералов. Ни Дшалкир, ни Эйнджел не называли его по имени, но повторяли определения «сильная личность», «обычно верховодит», «обаятельный мужчина», «умеет находить выход из любых обстоятельств». Лиза соглашалась, что такого человека было бы сложно не запомнить, но вот только ей про него ничего не известно, она же просто шла, потом упала, а очнулась уже здесь, в реабилитационном центре.

Федералы не проявляли нетерпения, но очередной допрос Эйнджел закончил рассказом о хитроумных медикаментах, которые помогают строптивым больным вспомнить то, что напрочь забыто. Мудрёные названия сывороток правды повергли Лизу в ужас. А Дшалкир спокойно добавил, что только от её усилий по преодолению блокировок памяти зависит, как быстро она сможет увидеть сына.

Каким-то чудом Лизе удалось уверенно пообещать, что она приложит все силы к тому, чтобы избавится от блокировок. Но она понимала, что её лепет никого не обманывает.

Кто ты, Тей? Где ты? Почему ты так интересуешь федералов? Почему я оказалась здесь совсем одна? Где все остальные люди из бункера?

Что мне делать? Я не смогу противостоять химии. Я всё расскажу. Когда ты говорил, что я всё забуду, что конкретно ты имел в виду? Ты упомянул нечто важное

в своих сказках? Или это были не совсем сказки? Нет ответов. Придётся выпутываться самой.

41. Причуды врача

Уже привыкнув воспринимать открывающуюся дверь как своеобразный сигнал бедствия, Лиза буквально потеряла дар речи, когда вместо федералов к ней втиснулось чешуйчатое существо в идеально сидящем костюме врача. Маленькие цепкие руки с многофаланговыми пальцами невольно пугали непривычными изгибами, а массивный хвост чужого казался отдельно живущим зверьком, вроде следующей за хозяином чудной собаки.

Нисколько не обращая внимания на замешательство пациентки, ящер покрутил так-сяк её руку, заставил её лечь, встать, зачем-то заглянул в ухо, полюбовался её ступнёй, а затем решительно заявил:

— Здорова. Койку зря занимаешь.

Прежде, чем Лиза опомнилась, ящер перешёл к объяснениям:

— Я — Грэг Штокберг. И я за честность с пациентами. Ты провела много времени в реанимационной капсуле. Уверен, тебе нравится твой внешний вид, но долгое пребывание в капсуле чревато повышением активности различных защитных систем организма, что не так уж редко приводит к неприятным последствиям. Регенерации там разные ненужные, аутоиммунные проблемки, шалости гормонов. Ты должна будешь регулярно проходить обследование.

Лиза кивнула, но врача её реакция не интересовала. Он просто сообщал то, что нужно было сообщить:

- Я сделал тебе операцию. Всё прошло успешно, но если ты хочешь полноценной жизни, рукой и плечом

надо будет заниматься. И я настоятельно рекомендую тебе в ближайшие время не делать пластику шрама. Не так уж страшно он выглядит, а вот если начнёшь расковыривать, я ни за что не поручусь.

Машинально погладив шрам, Лиза едва не прослушала нечто важное.

— У тебя амнезия. На планете, где вы с сыном отдыхали, произошла катастрофа. Ты помнишь, как упала. На самом деле это происходило дважды. Ты упала в космопорте, во время одновременного старта нескольких кораблей. И ты упала после того, как в тебя выстрелили из бластера. То, что происходило между этими двумя падениями, стёрлось из твоей памяти.

Уверенный повелительный тон ящера и успокаивал, и в то же время диктовал ту версию, которой Лизе надо будет придерживаться. В глазах ящера она не могла прочитать никаких подсказок, но она приободрилась.

— Тебе повезло выжить. Но ты была свидетельницей столь страшных событий, что твой мозг предпочёл избавиться от этой мучительной информации. Возможно, это обратимо, возможно, нет. Самое главное, что тебе необходимо сейчас — набираться сил, не обращая внимания на то, что память ещё некоторое время может выделывать разные фокусы.

Множество вопросов в голове Лизы создали мыслительную «пробку», и она никак не могла решить, о чём спросить в первую очередь.

Но тут дверь снова открылась, и в палату влетел Эйнджел с перекошенным красным лицом:

— Ты арестован! Ты не можешь говорить с ней!

Ящер продемонстрировал сложное устройство своей пасти с рядом острых клыков, что выглядело весьма угрожающе. Затем, щёлкнув зубами, Грэг неторопливо потянулся и ответил:

— Во-первых, повежливее, пожалуйста. Во-вторых, я

не арестован. Мой статус эксперта рассматривается в особом порядке, но это не означает кандалы и небо в клеточку. Мой статус неприкосновенного посла репоморфов не может быть оспорен ни на каких основаниях. И я могу говорить с пациенткой столько, сколько мне вздумается согласно биллю о правах врача, одобренному Советом Галактической Федерации, глава четвёртая, пункт 23, параграф восемь.

Бордовый румянец на щеках Эльфа сменился бледностью запредельной ярости. Но федералу удалось чётко выговорить:

 — А то ты не знаешь, что с ней бесполезно разговаривать.

Энергичный хлопок хвоста ящера по полу заставил Эльфа чуть подпрыгнуть. Ещё раз оскалившись, Грэг спокойно заявил:

- Ну почему же. Она приятная молодая леди, причём без проявлений ксенофобии, что само по себе не может не радовать, когда речь идёт о вашей обезьяньей расе.
- Я посмотрю, как ты запоёшь, когда она выложит мне все секреты теарской полукровки.

Тихое фыркание ящера, видимо, означало насмешку:

- Сомневаюсь, что она знает хотя бы один самый завалящий.
 - Зен-про-овид развяжет ей память и язык.

Грэг покивал головой, а потом с откровенной издёвкой объяснил:

- Тебе следовало почитать, что написано в её истории болезни. Она спаслась, потому что подсела на клементин. И я вкатил ей трион, иначе она бы извела тут всех своими весёлыми ломками. А клементин плюс трион это устойчивость к овиду балла на четыре. И пары доз ей хватит, чтобы вообще избавиться от восприимчивости ко всей овидовой группе.
 - Есть ещё и ксихиниты.

— О! Это да. Убьёшь чудо, которое уже расхваливают во всех обитаемых мирах, будешь следующей сенсацией века, только со знаком минус. Тот телеидол, агентов которого вчера сняли со стены здания, последнего антигероя прямо в студии полил помоями. А потом разрешил зрителям в студии провести показательное линчевание. В прямом эфире и перед камерами. Вся наша ойкумена зашлись в бурных аплодисментах. Хочешь такой славы?

Эйнджел явно заколебался, но разумного ответа не нашёл, и с презрительной гримаской выдал:

— Монстр взорвал твою родную планету. А ты помогаешь ему.

Жёлтые глаза ящера остались бесстрастными:

— У гениального врача могут быть свои причуды.

Федералу изменила выдержка, и он, не скрывая злобы, огрызнулся:

— Поджарить бы тебя. И съесть.

Очередной оскал Грэга соответствовал улыбке:

— Твоим симбионтам не расщепить мои ткани. А вот если я тебя укушу, три нейротоксина из моих ядовитых желез парализуют тебя за доли секунды. И в моей слюне обитает сто четыре вида бактерий, которые при попадании в твоё тельце решат, что настал рай. Я, видишь ли, люблю вкус уже переработанного мясца.

Чувство превосходство Эльфа выразилось в гордом развороте плеч и жёсткой линии рта. Понаслаждавшись моментом, он процедил:

— Александер вырвал тебе ядовитые зубы.

Гениальный врач снова фыркнул:

— Пытался. Шесть сотрудников своей лаборатории на этом угробил. Я, правда, не сразу понял, с чего меня так откармливают. Маленький совсем был, не врубился. Нажрался так, что на пару хроносов вперёд хватило. Жирный хвост едва мог с места сдвинуть.

Эльф замер, решая, было ли это признание чёрной

шуткой. Грэг легко коснулся руки Лизы и быстро вышел. Через пару минут размышлений удалился и федерал.

42. Возвращение

Лизе приснился прекрасный сон. Будто проснулась она вся такая счастливая. И будто где-то за стенами палаты расцвели красивые и яркие весенние цветы. Будто взошло два фиолетовых солнца, и их ласковый свет проник во все тёмные уголки мира, изгоняя из них страхи и сомнения.

Потребовалось не меньше минуты для осознания того, что это совсем не сон.

Улыбающийся Гор уверенно обнял хрупкую пациентку и, легко приподняв, покружил, вновь подвергая испытанию её шаткое восприятие реальности.

- Лу, милая, как же я рад. Чудо ты моё, моя инопланетянка, моя хозяюшка. Я потерял всякую надежду. Но ты вернулась.

Едва дождавшись, пока Гранатов натискается и поставит её обратно на пол, Лиза забросала Гора вопросами:

— Как Серж? Он не слишком испугался? Ты быстро его нашёл? Он здоров? Клаша с ним? У него не было паники? Как он ест?

Ласковая улыбка Гора убеждала в том, что всё плохое действительно позади:

- Всё хорошо. Скоро ты в этом убедишься.
- Ты заберёшь меня отсюда?
- Разумеется.
- Но эти люди... С вопросами...
- Класс моральных уродов, семейство сволочей обыкновенных, род федеральных агентов. Не бойся, больше они к тебе приставать не будут.

- Гор, я... это всё очень странно... но я... я не знаю... Я не помню...
- Ты помнишь меня? Помнишь, как мы купались в фонтане? Как ловили рыбу в Убегающей реке? Как целовались в пещере Призраков? Как ты призналась, что любишь меня? Как изображала Гордую Прелестницу из старой сказки?

Образы прошлого промелькнули и пропали галереей стоп-кадров. Неужели всё это действительно было?

- Да, помню. Разве это можно забыть?
- Вот и отлично. Всё остальное неважно. Я даже думаю, что оно и к лучшему. Ты из-за шока потеряла память. Ничего не знаешь. Ничего не помнишь. Это не так плохо, как может показаться. И пусть тебя это не пугает. Мы заслоним те пробелы новыми прекрасными впечатлениями. Ты заснула, тебе приснился кошмар, но теперь ты проснулась, и жизнь продолжается.

Невероятная радость захватила всё существо Лизы, и она, задыхаясь от восторга и ощущения счастливого избавления, обняла смеющегося мужа. Гор приник к её губам с долгим поцелуем, а потом добавил:

- Я скучал по тебе. По твоим объятьям, по твоим ласкам. Так здорово, что ты вернулась. И совсем не пострадала. Ходит так много разных гадких слухов про несчастных женщин, которых нашли на Аллое. Когда мне сообщили, что тебя нашли, я немного испугался вдруг ты покалечена или ещё что похуже...
 - Я здорова.
- Отлично. Мы используем твою историю для невероятного взлёта. Ты героиня погибшего Аллоя, я преданный мужчуна, чудом спасший своего дорогого малыша и ненаглядную любимую из адской катастрофы. Над нашей историей рыдают все домохозяйки ойкумены. И это будет отличным трамплином для моей политической карьеры. Я хочу стать президентом Альянса Шести

Звёзд. Ты мне поможешь?

Тысяча сомнений вспыхнула в сознании Лизы ярко сияющими кометами, но она лишь коротко согласилась:

- Конечно.
- Тогда поехали домой.

Долгожданное возвращение в Гранатовый замок не принесло Лизе мгновенного спокойствия. Она медленно и с трудом возвращалась в некогда привычный ритм жизни. Аллой поселил в ней дух противоречия. Хотелось поспорить с заведёнными порядками парадных трапез, одёрнуть капризные жалобы дядюшки, оборвать пространные размышления Эли. Но понимание, что её бунтарство будет воспринято лишь как её посттравматическая депрессия, останавливало Лизу от проявления своеволия.

Серж требовал её забот, и она погрузилась в них. В мальчике развилась чёрствость, что вкупе с замкнутостью и склонностью к капризным истерикам превратило его в тот тип неприятного ребёнка, которого часто не принимают ни взрослые, ни другие дети. После пары недель ожидания мгновенного оттаивания Лиза поняла, что так просто эти проблемы не исчезнут. И принялась терпеливо возвращать сына в мир материнской любви и беззаботных детских игр.

Практически сразу Лиза затеяла переделку своей спальни, детской и еще десятка разных помещений. Древние стены ожили и повеселели, но перекраски, переклейки и перестановки не изменили конфликта внутри Лизы, её постоянного ощущения, что всё это не так, как должно быть.

Сумбурные ночи, во время которых Гор заставлял её забываться в исступлённой страсти, нисколько не помогали обретению равновесия. Лиза и радовалась нетерпению мужа, и прятала желание послать его к чёрту. Ей тре-

бовалось время для осмысления, понимания, привыкания к старой жизни, но времени у неё не было. Гор устроил ей сумасшедший медовый месяц, и ничего не оставалось, как пытаться сохранить иллюзию счастья, хотя изнутри и грызло понимание, что это лишь иллюзия. Чего она в действительности ждала, Лиза и сама себе не могла объяснить, но это неведомое и неслучившееся почему-то было жаль.

У Фелиции возвращение подружки вызвало нервный срыв. Вечерами Фелиция бродила по коридорам замка и перемежала громкие рыдания заунывным воем. Всем, и Лизе первой, было наплевать на выходки истерички, но звуки стенаний Фелиции отзывались внутри Лизы затаённым желанием подвыть.

Единственным по-настоящему безоглядным удовольствием для Лизы стала еда. Было так приятно сознавать, что запасы холодильников Гранатового замка бесконечны, и можно есть любые лакомства в любое время суток и в любом количестве. И Лиза ела: после неистовых объятий с Гором; после истерик Сержа; утром, вечером, да и вообще по любому поводу. Еда успокаивала, еда отвлекала, после еды тянуло в приятную дрёму, не отягощённую самокопаниями и сомнениями. Лиза ела, не замечая ухмылок кухарок, и пропуская мимо ушей замечания Клаши. В конце концов, ей пришлось так долго ограничивать себя, и теперь она может хоть немного компенсировать себе ужасное время лишений и бед.

Шоколадные пирожные — лучшее средство от грустных мыслей.

43. Герой-одиночка

Привыкнуть к сытой и спокойной жизни в Гранатовом замке Лиза не успела. Вот только-только она перестала ощущать себя непонятливой гостьей в запутанной чужой мелодраме, как мир внезапно рухнул. Хотя на этот раз обошлось без землетрясений и падений зданий.

Однажды утром в замок прибыла делегация гостей из десятка мужчин во главе с Эйнджелом Уайтом. И когда Клаша сообщила Лизе, что её ждут в большом зале, потому что Эльф привёз к ней ещё одного спасённого с Аллоя, какого-то героя, в одиночку сражавшегося со стихией и чудом выжившего, Лиза искренне обрадовалась. Но когда она вошла в зал, и ей навстречу шагнул этот спасённый, она предпочла присесть в ближайшее креслице.

Лиза, ты не узнаёшь? Это Степан Акулин, вы познакомились на Аллое.

Степ радостно осклабился и выдал:

— Да. Это она. Любовница Тейлора Аквинорского.

Надеясь, что идиотская гримаса на её лице обманет хоть кого-нибудь, Лиза несколько раз повторила про себя названное Степаном имя, разумеется, тут же начав сомневаться, что она правильно его расслышала.

Федералы суетились, гомонили, спорили. Гор, скрестив руки на груди, молча подпирал настенный пилон. Вовик грязно ругался, пытаясь опровергнуть слова Степана. А сам Акулин даже не пытался скрыть своего злобного торжества.

Холодный голос Эльфа выяснял подробности:

- Тейлор Аквинорский и Луизина Гранатова состояли в сексуальных отношениях?
- Верняк. Она ему послушная была. Как овечка следом ходила. Покорная, смирная. Глазками не сверкала. По одному его слову ковриком в ноги стелилась. Своими

глазами видел.

Лиза не столько злилась на Степана, сколько досадовала на саму себя. Нельзя было бездумно и беспечно проводить время, отложив свои планы, мечты, надежды на неопределённое будущее. Да, хотелось спокойствия и ничегонеделания. Но если бы она занялась делами чуточку раньше...

Герой-одиночка сыпал подробностями, большинство из которых были лишь его грязными фантазиями, но Лиза не могла уличить его во лжи, равно как не могла и оправдываться. Признание в симуляции амнезии нарисовало бы на ней знак виновности в самой катастрофе на Аллое.

Наконец, Гору надоело выслушивать непристойности Акулина, он заставил Лизу подняться и увёл её в её спальню. Помедлив несколько минут, он неторопливо заговорил:

- Ты поймала меня в ловушку. Я не могу просто выкинуть тебя из замка и из своей жизни. Теперь я вынужден разыгрывать роль семьянина и отца, и я обязан делать это безупречно.
 - Гор, этот человек меня оговаривает.
- Ты не можешь знать. Я не хочу ссориться, не хочу каких-нибудь безумных сцен. Давай договоримся, как два разумных человека. Ты получишь достаточно платьев и драгоценностей. Но ты ни на шаг не отойдёшь от тех правил, что я установлю для тебя. Ты будешь не просто образцовой матерью Сержа, ты будешь моей послушношёлковой рабыней. Ты будешь молча и точно исполнять все мои желания.

В холодном заявлении Гора не чувствовалось ни ярости, ни злости, но Лиза вдруг испугалась, почувствовав себя хрупкой и уязвимой рядом с широкоплечим мужчиной, сжавшим в кулак пальцы левой руки. Правой Гор сделал отстраняющий женщину жест:

- Я не буду больше спать с тобой. Противно касаться чужой подстилки. Но и ты не будешь ни с кем спать. Просто ради моей безопасности. Скандалы с адюльтерами мне не нужны.
 - Гор, не было никаких адюльтеров.
- И запомни, я буду контролировать воспитание Сержа, и если я скажу «нет», ты беспрекословно подчинишься, а если я скажу «да», ты с радостью согласишься с моим решением.
- Ты растерян и расстроен сейчас. Давай поговорим позже.
- Не будет никаких позже. Года через два-три мы развяжем этот узел, но пока я надеюсь на твоё благоразумие. Последствия какой-нибудь твоей глупости могут быть... сложными.

Лиза кивнула головой. Она всё-всё понимает. Она на всё согласна. И она будет очень благоразумна. Потому что ничего другого ей не остаётся.

Гор презрительно улыбнулся:

— Я думал, что люблю тебя. Что моя любовь, моя тоска, моя жажда вновь обрести твою улыбку спасли тебя. Что ты вернулась ко мне, потому что твоя любовь также сильна и чиста, также красива и благородна. Ты преподала мне горький урок. Но я даже рад, что всё раскрылось.

Короткая болезненная оплеуха уронила Лизу на кровать. Пока она соображала, что именно произошло, Гор хлопнул дверью и ушёл.

Рвущуюся из груди истерику Лиза быстро подавила. Ей нельзя раскисать. Нельзя поддаваться плохому настроению. У неё нет права на сопли и сомнения.

Увы, уверенность в собственных силах растаяла, когда Лиза узнала, что Гор пригласил пожить в замке и Эльфа с парой дружков-федералов, и Степана в качестве почётного гостя. А вот жене он нанял персональную охранницу, которую почти сразу прозвали Квагги — из-за поло-

сатого окраса шевелюры. Основной задачей охранницы являлось повсеместное сопровождение Лизы, что делалось, разумеется, исключительно ради безопасности и спокойствия хозяйки Гранатовых гор.

Из огня да в полымя. Так, кажется, обрисовывали схожие ситуации мудрые предки.

44. Документы для бродяги

Смугловский прииск плавился под жаркими лучами весеннего солнца. Весна пришла раньше времени, обитатели Смугловска надеялись, что убивающий летний сезон чуть припозднится в этом году, но он нагрянул с опережением обычного графика.

В конторе администрации прииска было душно и влажно. Тучная пожилая женщина лениво перебирала папки, время от времени прикладываясь к высокому стакану с быстро теплеющим напитком. Работать не хотелось, но мысль о том, что отложенные дела придётся доделывать в совсем невыносимых условиях, заставляла женщину совершать хоть какие-то движения.

Прочитав очередной официальный бланк, администраторша тяжело вздохнула.

Федеральное паспортное агентство запрашивало у прииска данные об Алексе Майнце. Алексу этому очень повезло — в катастрофе на Аллое выжил, вот только все документики в той катастрофе неудачно погорели. А без документа ты... никто. Известное дело.

Прежде, чем выдать необходимые документы Алексу по второму разу, агентство желало удостовериться, тот ли это Алекс, который был Алексом до катастрофы. Таков уж порядок. Чтобы получить один документ с печатью, надо предъявить другой документ с печатью, а лучше,

если таких документов будет целая папка. Тогда чиновники будут уверены, что не зря свой хлеб едят.

В присланном досье было множество разных сведений о неведомом Алексе. Отпечатки пальцев, снимки зубов и сетчатки глаза, школьный аттестат из дыры у края ойкумены и мутная фотография насупленного мужчины. Предполагалось, что всё это надо сверить с информацией из личного дела Майнца, который работал на прииске несколько хроносов назад.

Администраторша от грусти перешла к возмущению. Совсем эти безобразники с ума посходили. Через прииск проходят сотни тысяч людишек в год. Одни приезжают, другие уезжают, и документов у них никто не спрашивает. Какие личные дела? Какие зубы?

Через минуту в паспортное агентство ушло стандартное подтверждение личности Алекса, а администраторша достала себе из холодильника мороженое. После столь тяжёлой работы надо было немного передохнуть.

Мороженое, пирожные, а также конфеты и тортики любят чиновницы в разных уголках этой вселенной, так что паспортное агентство получило четыре подтверждения предоставленных сведений об Алексе. Для положительного решения было достаточно и двух. Бродяга Алекс, конечно, оказался тем ещё искателем приключений, успев кроме Смугловского прииска засветиться на Копачаловских копях, в Медноозёрских рудниках и в Крупнозолотниковой пади, но какая чиновникам разница, чем человек на жизнь зарабатывает? Документики есть? Значит, есть пища для вращения колёсиков государственной машины. Поскрипев колёсиками и потянув время, машина выдала комплект новых документов для гражданина Галактической Федерации Алекса Майнца.

Та же машина, но в другом месте и с другими исходными данными выдала похожий набор документов и жене

Алекса — Алисе Майнц, тоже изрядной путешественнице по разным далёким мирам.

Сложнее всего супругам оказалось восстановить документы о браке. Они когда-то давно наскоро поженились в придорожной церквушке, и теперь не могли вспомнить, где же эта церквушка находится. В итоге Алекс и Алиса решили проблему самым простым образом — поженились ещё раз. То есть оформили свидетельство в одной из брачных контор Клакмы. Парочка переслала документ в соответствующие инстанции и получила его обратно уже с федеральными печатями. После чего, видимо, зажила спокойно и счастливо.

Во всяком случае, не доставляя больше никаких хлопот чиновникам.

45. Азарт и диета

Совещание владельцев и управляющих корпорацией Гранатовых решено было провести в замке. Формальным поводом для совещания было падение цен на акции. Но причиной, побудившей Дымчу организовать сбор владельцев и директоров, стал семейный разлад. Вовик и Гор цапались из-за постоянного присутствия в замке федералов. Сомнительные гости Вовика чувствовали себя в такой компании неуютно, а без развесёлых вечеринок Вовику было некуда выплеснуть кураж и азарт. К тому же Вовик при каждом удобном случае прохаживался на тему того, что Гора облапошивает какой-то пьяница, и это никак не способствовало спокойному диалогу братьев.

Михаил в явлении Степана усмотрел происки финансовых воротил из федерации, задумавших разорить Гранатовых путём шпионажа прямо в замке. Что и с кем делала Лиза на Аллое, представлялось ему абсолютно неважной темой, а вот решение Гора пригласить в дом чужаков изрядно бесило.

Лиза догадывалась обо всех этих течениях со слов Клаши, проводя всё время или в детской, или в своей спальне. Эйнджел почти каждый день мучил её вопросами, Степан не упускал случая прошипеть какую-нибудь гадость, и она предпочитала отсиживаться там, где её не беспокоили.

Поэтому она была изрядна изумлена, когда от чтения сказки Сержу её отвлёк Дымча. Проследовав за управляющим в библиотеку, Лиза удобно устроилась на небольшом диванчике и приготовилась внимать какому-нибудь замечанию. Но управляющий улыбнулся и спросил чтото непонятное:

— Что вы думаете об элеграйне, госпожа Алиса? Или мне следует называть вас мадам Алиса? Мадам Алиса Майни?

Лиза не смогла найти подходящего ответа. Дымча довольно усмехнулся и добавил:

- Мне не хотелось привлекать внимания к факту нашего общения. Но ты вынудила меня лично явиться сюда. И напрячь ради этого тьму людей.
 - Я... эээ... так... вот... ну-у...
- Содержательная речь. Теперь понятно, почему ты произвела столь эксцентричное впечатление на некоторых наших дельцов.
 - Я всё объясню.
- Сделай милость. Зачем ты купила брошенный тоннель?
 - Построить дорогу.
 - Из ухо в ухо через пупок?

Поколебавшись с минуту, Лиза вывела на экран звёздную карту:

— От Тошьи есть полузаброшенный тоннель до Твантры. От Марисбурга есть почти новый, но плохо обустро-

енный тоннель до Ожжишения, а оттуда рукой подать до Скалиста. На полпути к Скалисту в Люстриногорске есть заброшенный терминал, который может стать удобной базой для ремонта и размещения заправочных станций. Если от Скалиста проложить новый тоннель до Авроры, то можно открыть путь на Кетанус и Орхидею. А дальше сделать ветки к Борисовладовску и Верусу.

Дымча иронично покачал головой:

- От Скалиста нет пути к Авроре. Иначе там давно была бы давка.
- Нет пути, потому что уже угроблено три прохода. Их можно расчистить, чтобы построить одни нормальный. Да, это дорого и трудно, и никто этого не делает, потому что федералам выгодно гонять всё через Грандтоннель. Но если будет альтернатива, там действительно будет давка.
 - И кто тебя надоумил...
- Уильям Бессинциолли. Это инженер один, он погиб. Но я запомнила, что он говорил. Вот, смотри. Эта ветка будет лишь первым маленьким пролётом большого моста. Соединив Олимп с Верусом, я получу новый большой мост. Гранд-бридж пересекает федерацию вдоль, а Бизон-бридж будет идти вокруг, там, где много людей и маленьких миров...

Покрутив карту и так, и сяк, Дымча несколько минут присматривался к расположению звёзд, будто пытался представить себе тоннели и станции в виде опоясывающих звёзды и планеты лент.

- Xм... Дерзкий план. И вроде простой... Даже странно, что никто ещё не додумался... Беру свои слова обратно, в этом определённо есть потенциал.
- Ты поможешь мне? Мы могли бы стать партнёрами. Хмыкнув, Дымча не ответил прямо, хотя и не отказался от партнёрства однозначно:
 - Твоя наглость меня смешит, но другие не будут

к тебе столь снисходительны.

Несколько минут старый управляющий словно играл с Лизой в гляделки. Она проигрывать не собиралась, и он медленно добавил:

- Тебе надо бы думать совсем о других проблемах.
- Я думаю, Дымча. Но с учётом известных обстоятельств я могу оказаться на улице уже завтра. Босиком и без гроша в кармане. Благодаря тебе я не умру от голода сразу. Но я та самая Луизина Гранатова, ты ведь понимаешь, сколько проблем это тащит за собой.
 - А ты понимаешь, что сейчас делаешь?
 - Доверяюсь тебе. Целиком и полностью.
- Практически как младенец доверяется кормящей матери.

Лиза вздохнула и потупила взгляд, занявшись изучением узора на паркете. Дымча сделал несколько энергичных шагов вдоль стеллажей, давно заросших мхом и паутиной. В его словах прозвучала и горечь, и надежда на некие лучшие времена, которые он отчасти связывал с Лизой:

— Миша стар, боль вымывает из него здравый смысл, и если бы я не отменял половину его указаний, корпорация давно пошла бы ко дну. Вовика отличает легкомыслие, Гора — склонность к авантюрам. Они оба умны и способны на большее, но для них корпорация — своего рода игрушка, и они не видят за ней людей, денег и всего нашего мира. А ты повзрослела, избавилась от иллюзий и нелепых представлений о жизни. Может, ты и сможешь уравновесить лодку...

В сердце Лизы трепыхнулась радость, а Дымча с улыбкой добавил:

— Я подтвердил личность Алисы Майнц парой своих веских слов. И я внёс в резюме этой дамы пару строчек о работе на концерн Гранатовых. Я не уверен, что Алиса действительно нужна тебе, но я был так изумлён и заин-

тригован, обнаружив твою авантюру, что готов продолжить эту игру в надежде на новые позитивные эмоции.

Лиза обняла управляющего и пылко чмокнула его в щёку. Дымча поморщился, куда более сурово заявив:

- $-\,$ Я хочу получить всю документацию по проекту моста.
 - А нет документации. Откуда мне её взять?
 - Например, написать.

Замешательство Лизы вызвало сдержанный смех управляющего:

— Изложи своими словами всё, до чего додумалась. Я изучу твой план и посоветуюсь с умными людьми. Нам потребуются инвесторы и проектировщики, строители и инженеры, а ты пока не сможешь договариваться без помощи кого-то ещё. Тебя не будут принимать всерьёз.

С последним постулатом Лиза могла бы и поспорить, но Дымча не дал ей себя перебить:

- Мост это мечта. Концерн Гранатовых реальность. Вернись к учёбе и горным делам. Посматривай на данные и документы, что я тебе присылаю. Спрашивай всё, что непонятно. И запомни: мы не будем делить шкуру неубитого дурина сейчас, но со временем я потребую свой кусок пирога.
 - Денег?
- Чтобы стать самым богатым покойником на кладбище Твантры? Нет уж. Мне казалось, я достиг предела власти и желаний. Но ты только что раздвинула мой горизонт в несколько раз. Впервые за долгое время я чувствую азарт большого дела, жажду заставить других следовать по проложенным мною маршрутам. Я хочу встать во главе всей авантюры. У тебя много других забот. А я открою новую страницу своей власти.
 - Здорово. Открывай.
 - Только ты пообещаешь мне одну простую вещь.
 - Я никогда тебя не предам. И не выдам.

— Мне не нужны пафосные клятвы. Я хочу, чтобы ты критически посмотрела на себя в зеркало, увидела там жирную толстуху и перестала жрать шоколадные кексы десять раз в день.

Изумлённая Лиза неуверенно проговорила:

- Но мне надо хорошо питаться.
- Ты плохо питаешься. Ты плохо выглядишь. Ты плохо себя чувствуешь. И я предлагаю тебе спасаться от плохих мыслей не в холодильнике, а в работе. Вытащи свои мозги из болота и заставь их работать на будущее. И подумай о том, что самому ближайшему будущему твоя страсть к шоколаду может повредить.
 - Hо...
- Грэг Штокберг сослан на край ойкумены и не может наблюдать за тобой. Но он позаботился о том, чтобы ты не осталась без помощи. Он рекомендовал мне Дария Арецкого, хорошего врача и специалиста в экстремальной медицине. Дарий прилетит на следующей неделе и останется в замке, пока сам не сочтёт, что его миссия выполнена. Ты будешь беспрекословно выполнять все его рекомендации и я готов прибегнуть к самым некрасивым методам давления, чтобы заставить тебя позаботиться о здоровье.
- Не нужно мне никакого врача. Я сама забочусь о своём здоровье.
 - Ты доверилась мне. Так что не спорь.

Не решившись ещё раз обнять управляющего, Лиза спросила:

- Дымча, а что такое элеграйн?
- Опасная затея наших генетиков. Я тебе как-нибудь покажу.

Ухватив ручку Лизы, Дымча церемонно чмокнул воздух чуть выше и серьёзно попрощался:

— До свидания, госпожа Алиса. Держись.

46. Волшебные слова

Мудрёные сводки, длинные договора, непонятные схемы. Раньше Дымча не нагружал Лизу столь сложными материями. А теперь нагрузил, видимо, чтобы она прониклась комплексом собственной неполноценности.

Менеджеры успешно выводили целый ряд логических заключений из кучки точек на каком-нибудь графике. Бухгалтерши складывали и вычитали цифры с непредсказуемым результатом. Юристы строчили документы, для понимания которых требовалось копание в занудных справочниках. Директора изворачивались и находили простые решения неразрешимых проблем. А Лиза с каждым новым посланием Дымчи всё отчаяннее понимала, что её размышления о строительстве моста были лишь неуклюжими фантазиями. Вопросы, которые она тщательно продумывала, неизменно веселили Дымчу, и, кажется, это было единственной причиной, по которой он не отказывался от всей затеи.

Дымча стал чаще появляться в замке, то занимая Михаила отчётами, то привозя деловых гостей. В замке и без того торчала уйма народа, и на несвойственную управляющему активность никто не обратил внимания. Лиза, правда, не понимала, чего ждёт управляющий, приглашая её на парадные деловые трапезы. Неловкой ситуации, в которую она по незнанию вляпается?

Очередными гостями, которых привёз Дымча, оказались три толстяка в белых одеждах с золотыми поясами и вышивкой меандров по подолу. Услышав их тягучий говор, Лиза вспомнила разговоры с Зеноном. Запаздывающие вторые гласные, смягчённые звонкие согласные, строгий порядок слов в предложении. Скудные предлоги, сложные наречия, но полная свобода в создании прилагательных. Анатолийский...

В конце вечера Дымча, скромно молчавший весь вечер, отправил братцев Гранатовых провожать гостей, а сам втащил Лизу в библиотеку и выплеснул своё возмушение:

- Почему ты мне не сказала?
- Что не сказала?
- Что умеешь говорить!
- Так мы же говорили, я думала, это понятно.
- Только что ты наконец-то убедила Суржика Оланкийского, что мы серьёзные и уважающие его люди. Мы в эту стенку столько времени бились и безрезультатно.
 - Это случайно.
- Случайно или нет, но ты с ним трепалась так, будто близкого родственника встретила. Мои переводчики хватали воздух ртами, как рыбы на песке. Поняли, что ты шутки шутишь, но объяснить ничего не смогли.
- Так это нельзя объяснить. Я ему рассказала бородатый анекдот. Как бы это сказать. В общем, перчёно-солёно-копчёная промокашка всё равно будет промокашкой, но если её ест принцесса Кодирум, вам она тоже понравится.
 - Это тонкий анатолийский юмор?
- Двусмысленность. Смешно, только если рассказывает женщина. И ужасно смешно, когда толстая женщина. Надо только по-особому произносить слово промокашка. Там чуть интонацию меняешь, и очень близко звучит к одному непристойному слову. А принцесса это такой персонаж полуисторический, полумифический. Высокомерная роковая красотка. Твоих переводчиков наверняка этому учили.
 - Но не выучили.
- Ты что, я половину того, что они говорили, даже не поняла.
 - Ага. И Суржик, похоже, тоже не понял.
 - Он и не старался понять. Но я рада, что помогла.

Дымча сцепил пальцы рук перед собой и спросил:

- Сколько языков, не считая родного, ты знаешь?
- Эээ. Два.
- Шесть. Кроме кервини ты свободно читаешь на анатолийском, ставрианском и хурунди. А вот динорийский и каванси ты понимаешь хуже, но тоже на уровне выше среднего. На каких из них ты говоришь, я пока не знаю, но подозреваю, что этими шестью список не ограничивается.

Лиза удивилась и переспросила с растягиванием гласной на конце:

— Да-а?

В тон ей Дымча чуть сердито ответил:

— Да-а! — Вытащив из кармана несколько листов, он протянул их Лизе, ткнув пальцем в обведённые красным абзацы. — Почему ты это отметила?

Лиза внутренне сжалась и тихо попыталась объяснить:

- Тут по-разному можно истолковать ту версию, что на ставрианском. Мне показалось это некорректным. У них нельзя два отрицания во фразе использовать.
- Типовой контракт, который мы используем последние два года, оказывается, составлен так, что разрешает клиенту не оплачивать наши поставки. Ставрианцы были очень недовольны, когда поняли, что мы это обнаружили. На основании этого маленького пунктика уже нагрели нас на ползяма.
 - Мне казалось, это поможет.
- Лиза, это помогло. И ползяма для нас тьфу и растереть. Но дело в принципе.

Дымча положил перед Лизой очередной лист:

- А здесь что не так?
- Я не поняла, что здесь написано. Не была уверена. И не нашла такого оборота в базе по диалектам империи. Поэтому и пометила, что надо посмотреть в их словари.

Или спросить у них самих, что это означает.

- А ничего не означает. Нет такого в их словарях. Это бессмыслица полная.
 - Это плохо?
 - Плохо.
 - Я не хотела проблем.
- Проблем она не хотела... Здесь ты тоже не была уверена? Дымча повернул к Лизе небольшую плотную карточку, и она всмотрелась в стройные вертикальные столбики с маленькими картинками.
- А-а, здесь наверняка был стартовый вариант на кервини. С кервини перевели и туда, и сюда, и в обоих случаях топорно, но по-разному. Напрямую между хурунди и каванси куда проще перевести. Тогда топорность будет одинаковая. Но у меня с иероглифами тяжело.
- Тяжело у неё с иероглифами. Ты это прочитать можещь?
- Ну, прочитать-то любой дурак может. Написать я не смогу.
 - Нда. Видимо, я не любой дурак. Особенный.
 - Прости. Я хотела, как лучше.

Дымча вздохнул:

- Поизвиняйся ещё. Смешно, но ты, кажется, не понимаешь, что у тебя талант.
 - Талант?
 - Да. От космического разума подарок.
 - И что это?
- Ты легко учишь языки. И говоришь на них свободно, непринуждённо.

Лиза поняла, что опасно подошла к запретной теме. Но решила выложить всё, как есть:

— Не хочу тебя разочаровывать, но я полиглоткой с Аллоя приехала. Я не помню, как именно языки эти учила. Ну, потом немного занималась уже здесь, но основное — это из забытого времени. У меня амнезия

на людей, места, события. Но языки я помню.

Управляющего вопрос, где именно Лиза поднабралась языковых знаний, не волновал. Он коротко объяснил:

- К чёрту цифры, математику, графики и деньги. Учи то, что тебе легко даётся. Я хочу, чтобы ты читала, говорила и писала. Доведи до совершенства те языки, что уже знаешь. И обязательно изучи мидранту, велдийский и аксипено. Первые два из той же группы, что и кервини, там много похожих слов и грамматика одинаковая. А вот аксипено языковая ветвь от древнетерранского, своего рода пра-язык. В чистом виде на нём говорит горстка одичавших провинциалов, но если выучишь его, будешь понимать половину терранских языков. И почти всю ойкумену.
 - Спасибо.
 - Федералы всё ещё достают тебя?
- Эйнджел задаёт вопросы, я говорю, что ничего не помню. Это своего рода ритуал вроде пожелания доброго утра или хороших выходных.
- Жаль, что его так и не удалось заинтересовать горным делом. Парадоксально, но я первый раз вижу человека, устойчивого к искушению терраглинием. Как думаешь, может, удастся заманить его в Проклятую шахту?
- Не надо заманивать его в шахты. Он убъётся, нам четверых таких же пришлют. Одного мы как-нибудь прокормим и вытерпим. А представь, что их будет четверо.
- А этот сумасшедший, который якобы тоже с Аллоя? Он же пьёт, не просыхая. Но при этом ухитряется вливать в уши Гора много ненужной чепухи. Не сомневаюсь, что эта чепуха сочиняется федералами, и ситуация мне решительно не нравится.
- Не думай о наших кухонных сварах. Я как-нибудь справлюсь.
- Как-нибудь меня не интересует. Если тебе будет хоть что-то угрожать, сразу дай мне знать. И пожалуйста,

не груби Дарию. Он заботится о тебе.

- Я думаю, он робот. Таких вежливых людей не бывает. И его нотации способны довести до психических припадков даже самого здорового человека.
- Не будь неблагодарной. Его нотации спасают тебе жизнь.

Лиза фыркнула, но кивнула, и Дымча быстро попрошался.

В спальне Лизу ждал Гор. Это и обнадёживало, и пугало, и стирало радость от разговора с Дымчей. Оказалось, что встреча управляющего и Лизы не осталась незамеченной. Квагги донесла на хозяйку, и Гор спешил изложить свой взгляд на интерес управляющего к матери наследника Гранатовых гор:

— Дымча сдрейфил, услышав про независимый аудит, и пытается встроить тебя в дела семьи, рассчитывая давить на тебя с тем, чтобы ты влияла на меня. Можешь передать ему, что из этого ничего не выйдет. Я выведу его тёмные делишки на чистую воду. И надеюсь, у тебя хватит мозгов, чтобы не раскрывать рот, обсуждая дела, которые тебя не касаются.

Вздохнув, Лиза чистосердечно призналась:

- Он спрашивал об Эйнджеле.
- A, может, проявлял любопытство в ином направлении? Предлагал тебе занять коврик в его апартаментах?

Лиза ответила на непристойный выпад Гора равнодушно:

- Нет, этого не было.
- Вот и хорошо. На такую толстуху польстится только извращенец. И радостно слышать, что хотя бы в этом отношении у человека, который распоряжается частью моих дел, всё в порядке с головой.

Мельком бросив взгляд в зеркало, Лиза потянулась и задумчиво заметила:

— Толстухе пора баиньки. Будь лапушкой, прикрой дверь, когда соберёшься уходить.

Успокоиться и уснуть у Лизы всё же не получилось. Промаявшись до полуночи, она тихо выскользнула из комнаты. Спустившись по лестнице в западном крыле замка, она проковыляла через большой холл и вышла на заброшенное парадное крыльцо. Сев на ступеньки, она получше закуталась в плед и разрешила себе расплакаться.

Все надежды Лизы на счастье развеялись как призрачная туманная дымка, поднимающаяся с низин и теряющаяся бесследно в отрогах тянущихся в небо хребтов. Великая любовь оказалась лишь увлекательным притворством. Гор готов поверить любой ерунде, которую наболтает о якобы любимой первый встречный. А она сама не готова смириться с ролью куклы и подушечки для битья, пусть даже это самое битьё и заключалось в одной оплеухе. Конец истории о детской любви наивной инопланетянки к богатею из большой ойкумены.

Может, лучше было сбежать в новую жизнь, как предлагал Тей?..

Теперь бесполезно гадать. А вот что полезно, так это аккуратно вымарать Тея из своей памяти. Пока ещё Эльф не подобрался к ней со своим ядовитым шприцем.

Откуда-то сзади подкралась вежливая забота:

— Уже прохладно. Не сиди на холодных ступеньках, простудишься.

Уткнувшись в плед, Лиза незаметно вытерла слёзы и холодно отбрила:

- Уже встала и бегу в кроватку.
- Ты можешь бегать? Неужели?

Неожиданная подколка Дария застала Лизу врасплох. Она завозилась и кое-как встала, с трудом выпрямив-

шись. Улыбка доктора раздражала, и она угрюмо огрызнулась:

- Держись подальше. Ты человек субтильный, и я бы даже сказала, что хрупкий. А я дама габаритная. Вот представь: побегу я, не удержусь, и занесёт меня. Нелепо будет задохнуться в моих случайных объятиях.
 - Сначала отдышись, потом ехидничай.

Сделав несколько глотков из протянутой Дарием бутылки с водой, Лиза передумала продолжать обмен колкостями. Субтильный человек поднял руку вверх:

Посмотри.

Задрав голову, Лиза утонула в гигантском ночном куполе с мириадами мерцающих точек. Открытые пути. Свободные полёты. Только не для неё.

— Ну и что? Это просто звёзды. Небо в алмазах.

Дарий легко коснулся её плеча:

— Вон там. Третье окно слева. Серж сидит на подоконнике и волнуется за тебя. Он не ляжет, пока ты не вернёшься в свою комнату. Не заставляй его ждать слишком долго.

Во всё понимающем взгляде грустного доктора отразились и звёзды, и уголок старой стены, и измученные серые глаза в тёмной обводке. Лиза молча кивнула и поплелась обратно в замок.

47. Рука судьбы

Через пару дней вселенной было угодно собрать почти всех обитателей Гранатового замка вместе. Вероятно для того, чтобы прибытие Вовика не осталось незамеченным. Ворвавшись в малую столовую, Вовик вместо приветствий брякнул нецензурное ругательство, а затем грозно вопросил:

— Гле эта скотина?!

Эля с Лизой недоумённо переглянулись. Гор иронично поднял брови. Вовик снова заорал:

— Где это дерьмо? Я его убью! Я ему кишки выпущу и на фонтан намотаю! Я его урою!

Упёршись двумя руками в полированную столешницу большого обеденного стола, Вовик медленно, но зло и нервно спросил:

— Я спрашиваю, где эта пьяная падаль?!

Лиза пожала плечами, Эля повторила это движение. Гор примирительно поднял руки и увёл брата.

Вскоре Степан Акулин нашёлся. В подсобке кухни. Мертвецки пьяным. В самом прямом смысле — окоченевшим телом.

Признаков насильственной смерти не было. Впрочем, проверять эти признаки вблизи никто не рвался, и без того было понятно, что алкоголик накачался водкой в дозе, несколько раз несовместимой с жизнью. Может, это стало своего рода милостью судьбы, поскольку не было никаких сомнений, что Вовик организовал бы пьянице уход в мир иной с куда большим количеством неприятных ощущений.

Когда первая суматоха, связанная с обнаружением покойника, чуть схлынула, Вовик объяснил Лизе:

— Тот второй шизанутый на тебе, Дшалкир, так разозлился на Эльфа, что докопался до того, что всем было очевидно и без прямых доказательств.

Выдержав эффектную паузу и добившись внимания со стороны и Гора, и Эли, и части прислуги, Вовик громко продекламировал:

— Нашего героя-одиночку никто из других спасшихся не признал. Шесть человек заявили, что Степан Акулин умер ещё на Аллое, а тип, которого им показали для опознания, не имеет к погибшему никакого отношения. Наш пьянчуга даже внешне на того Степана не похож. Вчера

были получены данные на Степана из досье по одному из его мест работы. И не совпало ничего.

Эля торопливо задала вопрос, одновременно возникший абсолютно у всех присутствующих:

— Но кто же он тогда?

Вовик проткнул воздух указательным пальцем, указывая на брата:

— А Гор его знает!

Сделав паузу, чтобы несколько раз энергично вдохнуть и выдохнуть, Вовик заорал, снова заводясь и обращаясь уже только к Гору:

— Очень мило, что ты притащил в наш дом сумасшедшего! Ты кормил его, поил, одевал, слушал каждое его слово, а он всего лишь жалкий умалишённый пьяница. И Лизка ни в чём не виновата! Это ты со своей политической паранойей втравил нас в грязную историю! И хорошо ещё, что пьяный дебил просто сдох. А не передушил нас ночью по-тихому! И не изнасиловал наших женщин, пока ты разливаешься соловьём перед журналюгами, а я работаю за двоих!

Лиза по выражению лица Гора догадалась, что новость шокировала его настолько, что он не знает, какую реакцию изобразить. Бесстрастность отражала внутренний коллапс мыслей.

Вовика несло в сторону упрёков брату:

— Давай, иди, облобызай этот трупик. Никто даже не знает, кто этот бомж. А ты заставил нас только что не приседать перед ним. Может, мне дать интервью радио «Фридом»? Им понравится эта история. Молодой политик обвиняет жену в связи с грязной свиньёй, случайно подобранной на помойке.

Гор едва разжал губы:

- Только посмей.
- Знаешь, а я теперь что угодно посмею. Ты упрекал меня в том, что мои дружки недостаточно аристократич-

ны и воспитаны. А дохлое приблудное чмо, по-твоему, верх аристократии? Оно было достаточно воспитано, чтобы заблевать три гостиных?

В очередную паузу Лиза решила вставить свой наивный вопрос:

- Степан не тот человек, за которого себя выдавал?
- Нет, Лиза, не тот. И он тебя оклеветал. Увидел моего братца в шоу и подумал, что такой лопух не откажет ему в желании пожить на широкую ногу. Он никогда не был на Аллое, и никогда не видел тебя до того, как пришёл в замок.

Вложив в голос лёгкую дрожь, Лиза снова спросила:

- Ничего не было?
- Нет. конечно.

Вовик подошёл к Лизе, обнял её за плечи и легко подтолкнул к дивану:

— Иди сюда. Сядь поудобнее. Вот, возьми подушку под спину. И всё, успокойся, этот кошмар закончился. Ты спаслась, потому что спаслась.

Одни из высоких двустворчатых дверей распахнулись, и в залу неуверенной походкой вошёл Эльф. Лиза не успела задуматься, почему федерал не принимал участия в суматохе из-за покойника. Вовкиан сделал широкий указующий в сторону противоположной двери жест:

— Піпёл вон!

Эльф кивнул и энергично всей пятернёй почесал себя пол мышкой:

- Да. Мне надо уехать. Случилось нечто чрезвычайное. И ужасное.
 - Не то слово. Вали отсюда, гульфик несчастный!

Слово «гульфик», которое обычно бесило Эльфа донельзя, прошло мимо внимания федерала. Рассеянно переместив руку на шею и начав расчёсывать кожу за ухом, он сообщил:

— Наша база на Зуляине взорвана.

Гор оторвался от невесёлых мыслей и спросил:

— Как это?

Эльф, продолжая чесаться, пожал плечами:

- Не знаю. Уничтожено всё, включая подземное хранилище, машины, сервера, шлюпки. Там всё ещё продолжается пожар. Скорее всего, мы потеряли много данных.
- Какая жалость! Издевательски-радостно провозгласил Вовик.

Федерал вышел из апатии и укоризненно добавил:

- Это теракт. «Синий купол» взял ответственность на себя.

Вовика это заявление не впечатлило:

— Что, голубые лифчики вышли на тропу войны?

Эльф прекратил чесать шею, но начал другой рукой энергично поглаживать себя по бедру:

— «Синий купол» — это террористическая группа фанатиков, развращённых безнаказанностью. Для них нет ничего святого. Это разбойники.

Гор завуалировал свою издёвку в уточняющий вопрос:

— Приверженцы построек с купольными крышами?

По лицу Эльфа прошла гримаска неприязни, и он лихорадочно начал вращать ладонью по краю вазы, стоящей на столе. А потом пустился в объяснения:

— «Синий купол» — название системы личной защиты. Она позволяет уходить даже из-под прямого обстрела бластерами, но работает недолго и не всегда срабатывает правильно. Производство дорогое, систему разрабатывали для императрицы Диноры и денег не считали. Но серийно такие штуки делать не получилось: они одноразовые, при этом каждый комплект надо настраивать под конкретного человека, и это весьма муторное дело.

Эльф отнял руку от вазы и начал массировать ладонь пальнами:

— Все террористы группы носят «синие купола», за что, собственно, их так и прозвали. Дважды группу

брали в полное окружение, но они всё же прорывались — за счёт того, что шли напролом в стену огня. Где они берут «купола» — неизвестно, производство в империи давно закрыто, но, вероятно, есть подпольный цех у римециев, который Птерис сам и финансирует.

- Птерис? тут же переспросила Элеонора.
- Главный в банде. Жуткий монстр. Его злобность и агрессивность превосходят всё, что вы можете себе вообразить.

Эльф перешёл к энергичному расчёсыванию плеча. Гор недоуменно спросил:

— Но почему они взорвали базу здесь? Нет никакого смысла в таком теракте.

Федерал гордо вскинул голову, буквально раздирая ткань рукава:

— Это предупреждение мне. Попытка давления. Но меня не запугать!

Вовкиан едва слышно хихикнул:

— Не кому-нибудь. Гульфику предупреждение.

Видимо, не осознавая своих действий, Эльф повернулся и начал тереться филейной частью о край тяжёлой столешницы. Его лицо приобрело довольное выражение, а глаза полузакрылись.

Лиза поняла, что надо отвлечься от мутного потока собственных мыслей, в котором образовалось слишком много турбулентных завихрений. Пора что-то предпринять. Встав с диванчика, она неловко сделала несколько шагов к федералу:

— Эйнджел, ты плохо себя чувствуешь?

Вовик в пару прыжков загородил ей дорогу:

— Не подходи к нему!

Развернувшись, Вовик подошёл к Эльфу вплотную и внимательно вгляделся в щёки и шею полковника:

 Нет, не страшно. Похоже, этот идиот подцепил упырышей. Элеонора заинтересованно спросила:

- Он зачешет себя до смерти? Прямо здесь? Сегодня? Гор, ругнувшись, недоумённо спросил:
- Но как ему это удалось?

Присев и приподняв штанину агента, Вовик чуть присвистнул, увидев ярко красную полосу кожи выше носков. В его ответе отчётливо прозвучали и презрение, и насмешка:

— Дерьмо к дерьму само прилипло.

Эльфа упаковали в чистую простынку и увезли в больницу. Труп пьяницы упаковали в чёрный пластик и увезли в морг шахтёрского городка. Оба сержанта, бывших приложениями к Эльфу, упаковались сами в форменные мундиры и свалили в связи с призывом на срочные работы по ликвидации последствий теракта. В замке стало пусто.

После обеда, прошедшего в расслабленной тишине, Гор перехватил Лизу в коридоре. Обняв её за плечи, он скороговоркой пробормотал, обращаясь, видимо, к занавеске за её спиной:

— Прости. Я был резок. А тебя лишь зло оклеветали.

Лиза издала звуки «мы-му-ма», положившись на то, что Гор расшифрует это так, как ему хочется. Подбирать разумные слова ей не хотелось.

Гор изучил румянец на пухлых женских щёчках, и, нежно поправив выбившийся из причёски Лизы локон, честно выложил свои сомнения:

— Но всё же вопрос о том, что ты делала на Аллое, не даёт мне покоя. Всё было совсем не так, как придумал Степан. Но что-то было. Тебе стёрли память не просто так. Ты в чём-то замазалась.

Например, в грязи. В соплях. В крови.

- Я понимаю, что ты недоумеваешь, что ты растеряна, что тебе трудно сориентироваться в мире. Ты приняла

мои условия. И я этому очень рад. Давай попробуем наладить нашу прежнюю жизнь.

Медленно кивнув, Лиза пробормотала «фа-вы-пу». Гора это устроило.

Лиза получила передышку. Но как надолго? Что ещё стрясётся, и как раз тогда, когда ей так нужны спокойствие и отдых?

Через пару часов началась суета из-за пропавшей Квагги. Гранатовым было абсолютно наплевать на очередное происшествие, без их напоминаний поиски приобрели характер декоративных криков прислуги в коридорах замка, и отчаявшуюся женщину нашли уже в вечерних сумерках. Квагги на редкость неудачно свалилась с лестницы, переломав обе ноги. Лестница располагалась в заброшенной правой части замка, и никто не поверил рассказам охранницы, что её кто-то столкнул. Делать, что ли, людям нечего, кроме как таскаться по старым анфиладам за этим никчёмным созданием?

Уже поздно вечером, когда Лиза и Клаша, уложив Сержа спать, чаёвничали в маленькой комнате кханеши, Клаша задумчиво заметила:

- Чудно получается. В один день ты избавилась и от говорливого проныры, и от глупого полковника, и от надоедливой охранницы.
 - Почаще бы мне такие дни везения.
 - Это рука судьбы. Кто-то приглядывает за тобой.

Лиза только вздохнула. Хорошенькая рука. Мало ей было связи с государственным преступником, теперь ещё и террористы нарисовались. И если это их длинные конечности дотянулись до её врагов, люди Птериса должны быть здесь? В замке? Нет, не может быть.

Утром Лиза внимательно присмотрелась к каждому человеку из прислуги и гостей. Но, увы, ни у кого из них

не было ни голубых лифчиков, ни неведомого синего купола, ни татуировки «террорист» на лбу. И Лиза убедила себя, что ей незачем маяться глупыми надеждами неизвестно на что. Просто всё так совпало. В мире много совпалений.

48. Мечты и реальность

В Гранатовом замке воцарилась тишина. Беспокойные гости разъехались, хозяева занялись своими делами, и в длинных коридорах вновь поселилась рассеянная, ленивая скука.

Но Лизе некогда было скучать. Лиза нашла банальную нестыковку в переводе контракта с кервини на олбанский. Лиза выяснила все топорности в договорах на хурунди и каванси. Лиза читала и писала. Лиза училась и осваивалась в роли умницы, не забывая выучить коечему и Сержа, который понемногу оттаивал, но испытывал потребность время от времени проверять границы материнского терпения.

Сосредотачиваться и сопротивляться лени с каждым днём становилось всё труднее, но Лиза не собиралась сдаваться. За своими заботами она спряталась от всех прочих проблем, уклоняясь от общения с Гранатовыми. Но она совсем забыла, что в замке есть не только они.

Лиза собиралась посвятить приятный вечер подробному описанию идеи трипойнта у Веруса. Закопавшись в карты и справочники, она с удовольствием сочиняла свободное по форме объяснение, которое спецы Дымчи смогли бы трансформировать в тома подробной документации, а потом и в чертежи новых дорог. Серж уже спал в своей кроватке, чаепитие с Клашей настроило Лизу на работу, и ничто не предвещало помех, как вдруг

в комнату Лизы явилась Фелиция.

В первый момент Лиза почувствовала укол зависти. Стройная и красивая Фелиция, одетая в броское сексапильное платье, выглядела потрясающе. На ухоженном лице не было ни морщинки, ни прыщика, блестящие волосы изящно спадали локонами ниже плеч, бархатная кожа точёных рук манила нежностью. Рядом с Фелицией Лиза казалась уродливой пародией на женщину. Но следом за жалостью к себе пришло равнодушное понимание, что в соревновании красавиц здесь и сейчас нет никакого смысла. Слишком разные весовые категории. И группы здоровья тоже.

Во взгляде Фелиции промелькнули надменность и превосходство:

— Не знаю, на что ты надеешься, но хочу тебе напомнить, что меня и Гора связывают определённые обязательства. Я разделяю его сомнения относительно твоего поведения и хочу предупредить, что твой коварный план соблазнения провалился. Он поддался твоей игре, но ненадолго. Теперь, когда твои подлые замыслы ему очевидны, ему неприятно думать, что он оказался в ловушке. И можешь не сомневаться, он найдёт из неё выход.

Деланно удивившись, Лиза поинтересовалась:

- С каких пор ты взяла на себя обязательства его глашатая? Пусть Гор придёт и сам мне всё это расскажет.
 - Он не хочет тебя видеть.
- Да неужели? Зачем же он звал меня на вчерашний парадный обед?
 - Ты вынуждаешь его следовать приличиям.

Лиза не удержалась и широко зевнула. Некогда болезненная опухоль ревности и злости незаметно рассосалась сама собой, и теперь все эти страсти по Гору казались надуманными и ерундовыми.

— Фели, если бы ты была толковой женой, ты бы пер-

вой вынуждала его ко всяческим приличиям. Но правда в том, что ты не жена, а пустое место.

— Злословь, сколько хочешь. Тебе не помешать моему счастью.

Вздохнув, Лиза констатировала:

— Единственную жену Игориана Гранатова зовут Танаис Альбина Сартула Гебиона Стоксель-Гранатова. Она живет на Космике. Разводиться Гор не собирается, так как это хлопотно, да и в брачном контракте есть пара неприятных пунктов. Время от времени счастливые супруги уединяются, чтобы попробовать зачать ребёнка. Они совместимы, но пока естественное зачатие у них не получилось.

Неожиданный отпор Лизы заставил Фелицию заткнуться, в наступившей тишине отчётливые слова Лизы казались безнадёжным приговором:

— Ты такая же заурядная наложница Гора, как и я. И мы с тобой далеко не единственные. Помнишь смазливую певичку, которая пела на дне рождения Михаила? А молоденькую парикмахершу знаешь? А представляешь, сколько в его офисе длинноногих секретарш?

Фелиция сделала жалкую попытку возразить. От её боевого тона не осталось и следа, только что уверенно призывавшая кары на голову Лизы подружка даже начала заикаться:

- Он же-же-женился на мне.
- Нет, Фелиция. Не женился.
- Н-но была же свадьба. Гости. Все ви-видели...
- Что видели? Гранатов-шоу представляет: «Гор и дурочка из космического переулочка».
 - Я жена...
- Для начала ты кто, вообще, такая? У тебя есть документы Альянса? Идентификатор Галактической Федерации? Может, паспорт Великой Империи? Удостоверение Союза Римециев? У тебя даже мигрантской твантрийской

карточки нет. Ты никто и звать тебя никак.

- Я подписала б-бумаги...
- На твантрийском? Ты на нём даже читать не научилась. Что ты там подписала? Уж не брачное свидетельство точно.

Просветив Фелицию относительно её истинного положения, Лиза вдруг пожалела о сказанном. Тем более что грозная подруга на глазах превращалась в полную размазню. В её глазах уже блестел водопад слёз, губы дрожали, безвольно опустившиеся руки поникли, будто веточки плакучего дерева.

- A у тебя есть... карточка?
- У меня есть паспорт гражданки альянса Шести звёзд. Но не потому, что я мать наследника. Я хитростью добилась хоть каких-то прав.

Фелиция некрасиво расплакалась, всхлипывая и размазывая слёзы по лицу. Лиза терпеливо пережидала этот эмоциональный всплеск. Сквозь шмыгания Фелиция выдвинула претензию:

- Ты это всё раньше знала, да?! Почему же ты мне ничего не рассказала? Ты смеялась надо мной? Ты обманывала меня...
- Я жалела тебя. Как единственного человека из родного мира. Мы должны были бы держаться друг за друга, но Гор нас поссорил. Ты не хотела говорить со мной, ты строила мне пакости за моей спиной. И теперь ты обвиняешь меня в том, что я обманывала тебя? Неужели ты до сих пор не поняла, Фелиция? Мы обе запутались в чужих сетях.

Спокойный тон Лизы сначала подхлестнул слёзность Фелиции, но окончание фразы высушило глаза красавицы, и в них вспыхнули злые огоньки. Лиза машинально пробежалась взглядом по комнате, проверяя, не завалялось ли где что-нибудь острое или режущее. Прикинув, что в случае чего будет отбиваться новым опаловым оже-

рельем, Лиза продолжила:

— Гор обманом увёз нас, наивных дурочек, из дома. И мы стали его игрушками, забавными домашними куклами. Он нас использует, когда у него есть к тому желание. А когда мы надоедаем, он забывает про нас. Гор — не сказочный принц, он избалованный и безответственный шалопай, обаятельный, но вместе с тем и жестокий.

Потрясённо, но вместе с тем и возмущённо Фелиция воскликнула:

— Я думала, ты его любишь!

Разведя руками, Лиза ответила:

— Я любила. Но время этой любви вышло. Я повзрослела, чего и тебе желаю.

Фелиция вдруг вспыхнула:

- Ты всегда всё врёшь, а я чуть было снова тебе не поверила.
- Не верь мне, но очнись, задумайся, почему ты застряла в этом замке, хотя мечтала путешествовать по галактике? Где толпы твоих поклонников? Где фанфары в твою честь? Ты тратишь себя на борьбу за сердце мужчины, который делает тебя счастливой лишь снисхождением. А мир велик. И там есть другие мужчины, другие миры, другое счастье.

Вздёрнув нос и нахмурившись, Фелиция ядовито парировала:

— Что же ты сама сидишь в замке, если тебя так манят другие миры?

Улыбнувшись, Лиза кротко заметила:

— Если ты хоть немного призадумаешься, то поймёшь, что мне не до путешествий. Возможно, когданибудь я и уеду, но только когда обрету достаточно уверенности и сил. Сейчас не время для таких вывертов. И у меня другой уровень ответственности. Я мать.

Фелиция будто стала выше за счёт невидимой короны:

- А я пришла сказать тебе, что уезжаю. Что мы

с Гором уезжаем. В путешествие. Мы решили отдохнуть от всех домашних скандалов. И побыть вдвоём. Только вдвоём. Я увижу Орхидею. И Кетанус. И столицу Федерации. У меня будет самый лучший и самый галантный поклонник. И я услышу фанфары в свою честь.

Раскрасневшееся лицо подруги сочилось спесью, и Лиза не удержалась от подколки:

— Хорошая новость. Я от вас обоих отдохну.

Фелиция нервно процокала к двери и ознаменовала свой уход попыткой хлопнуть этой самой дверью, но предусмотрительные автоматы смягчили удар, и хлопок не получился.

Пожав плечами, Лиза вернулась к своим размышлениям и задумчиво провела в виртуальной галактике короткий отрезок, соединивший две крохотные точки. Два крохотных пункта будущей большой дороги сквозь галактику.

Верус — далекий заснеженный мир, глухой и почти необитаемый, дремучий по религиозным заморочкам, отсталый в здравоохранении и образовании. Никто туда не летает без особой надобности, и даже пираты выбирают другие маршруты движения, потому что поживиться на Верусе попросту нечем.

Но Верус — вовсе не последняя точка нового большого пути. От Веруса пройдёт тоннель к Нейтполису, а Нейтполис — это уже Великий мир Диноры. Тоже полузабытая дыра. Но если этот мост заработает, можно будет брать пошлины меньше, чем гребёт Федерация на Грандтоннеле, и все мелкие торгаши рванут по альтернативному пути. А ещё от Нейтполиса есть естественная дырка к Альгамбре. Её надо лишь немного обустроить, и получится трипойнт. Точка, в которой сходятся дороги к трём галактическим державам...

Будь счастлив в иных пределах, старый инженер.

Маленькая Сероглазка поставит тебе памятник. На тысячи миров. И на века.

Мост Бизона.

Боль, на которую Лиза старалась не обращать внимания, становилась всё настойчивее. Оторвавшись от изучения звёздных карт и сладких мысленных картинок того, как она мчится через половину ойкумены в собственном экспрессе, хозяйка Гранатовых гор тихо застонала, с некоторым недоумением осознав, что не в силах сдержаться.

Выбравшись из-за стола, Лиза с трудом доковыляла до кровати, и очередной приступ боли накрыл её отчаянием. Она знает всё-всё про дыхание, гимнастику и приемы аутотренинга... Спазм нестерпимой боли выключил здравый смысл и попытки мыслить.

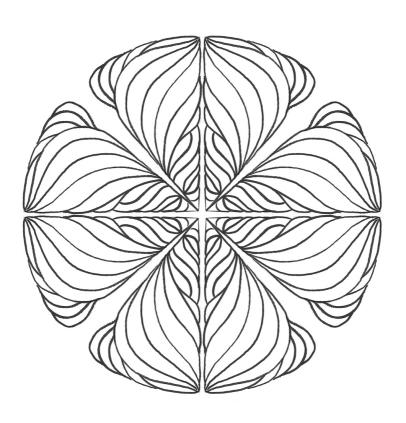
К чёрту! Это невозможно терпеть!

Очередная болезненная схватка поставила точку в полемике энтузиастов активной ходьбы и сторонников зависаний. Всю макулатуру этих уродцев — в топку! Боль рождалась внутри, и в то же время шла откуда-то извне, и с ней невозможно было совладать ни установками разума, ни жалкими попытками тела следовать инстинкту. И разум, и тело сливались в одном — в этой невероятной общей боли.

После короткого промежутка, во время которого хозяйка Гранатовых гор успела сделать лишь несколько лихорадочных вдохов-выдохов, боль вернулась с удвоенной силой.

Лиза запаниковала и начала орать. Дааа-рий!!!

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ * СЛОВО ОРАКУЛА

49. Незваный гость

На самом краю Обитаемых миров, в далеком затерянном мире наступала весна. Ровные сероватые равнины заливал голубоватый теплеющий свет холодной звезды. Однообразный гладкий пейзаж изменялся лишь в одной точке планеты. Там стоял дом. Обыкновенный дом, каких полно в необъятном космосе. Единственный и очень одинокий дом, открытый всем окрестным ветрам.

Но находясь внутри, никто не смог бы подумать, что за окном — вечная, ледяная пустыня. Нечастые гости забывали на время о вселенских потопах, баталиях и революциях, покоряясь умиротворению домашнего тепла и уюта.

Однако вот уже два дня хозяйка Критоса — рыжеволосая красавица Шаула чувствовала тревогу, излучаемую её мужем. Ник пытался скрыть свое беспокойство, и Шаула делала вид, что ничего не замечает. В конце концов, всё разъяснилось. Ник позвал её в лабораторию и показал на экране компьютера небольшую продолговатую точку:

— Рыжик мой милый, не хочу тебя пугать, но у нас проблема. Кто-то торопится к нам в гости. И не спешит представиться.

Шаула, стараясь не думать о возможных неприятностях, попыталась успокоить мужа:

- Ники, дорогой, это ты торопишь события. Может, он готовится к дальнему затяжному прыжку. Не забывай про пару диких местечек по дороге. С чего ты решил, что это наш гость?
- Он идёт полным ходом по прямой траектории к нам. И у него приличная крейсерская скорость. Причём он не только не отвечает на наши запросы, но и блокирует часть пространства. Я не могу идентифицировать его ни по очертаниям, ни по опознавательным знакам.

Шаула взглянула в открытое лицо со знакомыми до мельчайшей морщинки черточками и по-прежнему абсолютно спокойно ответила:

— Активируй защитный экран Критоса и вышли дополнительный запрос на идентификацию. Из-за такой высокой скорости корабль мог проскочить луч. И не волнуйся раньше времени. Уж пара дней в запасе у нас точно есть. Проверим вооружение.

К вечеру следующего дня неизвестный корабль, попрежнему хранящий молчание, резко сбавил скорость, легко преодолел защитный экран и направился к той точке поверхности планеты, где стоял единственный дом.

Ник и Шаула, укрывшись в лаборатории и уставившись в мониторы, наблюдали, как небо над их жилищем закрывает гигантское тёмное блюдце. Теперь они знали, кто к ним пожаловал, но от этого спокойнее не стало.

Блюдце зависло совсем низко, от него отделилась крохотная шлюпка. Сделав два круга, шлюпка аккуратно приземлилась на голубой поляне, проломив толстую корку льда. Из кораблика высадился один-единственный человек в скафандре без шлема и с большой коробкой в руках. Подойдя к входу в дом, он негромко постучался. Ник, приободренный взглядом жены, шагнул к двери, распахнул её и жестом пригласил гостя войти.

Гость захлопнул за собой входную дверь, прошёл на середину комнаты, поставил коробку на стол и тут же бесцеремонно начал стягивать с себя скафандр. Хозяева молча следили за его неторопливыми движениями. Наконец, избавившись от тяжёлой одёжки, гость вынул из коробки корзинку с цветами и повернулся к хозяевам:

— Здравствуй, Ник, привет, Шаула. Надеюсь, вы ещё не совсем меня забыли?

Рыжая красавица и её муж по-прежнему ошеломленно молчали. Гость поставил цветы на колени к Шауле

и продолжил распаковывать коробку, доставая бутылки, экзотические плоды, банки с пёстрыми рисунками на этикетках. Попутно, не глядя в сторону хозяев, он добавил:

— Меня так плохо собрали после последней заварушки? Я сильно изменился? Мордашку слепил слишком гламурную?

Подкинув в руке красивую пузатую бутылку, он весело добавил:

— Для людей, испытывающих горячую признательность к человеку, когда-то спасшему их драгоценные жизни, вы слишком перепуганы. Ник, твой вечно задранный нос ищет что-то на полу, а твоя жена явно пытается притвориться обивкой кресла, в котором сидит. А я, дурак, привез вам настоящее вино и настоящие цветы. Шаула, ведь ты всегда была без ума от смираний, и наверняка давно их не видела. Возьми веточку, они не кусаются. А вот подлинное бренди Кетануса придется вылить — вдруг я, подлый предатель, подложил туда с полкило цианида? Ну же, выше нос! Устроим пирушку в честь новой встречи?

Оглядев унылые выражения лиц хозяев, гость хмыкнул и ещё веселее добавил:

— Не, ребята, я так не играю. Нужно было вас прикончить тогда, в парке её величества бессмертной императрицы Диноры. Сразу обоих и каким-нибудь экзотическим способом. Ау! Я не пристрелить вас обоих прибыл. Лишь в очередной раз спасти ваши души.

Во время монолога гостя Ник сумел взять себя в руки. Что бы там ни было, размеренная и тихая семейная жизнь закончилась. Тейлор подарил ему несколько хроносов безмятежного счастья, Тейлор и отберёт. Нет сомнений, что просто так, ради пирушки, такие друзья не возвращаются. Но если бы Тейлор хотел их убить — весь дом вместе с обитателями, а может и вся планета уже преврати-

лись бы в межзвёздную пыль.

Ник подошел к креслу, в котором замерла его жена, и, медленно подбирая слова, ответил:

— Мы подумали, что в Службе не досчитались мучеников, и тебе поручено раздобыть ещё парочку. Сам понимаешь, слегка струхнули. К тому же эксперты Совета повсюду трезвонят о том, что вот-вот разберут тебя на запчасти. Нужна была пара минут, чтобы удостоверится в твоей материальности...

Гость демонстративно хохотнул и вынул из коробки очередной подарок.

Мысли Ника лихорадочно заметались в попытке найти ответ, что потребует от него и от Шаулы Тейлор? Пришло время платить по счетам. И ни к чему все эти подарки и цветы, это словно насмешка над их домом и счастьем. А, может, нет? Вдруг что-то изменилось и в жизни Тейлора? Ник вспомнил, как они с женой улепётывали от половины спецслужб Галактики, и мягко спросил:

— Тебе нужна помощь?

Гость чуть поморщился, и Ник обругал себя глупцом. Чем он может помочь тому, кого вовсе не за чёрные глаза прозвали Князем Тьмы? Некоторые фантастические операции Тейлора приводили в пример во всех школах Службы, хотя и не называли конкретных имён участников событий...

Ник бросил взгляд на жену. Успокоившаяся Шаула, чуть прикрыв глаза, вдыхала неповторимый сладкий аромат неброских цветков смирании, и он, неожиданно даже для себя, предложил:

— Погости у нас несколько дней. Конечно, здесь не вселенский курорт, но у нас уютно. Отдохнёшь, а заодно и поговорим?

Ник одновременно увидел удивленный взгляд Шаулы и сдержанный кивок гостя.

50. Империя на грани

Утром гость долго делал вид, что спит, давая хозяевам возможность выяснить отношения. Когда же он, наконец, появился в столовой, Шаула подошла и резко спросила:

- Тейлор, скажи прямо, что тебе от нас надо?
- Видишь ли, милая Шаула, в древних историях о происхождении жизни есть одна легенда, которая мне чрезвычайно нравится. Точнее, в ней есть замечательный персонаж, роль которого мне давно хотелось примерить на себя. Я даже открою тебе секрет. Заветное яблоко уже у меня в кармане.

Шаула не была знакома с забытыми сказаниями и ничего не поняла. Зато Ник насторожился, обнял жену за плечи и с вызовом взглянул в бесстрастные чёрные глаза. Тейлор только широко улыбнулся. Весь этот день, а потом и следующий, он, не вылезая из огромного кресла гостиной, рассказывал о новостях галактики — войнах, сменах династий, великих исходах и новых открытиях, успехах и провалах дерзких начинаний. Не то, чтобы Ник и Шаула не знали о происходящем — обычно они получали обширную информацию из нескольких источников. Но Тейлор был в курсе закулисных игр некоторых переворотов, знал о тонкостях личных отношений между основными действующими лицами.

Тайные интриги, незаметные пружинки мировой истории, разные кусочки общей мозаики — всё то, что интересно в происходящем, в изложении Тейлора становилось особенно волнующим и создавало ощущение сопричастности. Ник и Шаула, зачарованные повествованием гостя, теряли чувство собственной отстраненности. Расстояния, отделявшие Критос от других обитаемых миров, вдруг перестали иметь значение.

К концу второго дня Тейлор исподволь, незаметно приблизился в своих байках к границам Великого мира. И Шаула не выдержала:

— Расскажи о моей империи.

Тейлор одарил Шаулу очередной улыбкой и вернулся к рассказу:

— Думаю, большая часть новостей вам известна. После гибели Единственной во время Большого беспорядка право властвовать в империи Диноры оспаривалось сразу десятком претенденток, каждая из которых была идентичной копией самой первой Диноры. Разразилось несколько гражданских войн, многие из Динор погибли. Твоя империя распалась на несколько частей, каждая провозгласила своего клона Единственной правительницей...

Тейлор бросил вопросительный взгляд на Ника, но Шаула, едва дотронувшись до руки гостя, решительно отмела его сомнения:

- Расскажи мне всё
- Взлетел на воздух имперский центр воспитания. Причины так и не были установлены. Я полагаю, это было осознанным терактом кого-то из старших Динор. Почти все клоны младше тридцати погибли... Но затем и ряды твоих взрослых сестричек стали стремительно уменьшаться. Клонов стали заменять предприимчивые особы, не особенно стесняясь в средствах.

Шаула грустно кивнула:

- Знаю. Я даже могу тебе сказать, что последняя якобы Динора в пятнадцатом секторе не кто иная, как моя училка по истории, злющая такая ведьма. Удалось доказать, что она отравила одну из моих сестёр?
- Да, её казнили не так давно. Но место правительницы сектора так и вакантно. А в седьмом секторе твоя сестричка со своим мужем отношения выясняет посредством тяжёлых бомбардировщиков. В третьем обоснова-

лась секта универсалистов и линчует всех, кто против их гениальной теории универсальности. Восьмой прибрала к рукам вольная торговля — на стыке трех границ крайне выгодно заниматься беспошлинным товарооборотом. Твоей Великой армии больше нет, командования нет. Некоторые твои бывшие офицеры из нескольких секторов собрались в некий фронт и дерутся с Огайтеллой за роль главных пиратов космоса. Хвалёные научные и культурные деятели из твоего Великого университета разбежались — большая часть поближе к центру, некоторые — к римециям. И тех, и других одинаково тошнит на бывшую родину — количество опусов с рассказами о том, как плохо жилось под крылом Диноры, перевалило все мыслимые пределы...

— Я и не думала, что всё настолько плохо...

Шаула шумно вздохнула и посмотрела на Ника. Тот, словно загипнотизированный, уставился в точку на стене. Тейлор продолжил:

— Ты не расстраивайся, всё постепенно наладится. Клин от восьмого сектора к центру логично отходит к Федерации. Они уже ведут подготовку местных законов и готовят нового легитимно избранного президента. Пока рабочее название зоны — Грандландия. Планируется быстрый ввод нескольких крейсеров, создание местных полицейских отрядов, полный контроль над медиа — и через пару лет о *тебе* и вспоминать не будут.

На красивом лице хозяйки Критоса отразился ужас. Охватив лицо руками, она издала протестующее мычание, но гостя уже было не остановить:

— Римеции со своей стороны имеют виды на девятый, третий, двенадцатый сектора и то, что между ними. Спору нет, такенный кусок от *твоей* империи им, скорее всего, зараз не отхватить. Но они торопиться и не будут. Пока поторопились лишь в одном — на школьных картах эти территории обозначили как «миры будущего освое-

ния».

Шаула снова что-то пробормотала, и снова Тейлор сделал вид, что не заметил её протеста:

— Лично мне план римециев больше нравится. Трудовая миграция с обязательным доминированием диаспор, затем проникновение во властные структуры, начиная с полиции и таможни, прессование местного населения вплоть до лёгкого геноцида, далее покупка нескольких крупных постов, и — вуаля! — верхушка римециев уже принимает присягу нового образования. Кстати, не забудь ещё лотусиан и манийцев. Первые, я думаю, не откажутся от трёх больших миров у своих границ. Войны твоих старших сестричек ещё в памяти, так что там крупной резни не избежать. Манийцам лишние планеты не нужны. Но они держат закрытым большой тоннель к дальнему пределу — и даже не знаю, чего ждать, если вдруг этот «лифт» окажется бесконтрольным.

Нужный эффект был уже достигнут — Шаула тихо всхлипывала, зажав рот руками. Но требовалось поставить эффектную точку.

— *Твой* Великий мир, моя дорогая Динора, на грани гибели. И грань эта всё острее, всё тоньше. Не так уж много нужно, чтобы империя перестала существовать...

Шаула, словно во сне, медленно встала, взяла поднос со стола и вышла. Ник уже не сомневался, что рассказ о крушении империи входил в план Тейлора. Он хотел расстроить Шаулу, растравить её воспоминания о том, кем она могла бы быть, но так и не стала. Ник грустно заметил:

— Все твои дороги ведут в ад.

Раздался грохот, мужчины в два прыжка оказались за дверью. В маленькой кухне Шаула, присев на корточки, собирала рассыпанные фрукты. Механически поднимая сочные плоды, она тут же роняла их обратно из непослушных рук. Ник присел с ней рядом:

— Рыжик, милая моя, брось их, пойдем, уже поздно, пора спать. Завтра будет новый день, отдохнем и посмотрим на всё со светлой стороны. Князь не будет больше тебя пугать, обещаю.

Чёрные глаза гостя вовсе этого не обещали. Ник всё же сделал попытку его уговорить:

— Не говори больше ничего, Тейлор. Дай нам успокоиться и отдохнуть.

Шаула стряхнула фрукты с колен, встала и в сердцах швырнула огромный персик в картину на стене. Переведя взгляд с мужа на гостя и обратно, она вдруг уже без всяких слёз с жесткостью в голосе проговорила:

— Это я виновата. Мне нельзя было убегать. Я должна была стать новой Динорой. Нельзя уйти от судьбы. Я погубила своих сестер. Я погубила свой мир.

Ник попытался её обнять, Шаула оттолкнула его и заорала:

— Я должна вернуться, Ник! Я должна стать Великой Динорой!

Больные глаза Ника сразу сказали Тейлору, что вместо благодарного друга он обрел если не очередного врага, то тихого недоброжелателя. Увы, изменить ничего было нельзя, хотя отныне, пожалуй, поворачиваться спиной к Нику придётся с осторожностью. Тейлор медленно опустился на одно колено и правой рукой коснулся груди — это был официальный жест приветствия Диноры:

- Рад служить вашему императорскому величеству.
 Его дальнейшие фамильярные слова не вязались с покорностью позы:
- Обсудим всё завтра, милая Шаула. Тебе нужно немного времени— прийти в себя, подумать, поговорить с мужем, поспать. Всё самое плохое я уже сказал. Завтра тебя ждут только хорошие новости.

51. Нет выбора

Тейлор, оставшись один, невольно подумал о безумной ночи, которую он провел с Шаулой в апартаментах умирающей императрицы. Знал ли об этом Ник? Сомнительно. Ради любимого Шаула бросила седьмую часть обитаемой Галактики, вряд ли она рассказала ему об измене, да ещё и практически с первым встречным.

Непрошеные вопросы сами полезли в голову. А смогла бы одна далёкая маленькая альенка оставить целую империю ради него?.. Хотя империи её не интересовали. Но если на минутку представить... Хотел бы он сам её отречения? Уехал бы с ней в бессрочную ссылку? Нет, конечно. Он бы возвёл её на престол и остался бы рядом. На соседнем троне. Императором...

Тряхнув головой, бывший Советник Службы Безопасности Галактической Федерации заставил себя подумать о других, более насущных вопросах. Например, о том, как сохранить голову в рискованной игре на много фронтов. Тихие шаги Ника прервали эти отчасти весёлые, отчасти серьёзные размышления. Ник медленно присел на край стула и глухо выплеснул обиду:

- Чёрт тебя возьми, Тейлор! Зачем тебя принесло к нам?! Когда-то ты помог мне стать самым счастливым человеком на свете. Только что ты уничтожил всю мою жизнь.
 - Шаула спит?
- Да. И так спокойно. Боюсь, её уже не удастся отговорить. Её словно подменили. Она уже строит планы по призыву в новую армию. И решает, к кому может обратиться за помощью. Она меня бросит. Всему конец!
- Да неужели? Чему всему? Бессмысленному времяпрепровождению на краю света? Любовь — не всё в жизни, Ник. Я всего лишь подтолкнул твою жену

к верному решению. Ради тебя она когда-то покинула свой мир. Ради своего мира она покинет тебя.

- Мы прожили вместе в спокойствии столько времени, и каждый день я благодарил судьбу за то, что она со мной. Я не могу жить без неё.
- Ну и не моги. Отправляйся вместе с ней и помоги ей стать той, кем она создана, то есть Единственной Динорой. Именно сейчас пришло её время. Она выросла, многое изучила, лишилась детской экзальтации. И она уже достаточно наскучалась в своей добровольной ссылке.
 - Если бы ты был способен меня понять!

Отчаяние Ника побудило Тейлор выложить то, то он не собирался говорить:

— Ник, дело уже не в чьём-либо понимании. Один из ваших поставщиков рассказал весьма интересную историю лично Чимей. Ты её вряд ли помнишь, но поверь мне, это весьма способная и целеустремленная дамочка. Она только что стала Советником, и потому роет космос рыльцем аки дьявольская свинка из легенд Эрина. Сюда идёт полным ходом два крейсера Службы. Нам с Эдом пришлось постараться, чтобы обогнать их.

Сообщение шокировало Ника:

- Крейсеры? Сюда? О чём ты говоришь?
- У тебя совсем мозги спеклись? Зло передразнив интонацию Ника, Тейлор всё же объяснил. Твоя жена единственная Динора. Буквально единственная. Хочешь ты того или нет, таково положение дел. Двум возможным наследницам за пятьдесят, обе придурковаты и давно живут вдали от Великого мира. Еще одной около двадцати, а с виду не больше пятнадцати. Руководить она может только хором своих кукол. Та самая сестричка, что воевала с мужем убита в своей резиденции. Этого пока никто не знает. Равно как и того, что ещё три клона погибли за последнее время при невыясненных обстоя-

тельствах.

- Федералы убирают наследниц?
- Да если бы. Наследницы погибают, потому что хватаются за то, что им не под силу. Федералы лишь одна из сторон проблемы. И мне не хочется однажды узнать, что Критос превратился в радиоактивную пустыню, а Шаула сидит в элитной психушке федералов.

Ник помолчал, потом, решившись, спросил:

- Ты здесь из-за неё? Из-за того, что у вас было?
- У нас? Что-то было? Ник, тебе надо отсюда выбираться. Решительно, в этой дыре ты растерял все свои мыслительные способности.
- Она рассказала мне. Нет, не подумай, я не упрекаю тебя. Даже не ревную. Я просто хочу знать ты хочешь отнять её у меня?

Тейлор невесело улыбнулся, понимая, что нужно пройти по очень тонкому льду.

- Ник, ты ревнуешь, но напрасно. То, что произошло полностью на моей совести. Мне ударили в голову титулы прародительницы твоей жены, и я воспользовался ситуацией. Не уверен, что мне следует просить прощения у тебя скорее у неё. Но если это утешит тебя прости, я сволочь.
- Ты говоришь так, словно она ничего для тебя не значит.

Мысленно Тейлор выругался. Но вслух как можно мягче парировал:

— Не важно, что она значит для меня. Важно, что ты значишь для неё. То, что она рассказала тебе обо всём — высшая степень доверия и любви. Её фантастической любви к тебе. Я не собираюсь отнимать её у тебя. Я хочу лишь забрать вас обоих отсюда до того, как федералы обрушатся на этот маленький мир. И по правде говоря, Ник, я сделаю это с вашего согласия или без него.

Ник долго молчал, потом вдруг кивнул, смиряясь

с неизбежным. Тейлор, уловив эту перемену в настроении друга, резко изменил направление беседы:

- Возрождение Великого мира мы обсудим завтра. Но у меня есть ещё персональное дельце для тебя. Я знаю, что ты не совсем порвал со Службой Безопасности. Не надо отрицать, я знаю по именам всех твоих дружков. Так вот, я хочу, чтобы ты рассказал им кое-что интересное. Не от моего имени, а как плоды своих измышлений. Думаю, старые друзья не только оценят твои заслуги, но и выдадут тебе на радостях индульгенцию, теперь-то прошлые грехи подзабылись.
 - Как же, так они меня и послушали.
- Не волнуйся, послушают, и не один раз, и каждое словечко запишут и проанализируют. Первое. Федералам нужно вмешаться в происходящее на Огайтелле. Разумеется, не в смысле с флагами занять космопорт, а осторожно перераспределить денежные потоки. Пусть прижмут пиратов, но дадут зелёный свет торговцам. У римециев готовится законопроект против вольной торговли, поэтому скоро торговцы массово двинут поближе к цивилизации. Нужно быть готовыми.
- Тейлор, я так давно не занимался ничем подобным. Все это словно аксипенская грамота. Римеции, торговшы...
- Привыкай. Второе. Пусть присмотрятся к Ригелии. Там всё вышло за рамки разумного, назревают крупные социальные неприятности. Пока всё тихо, но пар копится. Если рванёт, эхо докатится и до Федерации. А ошмётками грязи замажет и Совет, и всю политическую верхушку.
- И как, по-твоему, я мог до этого додуматься, сидя на Критосе?
- Да ты только скажи, что думал о чём-то, кроме своей жены, и твои дружки с радости неделю пить будут. Не отвлекайся, запоминай. Третье. В рукаве Марколи

исчезло два десятка кораблей только за последний хронос. Торговцы, федералы, пираты — все без разбора. Вариант только один. Окопался там кто-то. Новый враг. Общий для всех враг. Хотя, может статься, и чей-то друг. В любом раскладе вот туда бы надо пару нормальных крейсеров отправить — на разведку, без шума, с приказом на немедленное отступление. Хорошо бы знать, с кем-чем имеем дело...

Ник всмотрелся в строгие тёмные глаза собеседника, словно пытаясь увидеть в них намёк на то, что сказанное — шутка. Осознав, что гость абсолютно серьёзен, Ник попытался выразить свое очередное потрясение:

- Тейлор, да ты хоть понимаешь, о чём говоришь? Миры Марколи... Кто там может быть? Люди? Чужие? Корабли пропадают значит, враги? Опять большая война? Это нанесёт удар по всему нашему миру.
 - Главное, чтобы наш мир вообще уцелел.

Ник ссутулился на стуле, словно неведомые силы из рукава Марколи уже навалились на его плечи.

- Подумать только, неделю назад я был счастливейшим человеком. И вот я снова беглец, моя голова пухнет от тревожной информации, моей жене угрожает смертельная опасность, да и вся ойкумена, возможно, под угрозой... Почему, Тейлор? Почему это свалилось на меня? Я не хочу ничего этого знать...
- У тебя нет выбора. И у твоей жены тоже. Но если желаешь Шауле добра никогда не говори ей об этом.

52. Яблоко в кармане

Вопреки собственным ожиданиям Шаула отлично выспалась. Внезапное решение вернуться мгновенно перевернуло весь её привычный мир. В лучшую сторону.

Взошедшее бледное светило казалось ярким, как никогда. Краски на линялой одежде вдруг заиграли прежде неразличимыми оттенками. Вкус пресной жидкости из бутылок оказался похожим на давно забытый вкус родниковой воды из дворцового парка. Шауле не терпелось отправиться на завоевание потерянного Великого мира. Наверное, так чувствовала себя самая первая Динора в ночь перед первым большим сражением.

Прервав её первые лихорадочные попытки сборов, Тейлор пригласил хозяев на шикарный завтрак. Блюда напоминали о давно забытом вкусе жизни в центре большой галактической державы и о том, что время вдруг заторопилось и поскакало большими скачками в неизведанное будущее.

Подождав, пока супруги немного перекусят, Тейлор начал излагать свой план возвращения Единственной Диноры:

— Ты можешь, Шаула, конечно, заявиться во дворец и воскликнуть: «На колени! Я ваша единственная императрица!» Но, увы, за последнее время там было столько таких явлений, что нужно нечто новенькое. Первое, что мы сделаем — отправимся к Огайтелле и соберем под твои знамёна сброд из числа твоих бывших военных. Прежде всего, тебе нужна охрана. И тебе придётся на определенном этапе противостоять старой офицерской элите. Ты сможешь это сделать, если у тебя за спиной будет новая элита.

Ник сумрачно заметил:

— Ну конечно. Огайтелла. Тамошние ребята за интерес и с места не сдвинутся. Да и как ты себе это представляешь? Мы с Шаулой входим в пиратский кабак и спрашиваем: «А не хотите ли поработать?» Если меня просто прихлопнут, то её замучают... сам знаешь как.

Легко потянувшись, Тейлор с легкой улыбкой парировал:

— Деньги будут, если разморозить счёт Шаулы в Федерации. Ты знаешь ключ, Шаула, но ты боялась им пользоваться. Пришло время использовать эти деньги. А с переговорами проблем не будет. Я сам обо всём договорюсь.

По едва уловимому движению Ника Тейлор догадался, что о счёте в Федерации оракул не знал. Иначе, пожалуй, рискнул бы разморозить его раньше. Конечно, Ника нельзя назвать бедным, но и комфортная жизнь в тайне от всех на задворках космоса вряд ли дёшево обходится.

— Второе, что ты, Шаула, предпримешь — полетишь инкогнито на Кетанус и там встретишься с Рокини, Кабанчико и Джоржией Альки. Здесь никто тебе не поможет. Делай, что хочешь, но бывшие члены правительства должны тебя поддержать. Люди эти стары, забыты, уязвлены тем, что былое величие привело их к положению эмигрантов. Выслушай их, посочувствуй, спроси совета, пообещай, что вернёшь их домой.

Бывший оракул автоматически начал спорить:

— Зачем всё это старичьё? Они ничего не значат в сегодняшнем мире. Я Джоржию помню. Скаредная, злая бабка. От неё не то, что доброго слова не дождёшься, её побаивались на предмет того, что клюкой она мощно размахивала. Ну и к чему тратить время на ублажение завтрашних покойников?

Чёрные глаза заглянули в предполагаемое будущее, и Тейлор объяснил:

— Смысл этого шага в том, чтобы они — те, кто ещё помнит ту, старую, настоящую Динору — признали именно в Шауле законную наследницу. Преемственность обеспечит ей легитимность. Ну и реклама. Разумеется, будет утечка о таких встречах, естественно, все заинтересованные узнают о Диноре, всенепременно кто-то из тузов второго порядка, торгашей, чиновников захочет с ней переговорить. И обязательно найдутся те, кто начнет вкладывать в Шаулу деньги — в расчёте на три копей-

ки въехать в рай.

Ник, щёлкнув пару раз пальцами, предложил:

- Проще сразу договариваться с людьми в мантиях.
 Они сидят на деньгах.
- Во! Это правильно. Третий и ключевой этап это встреча с советами оракулов. В одном случае почва подготовлена совет Андерсона признает Шаулу. Совет Бутерсона тоже признает, если она будет достаточно активна и напориста. А вот с советом Виклисона ты, Шаула, разругаешься в пух и прах, не важно, из-за чего и как. Важно, чтобы они с позором изгнали тебя, закидывая шапочками.

Внимательно вбирающая в себя каждое слово, Шаула переспросила:

— Разругаюсь? Но зачем? Виклисон — милый такой дядька, мне кажется, будет просто получить его поддержку.

Тейлор отрицательно покачал головой и пояснил:

— Из двух советов один новый сделать реально. Из трёх — нет. Оппозиция должна быть, и разумно сразу её определить. Виклисон — кость в горле для римециев, а его призывы к этнической чистоте давно скомпрометировали его в глазах всех более-менее вменяемых политиков. То, что он начнёт поливать тебя грязью, принесет тебе много симпатий и сочувствия.

Наследница империи выдержала чуть насмешливый чёрный взгляд, и Тейлор, отпив сока из красивой чашки, продолжил:

— Четвёртое. Если всё пойдет правильно, люди, которые называют себя Национальным движением, начнут перешёптываться о том, что тебе следовало бы сначала поговорить с ними, а уже потом бегать по оракулам. Это же они — костяк старой империи, это же на них всё держалось. Ты будешь встречаться с ними в персональном порядке, но откладывать появление в каком-либо

большом собрании столько, сколько будет возможно. Когда это произойдёт, собрание должно восторженно скандировать: «Да здравствует императрица!»

Шаула мысленно представила себе это. Она стоит на сцене, а внизу море людских лиц, и все эти люди дружно хлопают, кричат и безумствуют от того, что просто видят её. Будет круто.

Оба мужчины по мечтательному выражению на лице женщины поняли, о чём она задумалась. Тейлор, указав на Шаулу лёгким кивком головы, подмигнул философу — дескать, смотри, я был прав, она в восторге. Ник закатил глаза, намекая, что он это понял и без подсказок капитана Очевидность. После короткой паузы, ушедшей на эти мимические представления, Тейлор снова заговорил:

— Пятое. Армия. Ты, Шаула, обязательно будешь пересекаться с разного рода военными, каждый из которых в равной степени мнит себя главнокомандующим. Каждому ты будешь намекать на то, что хочешь развивать внутренние миры. И что на каждом из них будет своя база, а соответственно и свой командир. Истерия вокруг тебя будет вызывать серьёзный скепсис у старого офицерья, и вот тогда ты применишь тактику детской игры в «кто лишний». Кто захочет ухватить креслице, тот побежит по кругу — по твоим правилам.

На этот раз слова Тейлора погрузили в глубокую задумчивость Ника. Не то он представлял себе, как генералы бегают вокруг детских стульчиков, не то мысленно поимённо прикидывал, на кого из старой гвардии можно положиться. А Тейлор, между тем, добрался до последнего и главного:

— Ну, а потом, императрица, ты начнёшь принимать извинения у миров и колоний. Твой путь во дворец должен быть не революцией, не переворотом — это должно быть возвращение Единственной Диноры. Ты отлучилась — ты вернулась, и всё идет своим порядком.

По прогнозам аналитиков Федерации, если какая-нибудь из вменяемых Динор сейчас вернётся домой, ей с вероятностью за семьдесят процентов удастся возродить единую империю. Особенно при условии очевидного публичного доказательства своего происхождения от Самой Первой Диноры.

Тейлор извлек из внутреннего кармана небольшой плоский ящичек, приоткрыл крышку и показал Нику и Шауле содержимое. На чёрном бархате покоилось кольцо из серебристого металла с рыжим резным камнем в центре.

Шаула порывисто выхватила кольцо из футляра и мгновенно одела его на средний палец левой руки. Изящный профиль, выступающий из матовой поверхности, словно осветился изнутри золотистым огоньком. Ник охнул.

Тейлор дал предполагаемой императрице полюбоваться кольцом пару минут, а потом встал и мягко, но решительно отобрал его у Шаулы. Прежде, чем философ успел вмешаться, между его возлюбленной и гостем завязалась небольшая потасовка. Тейлор легко уворачивался от кулачков беснующейся женщины, а Шаула молотила воздух и ругалась как никогда в жизни:

— Грязный ворюга! Сволочь!! Ты снял его в опочивальне с мёртвой Диноры!! Негодяй! Я — Единственная Динора! Это моё кольцо!! Отдай немедленно! Мерзкая свинья!! Я императрица!! Я тебя казню! Я тебя засужу! Отлай!!

Нику едва удалось оттащить жену в сторону. Когда Тейлор отсмеялся, он протянул Шауле открытую ладонь:

— Я хочу заключить с тобой сделку, императрица. Ты получишь свой Великий мир, провозгласишь себя Единственной Динорой и наденешь это кольцо на праздничной церемонии.

Шаула порывисто вздохнула, но Тейлор неторопливо

и веско продолжил:

— Но я хочу получить кое-что взамен. Позже, когда ты восстановишь дворец и его окрестности, мне будет нужно нечто, что сможешь дать мне только ты. То, о чём никто, кроме нас троих, не будет знать. Такое крошечное, беспомощное, хлопотное, шумное, но... бесценное.

После тягостной минутной паузы Шаула догадалась, и её лицо отразило крайнее недоумение. Но она всё же пожала протянутую руку.

53. Художества

Исполинский корабль уносил Ника и Шаулу от одной жизни к другой, но как бы быстро не двигалась космическая лепёшка, путешествие тянулось во времени, и это время заставляло путешественников нервничать. Ник привёл в порядок все свои записи, но в этом не было смысла — он всегда поддерживал их в порядке. Шаула перемерила всю одежду из гигантской кладовки, в которой были свалены кучи платьев и разных тряпок, но не нашла ничего достойного единственной Диноры. Тейлора они почти не видели — он пропадал в недрах тарелки. Шуточки Эдуарда быстро приелись, а его занудные лекции по истории Великого мира навевали сон.

До прибытия в точку первой встречи Диноры с будущими подданными осталось несколько дней, когда Тейлор решил вернуться к обсуждению программы действий. Два дня он медленно и обстоятельно рассказывал свой план, заставляя Шаулу и Ника заучивать важные моменты. Ник понимал, зачем Тейлор это делает, но не мог сосредоточиться. Что он точно заучил, так это детали обстановки одного из контрольных пунктов корабля. Всего таких пунктов на тарелке было не то семь, не то

девять, и любой мог работать как центральный и единственный. Но Тейлор предпочитал именно этот.

Здесь было несколько свитков, прихваченных в качестве сувениров с Эрина. И два десятка маленьких фарфоровых фигурок слонов-людей — подарок короля кханеш. Под потолком болталась плохо покрашенная модель древнего самолёта — всё, что осталось от большой научной лаборатории. А в углу стояла ваза из полупрозрачного белого камня. Ник предположил, что это — подставка для зонтиков, но потом подумал, что концепция зонтика если и знакома Тейлору, то сугубо теоретически.

Лишь к концу второго дня лекций Ник обратил внимание на листок бумаги, прилепленный к обшивке кусочком пластилина. Выбрав момент во время одной из пауз в обсуждении состава нового совета оракулов, Ник подошёл поближе и рассмотрел рисунок.

Несколько уверенных сильных линий складывались в портрет девушки, чуть повернувшей голову на чей-то оклик. Девушка улыбалась, но улыбка казалась печальной, словно кто-то развеселил её, но не избавил от грусти. Рисунок был очень хорош — никаких лишних деталей, никаких подштриховок и каляк-маляк, только самая суть образа. Ник расправил рукой листок. Теперь ему стало понятно, что девушка не столько грустит, сколько болеет. Лицо было худеньким, и ласковая улыбка детских губ резко контрастировала с глубиной безнадёжно-тоскливого взгляда.

Естественный вопрос «Кто она?», рвавшийся с губ, Ник успел не задать. Не спрашивай, не подумав, хочешь ли ты знать ответ. Это было одной из часто повторяемых прописных истин учителя Александера. Вряд ли Тейлор снизойдет до объяснений. А если снизойдет, захочет ли Ник узнать, что где-то в Галактике существует настоящая девушка с такой улыбкой? И с проблемами, благодаря которым её милое личико удостоилось сомни-

тельной чести красоваться в берлоге его друга.

Ник успел подумать, что не следовало бы привлекать внимания Шаулы к листку, но в этот самый момент Шаула в свою очередь прижала болтающийся край рисунка рукой. Ник почувствовал острое любопытство жены, и в нём воскресла боль ревности. Почему Шаулу интересует эта девушка? Не потому ли, что она связана с Тейлором? Отбросив некрасивые мысли, Ник приобнял жену и потянул её прочь. Но Шаула не поддалась:

— Симпатичная девушка. Тонкая романтическая натура?

Тейлор качнул головой:

- Нет.
- Наверняка, любительница поэзии.
- Это вряд ли.
- Поет чистым голоском жалостливые песни.
- Не уверен.
- А в чём уверен?

Тейлор задумчиво уставился на Шаулу. Поиграв в гляделки с будущей императрицей, он спокойно изрёк:

— В том, что беседа не имеет смысла.

Ник сделал предупреждающий жест, однако Шаула не собиралась сдаваться:

— Память об особенном приключении?

Тейлор встал и нагнулся над столом. Не глядя на женщину, он ехидно ответил:

— Угадала.

Ник решительно дёрнул жену за руку и указал на дверь. Шаула высвободилась и с лёгкой досадой продолжила доставать Тейлора:

Дева-воительница, значит.

Чёрные глаза легко разгадали причину досады. Наследница Диноры нисколько не сомневалась, что и она способна воевать не хуже других дев. Вот только случая в её жизни не представилось...

Держа в руках новый рисунок, Тейлор подошел к Нику и Шауле. Вручив Шауле лист, он отцепил портрет грустной девушки, аккуратно отлепил кусочек пластилина, затем смял лист и отбросил его в угол.

Шаула зачарованно смотрела на новый рисунок. Она понимала, что видит своё собственное лицо, но одновременно восхищенно и жадно изучала незнакомку, чей облик складывался всего из нескольких линий. Женщина на новом рисунке была больше, чем она сама. Это была Великая Динора, какой она хотела быть.

Ник двумя руками схватился за край листа, но Тейлор не дал парочке завладеть рисунком. С помощью комочка липкой массы он прикрепил рисунок на то же место, что и предыдущий, и небрежно попросил:

— Посторонитесь чуток.

Шаула была готова сдернуть рисунок, но Ник немного сердито отвел её в сторону, примерно представляя, что может последовать. Отойдя к дальнему столу и стянув с него бластер, Тейлор с разворота и с закрытыми глазами прожёг выстрелом переносицу портрета.

- Ты что? С ума сошёл? взвизгнула Шаула.
- Тренируюсь. Формирую рефлексы.
- Ты псих! Маньяк ненормальный! Лечиться надо! С этими словами Шаула выскочила за дверь. Ник пробормотал что-то неразборчивое и отправился следом.

Тейлор остался в одиночестве — подбирать в уме цветистые определения для собственного идиотизма. Так проколоться мог бы ученик начальной школы, но не мало-мальски мыслящий человек. Как он мог забыть про рисунок?!

Подняв скомканный листок, он расправил его, подмигнул грустной девушке, а потом порвал рисунок на клочки, которые чуть позже сгорели в очаге большой кухни модуля номер восемьдесят пять.

54. Молитва обречённого

Площадь старого Кудесинска, некогда бывшего мощным центром огромной провинции Великого мира, но теперь заметно состарившегося и потерявшего блеск, заполнялась народом. Кто-то просто пришёл поглазеть, кто-то собирался поиграть мускулами, но были и те, кто рассчитывал дать волю своим инстинктам. Деятельность оракула Нептикуса Улётикуса вызывала в правящей верхушке планеты серьёзную озабоченность, и кое-кто из тех, кто успел вкусить сладкий и развращающий плод абсолютной власти, был готов на всё, чтобы сохранить за собой право и дальше наслаждаться этим вкусом.

Нептикуса описывали по-разному, но в большинстве случаев речь шла о крупном мужчине с величественной осанкой и гордой посадкой головы. Собравшиеся на выступление были несколько разочарованы тем, что оракул выглядит куда как проще и невзрачнее.

Нептикус вышел на небольшое возвышение, на скорую руку собранное из подручных материалов ещё во времена империи, да так и оставшееся сомнительным дополнением собрания архитектурных шедевров, расположенных по периметру замощённой брусчаткой площади. Окинув взглядом аудиторию, он быстро вычислил трёх своих потенциальных убийц. Ещё один собирался наблюдать за развитием событий из окна, наиболее удобного для снайперской стрельбы. Судя по всему, снайпер был вооружён старинной винтовкой. А на таком расстоянии «синий купол» от пуль не спасал.

Парочка провокаторов лыбилась, предвкушая возможность организовать массовую драку. Бедняги не понимали, что собравшихся маловато для действительно красивой провокации. К тому же примерно половину толпы составляли женщины.

Приглядевшись к лицам потенциальных сторонниц будущей императрицы, Нептикус вздохнул. Серый слой. Пришли, потому что все пришли. Оделись так, как все одеваются. Думают так, как партия и правительство повелели. В этом их слабость, но в этом и сила. Они уверены в том, что мыслят свободно, сильно и красиво. Отчасти это так и есть, ведь им не приходилось задаваться базовыми вопросами бытия, они сразу получили ещё в детском саду готовые правильные ответы и теперь сосредоточены на выполнении программ получения личного достатка и построения личного счастья, хотя и в рамках общественной концепции приоритета мнения коллектива над точкой зрения отдельного индивидуума.

Небольшая перестройка программы, и всё будет так, как они всегда втайне хотели. То есть так, как скажет оракул.

Эх, девчонку бы сейчас поцеловать... Ласковую, сероглазую...

Вздохнув, Нептикус красивым жестом скинул мешающий капюшон, тряхнул головой, протянул руки вперёд, и над толпой поплыла вязь слов древней молитвы. Тех слов, что ещё не успели забыть те, кто впитывал их с молоком матери, с первых детских шагов, со школьных парт.

Те, кто ждал от оракула зажигательных политических памфлетов или страстных призывов к новой жизни, оказались беспомощны перед лицом древнего слова. Успокаивая, убеждая в лучшем завтра, даря надежду и веру, Нептикус объединял множество людей одним речитативом размеренной и уверенной речи.

Опускались уже нацеленные в голову оракула бластеры, расслаблялись собранные в пружину тела, растворялась в светлых созидательных посылах агрессия и злоба. И когда Нептикус провозгласил последний клич приветствия Диноре-богине, толпа в едином молитвенном

порыве опустилась на колени.

Вслед за Нептикусом на трибуну влез неприметный мужчина с рябым лицом. И затянул пафосную речь о том, как же хорошо было жить в эпоху строительства светлой империи. Речи с призывами к порядку, к справедливости одна за другой полились с трибуны, и ораторы всё громче, всё увереннее, всё веселее призывали покончить с произволом и анархией.

Нептикус забрался в шлюпку, припаркованную на маленькой стоянке у бокового переулочка. Ник встретил оракула патетичным восклицанием:

— Первый шаг сделан.

Упав в маленькое кресло, Нептикус пробормотал:

- Давненько я таких фокусов не откалывал.
- Оно и видно. Разошёлся-то. Хоть сейчас на икону.

Хмыкнув, Нептикус ехидно парировал:

- Князя Тьмы? На икону? Молчал бы лучше...
- Сам молчи. Особенно про Князя.
- Дай выпить что-нибудь. И покрепче. Башка трешит.

Протянув Нептикусу бутылку с местной алкогольной отравой, Ник сдержанно заметил:

- Забыл я, как ты умеешь людей зомбировать. Едва сам на колени не плюхнулся. А вон тот чудик, что в первом ряду, так с поклонами расстарался, что уже и лобик расшиб.
 - Он же в мантии. Другим пример подаёт.
- Больно неистово он за дело Диноры болеть начал. Кажись, забыл, зачем сюда пришёл. Как бы не пришлось потом обратную прочистку мозгов всем проводить.
- Сопротивленцы всем клистеров навставляют, вот и будет прочистка.
- Три главных сопротивленца коленками брусчатку массируют.

Нептикус чуть нахмурился и покачал головой:

— Ты что, нельзя так небрежно о людях. Вон тот высокий лысый с мордашкой угрюмой нашим первым адептом будет. Такие же меня в своё время в имперских лабораториях допрашивали.

Ник не сдержал любопытства, смешанного и с ужасом, и с благодарностью:

— Тебя ппы-пытали?

Спокойно, будто речь шла о повседневных мелочах, Нептикус ответил:

— Меня? Нет. Меня бесполезно пытать. Но можно на моих глазах пытать ребёнка. Это вдвойне весело. Ребёнок же ничего не понимает, просто орёт и визжит, слезами обливается.

Уже подозревая жестокий ответ, Ник, заикаясь и волнуясь, спросил:

- Ккакого ребёнка?
- Ну как какого? Рыженького, чуть неловкого, с упрямым подбородком. Лет пятнадцати. Грудь уже отросла, а мозги ещё не включились. Умница Шаенна... Ты должен её помнить.

Ещё бы Ник не помнил. Трудолюбивая и амбициозная Шаенна. Скрытная и начитанная девочка с очевидным интеллектуальным превосходством над сёстрами. Не такая яркая и позитивная, как Шаула, не такая воинственная, как предпоследняя Динора, но... несомненный индекс А.

Нервно сглотнув, Ник вдруг почувствовал, как вокруг похолодало. Нептикус же равнодушно продолжил:

- Я понятия не имею, как из той лаборатории выбрался. И чем оракулов убогих зомбировал — не знаю. У меня какие-то нейроны заклинило...

Острое чувство вины пронзило Ника, а Нептикус никак не хотел останавливаться:

— Шаенна была второй твоей любимицей после Шау-

лы. Но ты не позаботился о том, что с ней будет после твоего бегства. Её допрашивали о тебе, о Шауле. Её подвергли отвратительным тестам, проверяя, не соблазнил ли ты её. Наконец, её просто стали мучить, чтобы надавить на меня.

Спрятав лицо в ладони рук, Ник тщетно пытался избавиться от образа рыжей девочки, которой было так много дано, но ничего из этих данностей не сбылось.

Нептикус с горьким вздохом признался:

Вообще, я собирался сделать императрицей её.
 Но фишки легли в вашу пользу.

Некоторое время поразмышляв, Ник уверенно предположил:

- Ты собирался сам стать императором.
- Ник, ну какой из меня император, а? Я такого наимператорю, историки вовек не разберутся. К тому же у императорства побочный эффект есть риск быстрой потери трона вместе с жизнью. А мне спасать свою жизнь... ой, как поднадоело. Не хочу я тронов. Я хочу, чтобы про меня все забыли.
- Не выйдет. Уверенно брякнул Ник, и Нептикус грустно кивнул головой:
 - Знаю.

Митинг на площади сбавил накал речей, поутих, а потом и вовсе незаметно прекратился сам собой. Немного встревоженные силовики, прибывшие на площадь с проверкой, не обнаружили никакого криминала и поспешили доложить об этом в вышестоящие инстанции.

Но первое семя идеи уже было брошено в весьма благодатную почву. Оставалось ждать всходов и цветения.

55. Объятие императрицы

Выступление Нептикуса Улётикуса в столице независимой Тундрякии получилось неровным и нервным. Начинала сказываться усталость оракула. Запал и вдохновение первых митингов иссякли, повторяться надоело, а впереди было ещё множество миров, ждавших своего часа приобщения к сказкам прекрасного имперского будущего. И всё же Нептикус дотянул до более-менее внятного завершения мероприятия, после чего быстро покинул арендованный для его выступления концертный зал.

Вестибюль небольшого, но роскошного особняка оказался пуст. Нептикус только грустно вздохнул, прикинув, что ему самому потребовалось бы минут семь на то, чтобы найти и угрохать потенциальную императрицу. Но своей головы всем не приставишь.

Шаула встретила оракула в холодной голубой гостиной. И сам приём был холоден. После короткого сообщения о том, что очередной митинг прошёл в высшей степени удачно, она неожиданно спросила Нептикуса:

- Я получила сообщение, что позавчера ты был на Галтансине. И твоя речь произвела незабываемое впечатление. Ты не мог быть там. И всё же был. Как ты всё успеваешь?

Оракул пожал плечами:

Надо — и успеваю.

Обменявшись с оракулом ещё несколькими столь же бессмысленными фразами, Шаула встала и подошла к Нептикусу вплотную. Обвив шею мужчины, женщина приникла к нему, а потом провокационно заёрзала телом, подталкивая к тому, чтобы мужчина обнял её — хотя бы ради того, чтобы удержаться на ногах. Оракул не сделал ни одного ответного движения, устояв и сохранив на лице

приветливо-невозмутимую маску.

Отпустив его, Шаула с вызовом, и в то же время растерянно спросила:

— Ты не хочешь меня?

Пожав плечами, Нептикус холодно ответил:

— Это не вопрос хотелок, императрица.

Вспыхнув, Шаула начала мучительно подыскивать резкий и гневный ответ, но тут оракул легко перехватил её за руку и спокойно-доброжелательно поинтересовался так, будто речь шла о неважных политических делах:

— Что с тобой происходит? Зачем тебе эти выходки? Разве тебе плохо с Ником? Ты же любишь его. Разве есть кто-то, способный сравнится с ним?

Шаула вытащила свою руку из хватки оракула и надменно сообщила:

— Мне хорошо, но я помню, что может быть... иначе. Улыбнувшись, Нептикус не то посоветовал, не то распорядился:

— Ты императрица. Выбери любого мужчину. А потом другого. И третьего. Скоро ты поймешь, что всё примерно одинаково. Но не заставляй Ника мучиться твоими изменами. Будь умнее и оставь его в счастливом неведении относительно своих сексуальных экспериментов.

Отодвинувшись и чуть сведя брови, Динора заявила:

— Ты закрутил роман с Медеей. Ты соблазнил Анжелику. Ты обесчестил Автелею. Ты, наконец, даже с Ниилицей переспал.

В этих словах, которые должны были стать осуждающим приговором, заметно прозвучали нотки и зависти, и некой претензии, и смутной надежды. Развязно ухмыльнувшись, Нептикус не стал отпираться:

- Я пытаюсь доказать себе, что всё примерно одинаково.
 - И получается?
 - Никто из твоих фрейлин не интересуется мной как

мужчиной. Медея тащится от мантии оракула. Анжелике нужны деньги. Автелее нужен решатель всех житейских проблем. Ниилица ищет славы. А тебе хочется проверить, сможешь ли ты управлять мной посредством секса.

Губы Диноры чуть дёрнулись, выдавая мгновенно вспыхнувший гнев женщины, но после короткой паузы оракул добавил:

— Проверять нечего, милая Шаула. Так уж повелось в этом мире, что Князь Тьмы сам себе император.

Длинные пальцы Нептикуса скользнули по пышной причёске Диноры и ласково погладили бархатную щёчку женщины. Другой рукой оракул смело притянул женское тело к себе. Закрыв глаза, Динора подставила губы под поцелуй, но оракул медлил. Ненавязчиво вытерев пудру с пальцев о лиф платья, Нептикус легко чмокнул Динору в щёку и прошептал ей на ухо:

— И я не хочу оскорблять тебя сравнением с другими. Ты же не хочешь быть одной из многих? Ты единственная и неповторимая Динора. Оставим это так навсегда, хорошо?

Динора оттолкнула мужчину, прожгла его гневным взглядом, вздёрнула голову и царственно выплыла из гостиной в один из своих будуаров. Оракул пожал плечами, усмехнулся и направился в другую сторону, в коридор. Но, едва он нырнул под закрывающую проход портьеру, ему в лоб нацелился бластер Николауса:

— Сволочь ты.

В усталых глазах Нептикуса рассыпались разочарованные осенние листья. Медленно отведя от себя ствол оружия, он грустно ответил:

- Спасибо на добром слове. А я, можно сказать, благородство души проявил.
 - У тебя нет души.

Подумав над этим заявлением, оракул абсолютно серьёзно спросил:

- A то, что в черепушке всё время чешется, разве не душа?
 - Это черви-паразиты выедают твой мозг.
- Жуть какая. То-то я думаю, почему паштет из ушей временами лезет.

Ник сморщился и сделал вид, что сплёвывает:

— Тьфу!

Нептикус, не спеша, обощёл друга и уже сделал несколько шагов прочь, но потом вернулся, и встряхнул его за плечи:

— Послушай меня! В твоей ревности нет смысла! Шаула любит тебя. И только тебя. И всегда будет любить одного-единственного мужчину в этой вселенной. Тебя!

Несчастный взгляд Николауса попытался понять, говорит ли Нептикус искренне, или замусоривает его уши спасительной ложью. Друг, вместо того, чтобы подарить ему надежду, лишь добавил сомнений в его мучительные попытки разобраться в себе и понять любимую.

— Но она любопытная, темпераментная женщина. К тому же императрица. Она будет изменять тебе. Телом, но не душой. И ты будешь счастливым, если проведёшь границу между любовью и сексом. Позволь ей изменять, но не позволяй ей переходить эту границу.

На секунду прервавшись, подбирая слова, Нептикус заговорил медленнее и спокойнее:

— Я навсегда разрушил твой мир, и та, которую ты любишь, никогда больше не будет милой и послушной девочкой. Но это жизнь, Ник. Нельзя остановиться и жить в одном и том же мгновенье. Она выросла, и она получила то, к чему всегда стремилась, хотя и неосознанно. Она — это империя, политика, власть, заговоры. Или ты любишь её такой, какая она есть, или признаёшь, что у тебя кишка тонка остаться рядом с такой женщиной.

Николаус, тщетно пытаясь успокоить сердцебиение усилием воли, чуть дрогнувшим голосом спросил:

- А ты останешься рядом с ней?
- Нет
- Кишка тонка?

Нептикус улыбнулся и согласился:

— Ага.

Ник горько вздохнул, понимая, что сам напросился на эту очевидную издёвку. Очень искренне и проникновенно он сообщил другу:

— Я тебя ненавижу.

Оракул лишь кивнул в ответ:

Знаю.

Вслед торопливо уходящему Нику Улётикус легкомысленно помахал рукой. И, подождав, пока он скроется, смачно, с чувством выругался. Ну и какого рожна надо было из-за удовольствия на несколько минут так осложнять себе жизнь? Ну, покувыркался с Динорой. Ещё чёрт знает когда. И что? Да ничего особенного. Только разыгравшееся чувство собственности у императрицы, неизлечимая обида у друга, и неловкое копошение червяка под названием «совесть» в собственной черепушке. И всё это — сейчас, в этой реальности и этих обстоятельствах.

Не стоило оно того.

56. Имперский дух

Шумный Литокополь вольготно раскинулся на бескрайней равнине, когда-то щедро дававшей свой кусок земли любому желающему, а теперь поделенной на клочочки, каждый из которых стоил целого состояния. Нынешний город преуспевал и множил богатства своих обитателей не за счёт плодородной земли, давно спрятанной под домами и покрытиями транспортных площадок, а за счёт выгодного положения планеты, куда естествен-

ным образом стекались товары, люди и деньги Великого мира.

Политические потрясения не повлияли на великолепие и роскошь возводимых зданий, но внимательный взгляд Нептикуса, объехавшего окраины, поторчавшего на рынке и зашедшего в несколько магазинов, подмечал крохотные трещинки неизбежного упадка. Хорошо жить на перекрёстке торговых путей. Но если эти пути истончаются и теряют значение, перекрёстку тоже не выжить.

Аристократический особняк одного древнего рода сподвижников Диноры встретил Нептикуса неприкрытой неприязнью и всеми возможными проявлениями великосветского снобизма. Но оракул вёл себя мило и непринуждённо, не обращая внимания на поджатые губы, замечания и придирки швейцаров, дворецких, горничных, секретарей и всех тех, кто осуществлял миссию сопровождения Нептикуса от входных дверей до помпезного зала. В зале ещё только начинали собираться разные важные особы, некогда значившие очень много в иерархии Великого мира, теперь утраченного и оплакиваемого.

Терпеливо дождавшись всех опаздывающих и задержавшихся, Нептикус неторопливо и веско изложил всё то, что уже порядком намозолило ему язык. А потом подытожил:

— Имперский дух — это вы, это та элита, которая проносит национальные и государственные идеи через время и расстояния. И кому, как не вам, должно принадлежать право определения пути Великого мира в будущее?

Собрание стариков рассматривало оракула, будто говорящую обезьянку в зоопарке. Один из старикашек, тряся головой, возразил гостю:

— Но эта Динора... Она ничему не обучена. Она неправильно воспитана. Она не понимает элементарных вещей.

— Так научите её. Воспитайте. Объясните ей элементарные вещи. Или вы это сделаете, или кто-то другой — тот, кому будет наплевать на нашу историю и нашу славу. Нам выпал великий шанс открыть новую эпоху, от нас зависит, что будет завтра.

Казалось, что слова Нептикуса уходят в пустоту, как вода в песок пустыни, но один из старичков на прощание коротко кивнул оракулу:

— Я готов сыграть в эту игру. Передай Диноре, что она приглашена на день рождения бабули. Через месяц в нашей резиденции. Я представлю её бабуле, а там решу, стоит ли игра свеч.

Нептикусу пришлось сосредоточиться на том, чтобы не выдать своего изумления фактом того, что у этой престарелой мумии есть бабуля.

Наскоро перекусив пирожком из попавшегося на глаза ларька, Нептикус поднялся в небольшой конференц-зал затрапезного здания торговой палаты. Его речь перед тремя десятками мужчин со схожими выражениями лиц была посвящена возможностям деловых людей в новой империи:

— Вы — новая элита Великого мира. Вы — носители нового имперского духа. Вы можете и должны потеснить стариков с титулами в тех областях, которые требуют свежего и молодого взгляда. У вас есть Динора с желанием перемен, и вы можете, наконец, стряхнуть со своей шеи ярмо древних законов. Вы можете объяснить лично императрице преимущества и перспективы ваших идей.

Хозяин большого производственного концерна скептически перебил оракула:

- Красивые слова. Но зачем нам империя? Мы выжили без Диноры.
- Вас выкинули с рынков Федерации, и вы платите колоссальные пошлины за торговлю с римециями.

С вами разговаривают свысока, вас обманывают, вы не выиграли ни одного дела в галактическом арбитраже. Вы никто.

Дельцы обиженно загудели и засобирались восвояси, встреча закончилась вроде бы ничем. Но волшебным образом в карманах оракула оказалось штук пять визиток тех, кто не хотел афишировать своей заинтересованности новыми историческими поворотами. Лишь хозяин концерна веско и во всеуслышание заявил:

— Я буду первым в этой гонке. Я встречусь с Динорой. Оракул лишь простодушно улыбнулся в ответ.

Вечер застал Нептикуса в компании крепких молодых мужчин, спорящих о ерунде. Сильные и амбициозные молодчики азартно делили должности ещё не существующей империи, нисколько не сомневаясь в том, что именно им достанутся и слава, и деньги, и власть. Оракулу оставалось лишь иногда поддакивать возбуждённым парням.

- Непти, а ты обещаешь, что она даст нам особый статус?
- Я не могу ничего обещать за неё. Но с ней у вас есть шанс хотя бы поговорить об этом. В текущий момент истории вы можете предъявлять свои требования лишь памятникам.
- Мы выкинем эти памятники на свалку истории! И мы заставим наглых торгашей поделиться награбленным! Мы построим новую империю!

Нептикус невозмутимо соглашался со всеми лозунгами:

— Выкинете. Заставите. Построите.

Улучив момент, он обратился к самому старшему из всей компании мужчине:

— A вы сомневались, полковник. Посмотрите, ведь вот же он, неукротимый имперский дух. Жив-живёхонек.

Эпохи мелькают, а ему хоть бы хны.

- Ты толкаешь нас в гражданскую войну.
- Вы и без меня умираете в этой войне. А твои ребята готовы заплатить своими жизнями за то, чтобы остальные вышли на парад, бряцая новыми орденами. На парад в честь того, кто остановит бессмысленные грабежи и бойни, кто внятно скажет, куда идём и чего хотим. Этот кто-то может быть военным диктатором или революционным вождём твоим ребятам наплевать на конкретные словесные финтифлюшки. Я предложил им императрицу и Великий мир. И им это подошло. Ведь им так хочется доблестного сражения и славного мира потом.
 - Ты искушаешь нас кровью.
 - Но ведь вы жаждете именно крови.

Полковник одарил оракула неприязненным взглядом, но ответный глубокий чёрный взгляд был полон понимания и даже некоторого раскаяния. И желание врезать провокатору само собой растворилось в неожиданной горечи осознания того, что оракул прав. Нептикус же, уловив перемену настроения собеседника, расслабился. Бить не будут. Что не может не радовать.

Вкратце набросав военный план с очевидными «дырками», оракул отбыл восвояси, оставив крепких ребят потешаться над своей военной неграмотностью и разрабатывать куда более сложные и действенные планы.

Лишь к полуночи оракул добрёл до невзрачной общаги, в одной из комнат которой его ждала невзрачная постель. Устало плюхнувшись на старое жёсткое одеяло и расшнуровав высокие ботинки, мужчина лёг и вытянулся во весь рост.

На пустой стойке для аппаратуры болтался прилепленный листок, рисунок на котором был почти неразличим. Но Нептикус словно наяву увидел добрую улыбку чумазой девчонки. Заложив руки за голову, оракул улыб-

нулся в ответ и устало отчитался мысленному фантому.

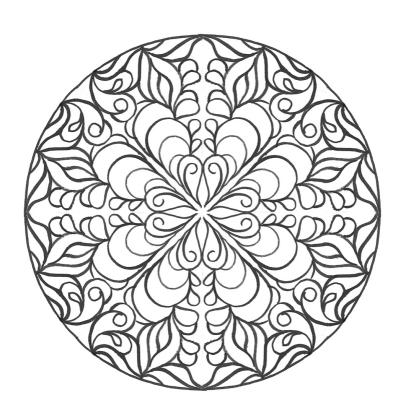
Всё хорошо, Сероглазка. Всё по плану. У меня всё получится. Ну, почти всё... Промахнулся твой супермен и нелегал в одной простой мысли. В бога сыграет на «отлично», а вот простым смертным стать не получится. Но ничего не поделать, всё равно придётся доделывать начатое. Не бросать же целую империю на произвол судьбы...

Сероглазка чуть нахмурилась, и в голове оракула прозвучал тихий, ехидный, но вместе с тем ласковый голос: «Дурачок».

И Нептикус в ответ пожелал: «Доброй ночи, моя звёздочка».

Через несколько секунд мужчина крепко спал, не подозревая, что как раз в это время происходит эпическое сражение фрейлин императрицы Диноры, вошедшее позже в исторические учебники как «Митинг четырёх красавиц». По мнению историков, красавицы продемонстрировали сильный и неукротимый имперский дух, но на самом деле банально оттаскали друг друга за волосы.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ * ДЕЛО НАЁМНИКОВ

57. Злачное местечко

В карантинную зону Огайтеллы вплыл тонкий крошечный кораблик, в просторечии обычно называемый «иглой». На «игле» обнаружился требуемый идентификационный чип, пилот назвал действующий пароль, имена двух своих поручителей, и кораблику разрешили пристыковаться к орбитальной станции. «Игла» небрежно причалила к узкой платформе, и на металлический пол станции спрыгнул худощавый мужчина в чёрном комбинезоне.

Пиратская столица встретила гостя скукой и рассеянностью. Былые лихие денёчки планирования больших набегов и дележа хорошей добычи ушли навсегда. Последние неудачи пиратских компаний заставили многих джентльменов удачи искать места перспективнее и богаче. Федерация вытеснила пиратов с окраинных земель, Союз Римециев перекрыл удобные сквозные тоннели через ойкумену, смута в Великом мире выплеснула на дороги империи Диноры большое количество авантюристов всех мастей, и старым пиратам Огайтеллы оказалось слишком сложно конкурировать с бандами молодых отморозков.

центральной Пройдя аллее, ПО гость свернул в небольшой тупичок, легко преодолел два пролёта ступенек крутой лестницы и смело толкнул тяжёлую дверь, обшитую толстыми стальными листами. В баре было темно и тихо. На станции не было режима суточного времени, одни заведения работали в режиме постоянной полуночи, другие предпочитали жить в вечном «файф-оклок». Но кабак с немудрёным названием «Пуля мертвеца», однажды застряв во времени «после полудня, когда в баре никого нет», так и остался навсегда в сонной послеобеденной дрёме.

В центре зала в кресле спал наёмник. Чуть сползший на лицо капюшон толстого свитера заслонял половину его лица, вытянутые и удобно разложенные на небольшом столике ноги ясно показывали, что сон их обладателя крепок и здоров.

Гостя эта картина не обманула, он знал, что его «срисовали», когда он только подходил к повороту в нужный переулок. Приблизившись к сонному наёмнику, он чуть наклонился, приобнял его за плечи и ласково проворковал на хурунди:

— Дорогая Серенушка, позволь белой пташке запечатлеть на твоей щёчке нежный поцелуй?

Женщина чуть развернулась, сладко потягиваясь, и в переносицу мужчины нацелилось оружие. Грустно вздохнув, он развёл руки в стороны и уже без кривляния заметил:

— Не обязательно сразу наставлять на меня пушку. Я, между прочим, ничего такого и не сказал.

Отведя оружие, женщина внимательно изучила лицо мужчины:

— Нда, Птерис. Неважно выглядишь. — Кивнув на соседнее кресло, Серена спокойно предложила. — Садись, выпьем. Я уже и чёрное платьишко прикупила, и паричок для вырывания волос приготовила. Потратилась, понимаешь ли, а оказии всё это на твои похороны приодеть не предвидится. Облом-с. Напьюсь с горя.

Сверкнув белозубой улыбкой, Птерис ехидно ответил:

- Я компенсирую твои убытки. Куплю тебе платье. Розовое. В белый горошек.
 - Ты что, на тяжёлую наркоту перешёл?
 - На психоделические грибочки. Где все?
 - Где-то здесь.
- Собирай народ, у меня есть сумасшедшая работёнка.

Женщина нахмурилась и с подозрением спросила:

- Кому-то придётся играть в овоща?
- He-а. Мы отправляемся завоёвывать Великий мир.

Разочарованно вздохнув, Серена горько и риторически спросила:

— У тебя макушка зачесалась? По короне соскучилась? Тебе напомнить, чем предыдущая примерка короны для тебя кончилась?

Поморщившись, Птерис махнул рукой:

- Не надо. Мне той прививки от корон до конца жизни хватит.
 - Тогла зачем?

В синих глазах мужчины блеснули весёлые искорки:

- Князю Тьмы приспичило поиграть в бога.
- Нигде больше этого не повторяй.
- Хорошо. Скажем иначе. Злой гений Тейлор Аквинорский, движимый тёмными помыслами и укорами внезапно обнаруженной совести, решил подремонтировать одну из конструкций этого юнивёрсума, в некотором прошлом им самим и разрушенную. А поскольку этот недотёпа вечно влипает в передряги и неприятности, за ним требуется внимательный присмотр толковых людей с оружием.
- Смешно. Колись, что на кону? Несгораемый ард? Планета-дворец? Клон-наложница в услужение?

Птерис отрицательно покачал головой:

- Всему своё время.
- Знаешь, однажды ты научил меня одной замечательной штуке. Называется «дыба». Доисторический способ получения информации. Но всё ещё работает.

Скорчив кислую физиономию, мужчина куда-то в воздух заметил:

- И почему я не научил тебя вязать шарфики?
- А ты умеешь?

Хихикнув, Птерис ответил:

- Для того, чтобы учить, самому уметь не обязатель-

но. Но да, я умею. Одна ведьма научила. В порядке обмена магическим опытом.

— Иди, поднимайся в люкс, девочки тебя покормят и постель приготовят, поспишь пару-другую часиков, а там и герои наши соберутся.

Птерис подмигнул наёмнице и воркующим шёпотом спросил:

— О! Я тронут до глубины души. А составишь мне компанию в постели?

Серена окинула мужчину скептическим взглядом:

— А ты, цыпа, сможешь хоть что-нибудь в постели?

Состроив обиженную гримаску, мужчина ответил:

— Я всегда могу всё в постели.

Кивнув головой, женщина тоном, не допускающим возражений, утвердила:

— И сегодня это всё будет здоровым крепким сном.

Птерис разочарованно вздохнул и поплёлся наверх. Серена догнала его у дверей люкса и совсем другим тоном, встревоженно спросила:

- Ты виделся с Дарием? Когда он вернётся? Почему так редко выходит на связь? Ты наверняка знаешь, кто эта важная пациентка, возле которой он торчит? Кто решил, что она так важна? Зачем Дарий остаётся рядом с ней?
- Пациентка важна, и Дарий сам это решил. Что с ней не так, я не знаю. Время от времени Дарий опрокидывает на меня порцию медицинских ругательств, и каждый раз я понимаю, что несчастная вот-вот скончается в ужасных муках. Её точит примерно тысяча разных болезней, и поэтому оторваться от неё Дарий никак не может.
 - У них близкие отношения?

Усмехнувшись, Птерис рассыпал саркастические вопросы:

— Неужели ты ревнуешь? И кого? Скромного доктора, которого едва удостаивала взглядом? Нелепого роман-

тика, чьи простые подарки тебе не нравились? Незаметного тихоню, не умеющего танцевать и веселиться в толпе?

Серена, вздохнув, тихо призналась:

- Я люблю его.
- Отлично. Но причём здесь я? Скажи это ему.
- Ну как ты не понимаешь? Я не могу. Поговори с ним ты. Спроси, вдруг он привязался к этой пациентке? Пойми, я не хочу ничего портить, я смирюсь, я только хочу знать, что он счастлив. Вдруг она не понимает его? Вдруг не всё потеряно? Я прилечу куда угодно, но я не хочу помешать. Вдруг у них серьёзное чувство?

Птерис на пару минут замер, размышляя над этаким поворотом событий. Потом энергично покачал головой:

- Нет. Я не готов к апокалипсису.
- Я, вообще, серьёзно.
- Это, конечно, странно. Но я тоже.

Шесть сосредоточенных наёмников заняли свои места за большим круглым столом. Серена демонстративно выждала, пока вся компания усядется, а потом заставила всех двигаться, чтобы освободить ей место.

Заспанный Птерис, зевая, следил за вознёй, дожидаясь, пока суматоха прекратится. В установившейся тишине он с чуть карикатурным пафосом объявил:

— Великий мир будет нашим. Мы поможем единственной Диноре, законной правительнице Великого мира занять подобающее место во дворце и на троне. И получим от императрицы всё, что только могут пожелать ребята вроде нас.

Высокий и широкоплечий гигант гулко задал вопрос, который первым возник у всех присутствующих:

- Зачем нам помогать Диноре?
- Потому что мы за мир.

Изящно сложенный мужчина с тонкими чертами лица

хмыкнул и выдвинул предположение:

— Ладно, сознавайся, ты полюбил кого-то из клонов, и мы умрём ради красивых девчачьих глазок?

Птерис перебил возникшие смешки и скабрезные замечания одной спокойной фразой:

— Оплата терраглинием. — В резко наступившей тишине он веско добавил. — Четыре кирпичика... — и после паузы медленно припечатал, — каждому.

Семь пар внимательных глаз уставились на Птериса с явным сомнением. Но он уверенно улыбнулся и приступил к изложению плана:

- Мы повторим шутку, которая так понравилась всем на Эрине. Оракул Нептикус Улётикус более-менее раскрутился до весьма влиятельной персоны в самых разных кругах. И с этого дня каждый из нас и все мы вместе будем Нептикусом. Улётик войдёт в легенды как величайший оракул.
- Как мёртвый оракул. Замечание толстого и неуклюжего с виду наёмника немного разрядило напряжение за столом. Птерис кивнул:
- Разумеется. В конце заварушки мы этого героя, как-нибудь трагически погибшего, похороним.

В разговор вступил пожилой мужчина с коротко подстриженной стильной бородкой:

- Ага. Ты на Эрине в эту игру знатно сыграл. Чутьчуть до похорон не дотянул.
 - Ну так выгорело ведь?
 - Это морда у тебя тогда выгорела.
- Совсем не сгорела. Можно ещё проверить на прочность.

Мужчина, заметно превосходящий всех остальных габаритами тела, задумчиво постучал пальцами по столу, что вызвало вибрацию столешницы и заставило всех остальных умолкнуть. Свой вопрос великан сформулировал коротко и по существу:

- А кто императрицей будет?
- Настоящая Динора. Тот клон, которого федералы опоздали поймать на Критосе. Она уже репетирует зажигательные речи.

Наёмники весело зашушукались. Махнув рукой на изящного хохмача, Птерис распорядился:

— Жан полетит со мной. В качестве почётного прикрывателя моего тыла.

Жан расплылся в издевательской улыбке:

— А где у тебя тыл, командир? Я никакого тыла на тебе не замечаю. Где окорочка? Где филейная часть? Где мясцо? Тут и прикрывать-то нечего.

Хмыкнув, Птерис перешёл к следующим указаниям:

— Воевать будут люди империи. Но нам надо отслеживать их важные операции. Паклин будет координировать поставки, на Кобате — организация охраны караванов. Темпо, ты на связи с вольной торговлей, они помогут нам на переправах и коротких мостах. Серена, на тебе шпионаж и провокации. Надо заняться прессованием людей в мантиях и войти в доверие к оппозиционерам. Гео согласовывает действия остальных.

Люди зашушукались, на стол легли карты, схемы, таблицы и всевозможные документы с самой разной информацией.

— Нашей дальней базой будет сто шестнадцатая верфь на Кшаффре. Там «медальону» удобно парковаться к спутнику, и оттуда есть удобный отход к Нейтполису. Основной базой будет Косторима, но тарелка туда подходить не будет. Деньги будут прокачиваться через Бримус, я уже договорился.

В сонный и застоявшийся воздух бара словно ворвался свежий ветерок. Слова Птериса уводили наёмников из опостылевшего городка, обещая приключения, славу, деньги:

- Если всё получится, вы обретёте нигде не записан-

ное, но всем известное право творить в Великом мире то, что заблагорассудится. Если кто-то захочет осесть на большой земле, ему останется только выбрать эту большую землю. Если кто-то захочет денег, их будет столько, что и за всю жизнь не истратить. Если кто-то захочет власти, достаточно будет намекнуть об этом.

Началось бурное обсуждение возможностей и вариантов, но возмутитель спокойствия уже не принимал в нём участия. Кивая головой и поддакивая спорщикам, он мысленно составлял послание Дарию. Послание выходило многословным, пустым и очевидно бесполезным. Только голова разболелась.

58. Наёмники на привале

Правительство Принты, отказывая послам новой Диноры, впервые за много лет продемонстрировало удивительное единодушие. Суверенная Принта не потерпит возврата старых имперских порядков. Независимой Принте не нужны орды чиновников-нахлебников где-то в далёком космосе. Свободная Принта не собирается кланяться какой-то там новоявленной императрице.

К сожалению, с этим мнением не согласилась кучка оголтелых поклонников былых времён, которых поддержала значительная часть населения. Известие о том, что корабли новой Диноры пройдут неподалёку от Принты, и что у Принты есть шанс принять великую императрицу, привело к взрывным реакциям в неустойчивых мозгах. А следом и к вооружённому конфликту между монархистами и республиканцами.

С медленным наползанием темноты перестрелка постепенно стихла. Две воюющие группировки занялись

передислокацией и планированием завтрашних атак. С севера к периметру лагеря монархистов скользнуло несколько транспортников, с юга, изящно уворачиваясь от ленивых выстрелов орбитальной системы защиты, к базе подрулил небольшой «богатырь». Высокий и широкоплечий наёмник в форме федеральных вооруженных сил, а также толстячок в неопределённом камуфляже подошли, чтобы встретить явно измотанного мужчину в классическом костюме. Костюм в некотором прошлом был белым и пижонским, но теперь представлял собой сложную палитру грязевых разводов, приправленных пятнами крови. Вместо приветствия толстяк неодобрительно заметил:

— Вот только комка перьев нам здесь не хватало.

Сверкнув улыбкой, Птерис спрыгнул на землю и с трудом вытащил за собой тяжёлый ящик:

— Конечно, не хватало.

Окинув весёлым взглядом толстяка, он шагнул к нему и попытался обнять, искренне заявив:

— Георгинчик, я рад тебя видеть.

Похлопав друга по плечу, толстяк полушутя, полусерьёзно заметил:

— А уж я-то как рад, что вообще могу видеть.

Высокий наёмник подозрительно покосился на привезённый груз и спросил:

- Что это за праздничный пирожок?
- Это, Темпо, не пирожок. Это весомые аргументы.
- Они стреляют?
- Не совсем. Это Шато де Бугендаль. Из года весёлых муравьёв. Ухмыльнувшись сморщенным физиономиям друзей, Птерис пояснил. Завтра начнутся переговоры местных упрямцев с Улётикусом, посредником в улаживании конфликта. Не может же он пить на торжественном приёме во дворце губернатора те кислые сливки, что заменяют здесь алкоголь?

- И где ты разные «шато» берёшь?
- Сам смешиваю.

Темпо, разглядывая ящик, прокомментировал это объяснение:

— Между прочим, слухи ходят, что Улётикус — хронь алкоголическая.

Птерис поразмышлял пару секунд над этим заявлением, потом пожал плечами:

— Он оракул. Ему можно.

Оглянувшись в открытый шлюз, он махнул куда-то в глубину корабля:

- Я, кстати, привёз пяток мантий и шапочек. Померяйте, кому подойдут. Мне потребуется сопровождение. Купола возьмём, оружие оставим. И в случае чего будем проверять беговую подготовку.
- A почему Улётикус не хочет под мантию бластер нацепить?

Улыбнувшись, Птерис объяснил:

— Он оракул. Его оружие — слово.

После церемонии приветствия каждого человека в немногочисленном отряде и первой коллективной дегустации привезённого вина Птерис присел на стопку кирпичей рядом с Гео и непринуждённым светским тоном спросил:

— И чего же от тебя хотели федералы?

Толстяк пожал плечами:

- Можешь посмеяться, но я и сам толком не понял.
- Перескажи, посмеёмся вместе.

Ухмыльнувшись до ушей, Гео торжественно произнёс:

— Они спрашивали, собираюсь ли я участвовать в битве века между Князем Тьмы и Демоном Рассвета. И если да, то на чьей стороне.

Если у Птериса и были предположения относительно темы допросов друга, мифические битвы в них явно

не вписывались. Недоумённо посмотрев на приятеля, он медленно попросил:

- Ещё раз повтори. У меня что-то нейрончики тормозят.
- Объясняю. Некий старый провидец изрёк непреложную программу нашего светлого будущего, в которой один монстр должен надавать по морде другому. Без этого наше будущее представляется туманным и не очень светлым. И Совет полон решимости эту программу исполнить. Многоуважаемые Советники подошли к проблеме со всей аккуратностью и педантичностью старой школы. Составили список демонов и опрашивают их на предмет составления графика соревнований.

Птерис сдавленно хихикнул, и Гео добавил:

— Тебе смешно? А мне вот долго соображать пришлось. Добрые федералы мне на выбор предложили бокс, дзюдо и карате. А у меня с любой такой гимнастикой некоторые проблемы.

Всхлипнув, Птерис, уже не таясь, рассмеялся:

- Гео, а почему Совет решил, что бой будет кулачный? Может, монстры чем-нибудь острым друг в друга кидать будут? Или перестрелку затеют? На крайний случай, могут ведь и чем-нибудь планетарного масштаба жахнуть?
 - Не-е, это низ-зя. Это не по классике жанра.

Отсмеявшись, Птерис погрустнел и уже серьёзно заметил:

— Компания выживших из ума бездельников мыслит категориями детских сказок, напрочь забыв, что такое власть, и что с ней делать.

Гео выразительно пожал плечами, и Птерис вернулся к теме разговора:

- Что ты ответил насчёт участия в эпической битве?
- Что предпочту на время битвы эмигрировать в пояс Зелёных миров.

- И сколько понадобилось греума для выуживания из тебя столь бесценных сведений?
- Фу, греум. Бери этажом выше. Три дозы зен-проовила.
- В синих глазах Птериса проскочила тревога, но вопрос прозвучал ехидно:
 - И зачем ты с ребятами увязался?
 - За компанию.
- Приляг вон там, в уголочке, отдохни. Мы тебя потом на шлюпку откатим.

В шутливом предложении была только доля шутки, но Гео лишь взмахнул руками:

— Нет уж, обойдусь.

Пристальный взгляд изучил лицо друга, затем Птерис спокойно спросил:

- Кто из федералов тебя допрашивал?
- Эйнлжел Уайт.
- Вот это неожиданно. С каких пор люди Крюга занимаются наёмниками?
- Я так понял, что это светлое чудо пишет диссертацию о жизни и деятельности Александера Аквинорского. И собирает фактический материал о самом известном творении великого гуманиста. Да-да, и не смотри так. Может, это только моё пост-наркотическое видение мира, но у меня сложилось ощущение, что Эйнджел тоже примеряет доспехи Демона, готовясь к великой битве с Князем.

Птерис недоуменно вытаращил глаза и покрутил пальцем у виска. Гео улыбнулся и кивнул, соглашаясь с бредовостью только что изложенного.

— Что ещё?

Подтянув ноги и деловито стряхнув налипший на штанину кусочек грязи, Гео медленно и беззаботным тоном не то спросил, не то поддразнил:

— Знаешь, что Эльфа волновало всерьёз, прямо-таки

до трясучки?

Птерис наконец-то продемонстрировал нетерпение, быстро спросив:

- Ну? Не тяни!
- Какие отношения у тебя с Тейлором.

Птерис внимательно уставился на друга:

- В смысле?
- Есть ли между вами романтическая искра. Поцелуи там, муры-амуры, нежные признания и всякое такое.

После очередного ступора наёмник грубо выругался:

Иди ты...

Гео объяснил:

— В войне на Эрине злой гений Тейлор Аквинорский и террорист номер один Птерис запалились на том, что готовы самоотверженно помогать друг другу. То, что в войне участвовали люди Птериса, однозначно указывало на его заинтересованность в победе варваров. Собственно, никто ничего другого от Птериса и не ждал. А вот то, что на головы всем воюющим едва не село галактическое блюдце Тейлора, оказалось знатным сюрпризом и для изрядно обделавшихся варваров, и для цивилизованно запачкавших штанишки федов. То, что злой гений и террорист мало того, что знакомы, так ещё и действуют заодно, изрядно напрягло Совет.

Яркий синий взгляд террориста вспыхнул смесью возмущения и веселья:

— Никто так и не понял, что произошло? Забавно.

Растянув губы в широкой издевательской улыбке, Гео добавил:

- Ты к соревнованиям начинай готовиться. Старый провидец ясно выразился: равный, такой же. При всём уважении к потугам Эльфа, пока он на такое сравнение не тянет. А вот ты очень даже.
 - 97!
 - А кто же ещё? У Птериса в списке демонов шестой

номер.

Пауза тянулась и тянулась. Гео с улыбкой наблюдал за размышлениями друга, и, наконец, Птерис медленно и тихо сообшил:

- Вообще, логично...
- Что тут думать? Ты шестёрка, цыпа.

После ещё одного пятиминутного молчания, Птерис спросил:

— И что мы не поделим до такой степени, что сцепимся в драке?

Гео снова ехидно ухмыльнулся и растолковал:

— А ничего. Не знаю, насколько старый маразматик понимал, что делает, но он своим бормотанием выписал Князю охранную грамоту. Пока Князь не угробит Демона, его самого убивать-то и нельзя. Сначала он должен спасти галактику. Так что злому гению не надо ничего делить. Ему достаточно агит-флажкок предъявить с надписью «За галактику!». После чего он может прибить террориста номер один без особых размышлений и под бурные аплодисменты всех цивилизаций.

Птерис погрузился в размышления. Гео, зная, что друг придумывает различные варианты развития событий, молча ждал, пока тот придёт к решению. Наконец, синие глаза блеснули весёлым вызовом:

— Знаешь, а это ведь круто. С какой стати разные недоумки замахиваются на мои лавры? Сопля этот Эльф. Я буду Демоном. Страшной и ужасной угрозой всей галактике.

Гео ошеломлённо посмотрел на друга, а потом рассмеялся:

— Твоей ужасной угрозой будет то, что галактика помрёт со смеху.

Птерис подождал, пока друг перестанет ржать, и вернулся к расспросам:

— Почему федералы тебя отпустили?

Толстячок улыбнулся до ушей и признался:

— Я пообещал сдать Эдуарда.

Птерис недоверчиво переспросил:

- И федералы тебе поверили?
- Конечно. Я же сказал «честное слово».

Наёмники снова дружно рассмеялись, и перешли к обсуждению завтрашних переговоров.

Переговоры Нептикуса с правительством независимой Принты прошли в высшей степени успешно. Оказывается, воюющие стороны не вполне поняли друг друга. Сторонники императрицы и не собирались покушаться на суверенитет Принты, а правительство ни в коем случае не хотело оскорбить великую Динору.

Группа поддержки Улётикуса из трёх оракулов немного пугала губернатора и его окружение, но сам Нептикус казался дружелюбным и немного не от мира сего. Безоружный и искренне удивляющийся разным достопримечательностям переговорщик выглядел милым и приятным человеком. А уж его подарок потряс руководство Принты. Подумать только, где-то в галактике люди до сих пор пьют настоящее вино.

Монархисты сложили оружие и незаметно исчезли в общей массе жителей Принты. Суверенная планета ещё более незаметно оказалась в кольце торговых и таможенных соглашений, которые закрепляли её зависимость от империи. Губернатор и правительство отпраздновали победу. Нептикус Улётикус отбыл восвояси, оставив о себе самое благоприятное впечатление. Но церемония проводов прошла скромно, её участники воспринимали мир через сложную завесу мутно-алкогольных ассоциаций и образов, и не многие смогли сосредоточиться на происходящем.

Нептикус помахал всем рукой и скрылся внутри «богатыря». Встретивший его Гео задраил люки, отдал

команду на старт и недовольно заметил:

— И зачем ты в это ввязался.

Фальшивый оракул поднял вверх указательный палец и назилательно ответил:

- Новая жизнь. Мир в ойкумене.
- Завязывай с дегустациями. Однозначно.

Подоспевший Темпо тяжело вздохнул и попросту перекинул пьяного оракула через плечо.

59. Теоретики демонизма

Тарелка казалась пустой и необитаемой. Но Темпо знал, что это лишь фокус восприятия. Войдя в командный центр, он устало плюхнулся в одно из кресел:

— Ты доигрался, цыпа. Эти психи полезли на рожон. Птерис отложил в сторону пачку карандашных рисунков и пожал плечами:

- Хорошо. Рожон у нас крепкий, пусть залезают и удовлетворяются.
- Поубиваются же. Кто Диноре ключи от столицы вручать будет?
 - Да кто захочет, тот и вручит.
 - А как же битва за Обдолбайск?
- А будет битва? Я полагал, что пара месяцев осады успешно перевоспитает всех сопротивленцев. Ты же знаешь, я не люблю битвы. Все эти вперёд-бегом-верхом изрядно притомляют. Да и тельце штопать удовольствие ниже среднего.

Темпо ехидно усмехнулся и высказался:

— А я думаю, что на битву за Обдолбайск надо призвать Князя Тьмы. В том самом чёрном костюмчике. И в шлеме с рогами. И так, чтобы стрелял Князь с двух рук из каких-нибудь смертельно-страшных базук. Чтобы

у вражин поджилки спиральками сворачивались от одного вида того, как Князь в одиночку шагает по полю битвы. Невозмутимо и неотвратимо. И чтобы под конец этого шествия бросил бы Князь оружие так красиво в разные стороны, а вражины склонились бы перед ним на колени и признали бы его неограниченную власть над побеждённым миром.

Птерис неприязненно поморщился:

— Не вкурил. А мы что, на планету спускаться будем? На что нам выходы Князя, да ещё и с базуками? Давай попростому жахнем чем-нибудь из тарелки? Или зависнем сверху, да и прострелим пару диаметров? Любым поджилкам спиральки милыми завитками покажутся.

Покрутившись туда-сюда, Темпо риторически вопросил:

- Знаешь, почему в этом космосе такой бардак?
- Потому что демон времени не понимает элементарной концепции часов.
 - Потому что все демоны лентяи.

Хихикнув, Птерис ответил:

- Мантию поправь, теоретик демонизма. Пригодится ещё, оракулов запугивать. И мы, Темпо, вовсе даже не лентяи. Мы своё простое дело уже сделали. Теперь Динора справится сама. Или не справится, но в этом случае ей никакие выходы с базуками не помогут. История возьмёт своё.
- И ты позволишь истории отклониться от великого плана? Уж мне-то не рассказывай. Прибереги слова для проповедей.

Птерис поморщился и после паузы спросил:

— Никак не решу, она красивая?

В ответе Темпо прозвучала уверенность и некоторое недоумение из-за того, что такой вопрос вообще мог прийти кому-то в голову:

- Конечно, красивая. Иначе она не стала бы импера-

трицей.

Птерис подтолкнул ворох рисунков к приятелю:

— Я про Сероглазку.

Темпо подтянул к себе пачку рисунков, быстро перебрал их и вернул на место с чуть ехидным замечанием:

- Да уж, какие базуки, когда стрела младенца с волшебным луком пронзила холодное сердце злого гения. И срикошетила в мозг.
 - Тебя ничего в ней не цепляет?
- Может, и зацепило бы, но я ничего о ней не знаю. А гадать не хочу.
 - Красота не зависит от знания.
- Это рисунки. Субъективное отражение внутреннего видения. Возможно, в жизни Сероглазка намного красивее, но в ней нет доброты, которую отчаянно ищет карандаш. Возможно, она обыкновенна, и карандаш придаёт глубины и выразительности её глазам в попытках создать красоту там, где её нет.
 - Хочешь сказать, что она другая?
- Разумеется. Здесь она выглядит уставшим ребёнком. Но выживание на Аллое не оставило и следа от этой детскости. Кем бы она ни была, она повзрослела, поумнела, познала боль, почувствовала, как приятно быть жестокой. Конечно, она другая. Может, и красивая, но другой красотой.

Серьёзное высказывание Темпо вызвало весёлую отговорку Птериса:

— Есейкин паровоз... И что ж ты в проповедники не пошёл, как собирался?

Проигнорировав смешок друга, Темпо строго спросил:

— Ты когда последний раз обедал?

Задумавшись и смутившись, Птерис с некоторым вызовом заявил:

Я обедал.

Вздохнув, Темпо начал стряхивать друга с кресла:

— На голодный желудок да о красоте трепаться. Пойдём, я тебе блинчиков сделаю. А там, глядишь, и столица сдастся.

Птерис грустно вздохнул, но подчинился.

60. Улётная победа

Шаула вымеряла шагами небольшой зал, выложенный каменной мозаикой ещё в эпоху какой-то из первых Динор. Набойки ботинок создавали мерное цоканье, которое и успокаивало императрицу, и отдавалось в ушах набатом неизвестности. Где-то за дальними орбитами шёл бой. Где-то решалась судьба нескольких окрестных систем. Где-то решительные мужчины играли в свои военные игрушки. А императрице оставалось только демонстрировать имперское спокойствие.

На экранах в углу зала отражались сводки, но смысла в них не было — ситуация менялась быстрее, чем поступала информация. И всё же Шаула машинально выхватывала глазами положение крейсера, командиром которого назначила мужа. Ник быстро набрал авторитет и среди военных, и среди оракулов, и среди торговцев, но Шаула знала, что за этими успехами незримо маячит тень Нептикуса Улётикуса. И одна эта тень значила куда больше всех слов и договоров Ника. Ник словно не замечал этого, но Шаулу в последнее время всё больше настораживала власть Тейлора — и власть не на бумаге, власть живая, реальная.

Тейлор умел вести за собой и уговаривать, ломать барьеры предубеждений и льстиво кланяться, Тейлор решал, кто и что будет делать в тот или иной момент времени, и Тейлор не считал нужным отчитываться за свои

действия. Но то, что казалось естественным в начале большой игры за империю, теперь сидело в мыслях императрицы сомнением в том, какую цель преследует сам Тейлор, возводя её на престол. Он запросил, конечно, нечто несусветное в качестве платы, но это же нельзя рассматривать всерьёз? Чего добивается Тейлор, возрождая Великий мир? Зачем он восстанавливает то, что сам же и разрушил?

Распахнулась дверь, и в зал вошёл человек в абсурдном одеянии. Мантия оракула и большой защитный шлем с зеркальной поверхностью создавали слишком непривычный диссонанс. Небрежно швырнув бластер на стол, и сняв шлем, Тейлор устало улыбнулся и подмигнул женщине:

— Всё, Шаула. Мы победили. Великий мир наш.

Вошедший за другом Ник в простой мантии казался слишком бледным, но вместе с тем и более величественным, более подобающим важности событий. Подойдя к женщине, он стащил с рук перчатки, а затем легко опустился на одно колено, спокойно отчитываясь:

— Сопротивление мятежников полностью подавлено, ваше императорское величество. Дорога к трём большим мирам свободна. Вы можете отправляться в путешествие к столице. Народ с нетерпением ждёт вашего возвращения. Армия счастлива служить своей единственной императрице. Совет оракулов верен однажды данной присяге и готов отстаивать ваши интересы.

Шаула стиснула руки и глубоко вздохнула. Всё. Теперь она единственная императрица. Императрица Динора! Императрица Великого мира!

Тейлор вытер подолом собственной мантии грязь с руки и весело заявил:

— Чур, Шаула, первый танец на балу победы — мой. Покружимся в вальсе?

Надменно вскинув голову, Динора напомнила:

- Оракулы не танцуют на балах. Во-первых, им не положено по статусу. Во-вторых, партнёрши случайно запутываются в мантиях.
- Обижаешь, императрица. Чтобы я да случайно запутал девчонку в мантии? Я могу только сознательно её запутать. Потом проще закинуть её на плечо и оттащить в укромный уголок. Для бесед, не положенных по статусу.

Ухмылка Тейлора заставила Шаулу отвернуться. Ник нахмурился и вернул разговор к патетическому началу:

Ты победила, великая Динора. Великий мир — твой.

Великая Динора повторила слова мужа эхом, впитывая всем существом волшебный смысл столь приятных, столь важных слов:

— Я победила. Великий мир — мой.

Тейлор поймал взгляд Ника и, выпятив вперёд подбородок, состроил патетически серьёзное лицо. Потом изобразил царственное движение головы — не то кивок, не то вздрагивание. Вытянув губы, он неслышно пару раз ими чмокнул, изображая неожиданно спесивое выражение лица Диноры.

Ник не улыбнулся, хотя и понял иронию друга. Оракул печально прощался с хорошей девочкой, которая стремительно исчезала под налётом властности, надменности и сознания собственной значимости. Единственная Динора вернулась, в этом не было никаких сомнений. Но Ник знал, что всегда будет тосковать по своей милой Шауле.

Мягкие и вкрадчивые слова Тейлора прозвучали неприятно для впавшей в эйфорию императрицы:

— За тобой должок, Динора.

Гордо кивнув, императрица высокомерно ответила:

- Я исполню обещанное. Дай только немного навести порядок.

Несколько секунд Тейлор изучал изменившееся лицо женщины, осознавшей свою власть над звёздными мирами и обитаемыми планетами. Ухмыльнувшись и развязно подмигнув, он согласился подождать:

— Я не тороплю. Просто напоминаю.

Махнув рукой, Тейлор исчез за дверью. Динора повернулась и задумчиво не то спросила, не то посоветовалась:

— Почему бы нам его просто не убить.

Ник грустно усмехнулся и в тон ответил:

- Не знаю, как тебе, а мне пожить ещё охота. Подойдя к окну, он невольно залюбовался панорамой города, и медленно объяснил. Тейлор просчитал эту мысль в твоей голове ещё до того, как сел к нам на Критос. Он не снимает «синий купол». И носит на тебе три вида оружия. Не считая того, что, по крайней мере, один профи из его команды человек Птериса. Да-да, Шаула, того самого Птериса.
 - Кто именно?

С выверенной интонацией замаскированного под равнодушие восхищения Ник ответил:

- Жан. Тот благородного вида парень, что изображает этакую безответную любовь к великому оракулу, чистому душой и телом. Блестящий спектакль, но я вот знаю, что красавчик мастер подстраивать случайные смерти и внезапные катастрофы. Он вовсе не домогается Тейлора, он его охраняет. В том числе и от женщин.
 - Оракула охраняет гей? Смешно.
- Серьёзно. Тебя уже дважды спасли от покушений. И Жан совсем не гей, в чём некоторые болтающиеся вокруг тебя девчонки давно убедились. Жаль, что ты была с ним высокомерна и груба. Он отказался остаться здесь, хотя я предложил ему личный дворец, титул, денег и даже должность в университете.

На лице Диноры вспыхнули пятна румянца. Ник холодно поставил её перед фактом того, что делает такие

предложения по своей инициативе и без обсуждения с ней. Правительница Великого мира чуть скривила губки:

Скажите, пожалуйста, я была высокомерна.
 Я императрица!

Ник деланно улыбнулся:

— Надо заметить, у него отлично получается тебя передразнивать.

Милая девочка Шаула встретила любимый и любящий взгляд дорогого Ники, и вдруг поняла, что пришло время прощаться с погружённым в книги и размышления домашним мужчиной, которого интересуют лишь битвы прошлого. Великий оракул Николаус Венциус выиграл войну за империю, и теперь значил в иерархии мира не меньше её самой. Грустно вздохнув, Шаула взяла мужа за руку и тихо предложила:

- Давай никуда не пойдём?
- Мы не можем остаться. Мы победители. Нас ждут триумфы и чествования.

Сладкий, но короткий поцелуй оракула поселил в сердце императрицы лёгкую тревогу. Но потом она переключилась на мысли о предстоящем победном пествии.

61. Финиш героя

Пролетели дни быстрого перемещения по мирам, планетам, континентам, странам. Настал и день приезда Единственной Диноры в летнюю резиденцию. Никаких осложнений появление императорского корабля и кортежа не вызвало. Великий мир, потрясённый периодом смут и нестабильности, уверенно возвращался к старым традициям. Динору встретили со всеми необходимыми

церемониями.

Ник отправился изучать парк. Когда-то он знал в нём каждую тропку, и теперь подмечал изменения, которые внесло в пейзаж время. Здесь дерево упало, там дорожка заросла. К его приятному изумлению домик лесника оказался в полном порядке. Кто-то из верных имперскому духу служащих не позволил этому причудливому сооружению стать добычей грабителей.

Войдя внутрь, Ник всё же обнаружил некоторые потери. Исчез большой ковёр, пропало несколько картин, на месте старинного бюро осталось лишь пустое место. Но в целом, всё сохранилось.

Сзади раздался тихий насмешливый голос:

— Уютное гнёздышко для просмотра кандидаток на должность одевательницы носочков. И почему все так боялись этих носочков?

Ник не отреагировал на неожиданное вторжение. Сказывалась выработанная в детстве привычка в случае чего неподвижно замирать истуканом. Пару раз вдохнув и выдохнув, он повернулся и небрежно заметил:

— В написанном мной списке дворцовых должностей одевательницы носочков не предусмотрены.

Тейлор усмехнулся и кивнул в тёмный угол помещения:

- A скобы в стене ещё остались. Хоть сейчас верёвки прикручивай.
 - И зачем тебе всегда надо всё портить?
 - Харизма такая. Я же злой гений.

Злой гений выглядел измотанным и больным, тёмные тени под глазами выдавали его усталость. Плюхнувшись на изящную козетку, Тейлор вытянул ноги и широко зевнул. Подавив импульс швырнуть что-нибудь тяжёлое в друга, обеспечившего ему победу, Ник спокойно увёл разговор в другую сторону:

- Народ ропщет, что главный герой новой империи

избегает праздников.

Отмахнувшись, Тейлор отказался от признания своих заслуг:

— Ни-ни-ни, я ни в коем случае не герой, можешь смело присвоить себе все мои геройства. К тому же я едва на ногах держусь. Мне бы поспать часиков тридцать. — Ещё раз зевнув, он добавил. — Герой приплыл к финишу.

Вздохнув, Ник с ноткой горечи признался:

- Прости, я не смогу выполнить одну твою просьбу. Тейлор вопросительно посмотрел на оракула:
- А именно?
- Птерис не получит индульгенцию. Федералы согласны оставить в покое его банду, но не его самого. Я могу предоставить ему убежище, но не могу гарантировать безопасности. Полагаю, моя суета может лишь повредить ему. И если не федералы, то римеции сведут с ним счёты.

Пожав плечами, Тейлор равнодушно заметил:

- A-а, это уже неважно. Планы переигрались. Вся банда свалила на Орхидею, так что можешь умыть руки перед федералами.
 - Мне жаль.
 - Тебе всё равно.

Ник медленно покачал головой, отвергая это безапелляционное заявление:

— Да нет. Я знаю, что вы с Птерисом больше, чем просто знакомы. Ты увёз его на «медальоне», когда он подставился на Эрине вместо тебя. А его наёмники свалились на бегужанцев с неба, когда ты погряз в разборке в Тандан-сити.

Тейлор задумчиво и в сторону заметил:

Мы отлично ладим.

Ник только вздохнул:

— Он жесток. И очень опасен.

Улыбка Тейлора расползлась, что называется,

до ушей:

— Птерис будет польщён такой оценкой. Но ты забыл кое-что важное. Он честен. Верен своему слову. И заботится о своих людях.

Оракул несколько раз сжал и разжал пальцы рук, а потом, тщетно пытаясь скрыть волнение, спросил:

— Верный друг? И благородный враг?

Чуть поморщившись, Тейлор переспросил:

- На что это ты намекаешь?
- Не кривляйся, ты понял.

Увидев очередную кислую гримасу Тейлора, Ник убедился, что друг отказывается обсуждать тему, но всё же попытался навязать разговор:

— Служба Безопасности собирается устроить поединок между тобой и Демоном из пророчества Александера.

Тейлор окинул друга недоверчивым взглядом, и Ник пояснил:

— Ну, не пускать же всё на самотек, кто вас там знает, договоритесь ещё, разнесёте на пару пол-галактики. Если я правильно понял идею Паскаля, то соберут вас гденибудь на отдалённой планете, стравят, опять же права на трансляцию поединка разным медиа-структурам продадут. Заодно и присмотрят, чтобы выживший ты после героической победы далеко не смылся.

Проведя рукой по лицу, Тейлор на несколько секунд задумался, но потом начал истерически хрюкать:

— Значит, это правда... Поединок? С Демоном? Из пророчества? Вот потеха... Ой, я не могу... Ну и придурки...

Выждав немного, Ник решительно заявил:

— Птерис может быть Демоном.

Всё ещё хихикая, Тейлор кивнул головой:

- Птерис может быть кем угодно.
- И то, что ты дружишь с этим негодяем, будет проблемой.

- Проблемой будет заставить нас с Птерисом хотя бы собраться на ристалище. Что же касается эпической битвы, то из этого точно ничего не выйдет. Мы с Птерисом известные пацифисты: мордобой не любим, кулаками махать не умеем, в драках полагаемся на разные подлости и мерзости. И лучше организованные заранее.
- Значит, Птерис укокошит тебя ядом за день до поединка. Подкупит кого-либо из твоих людей, ты оденешь ночную рубашечку и зачешешь себя до смерти.

Тейлор снова рассмеялся:

— Ерунда.

Ник нахмурился:

— Всё придуриваешься. А Птерис с утреца проверит, есть ли у тебя пульс, и если он вдруг найдется, поможет червякам из твоей черепушки отправиться в путешествие к душам предков.

Тейлор дополнил мрачное повествование оракула очередными смешками:

— Плавают себе такие благостные души, а тут из континуума реальности к ним червяки начинают выпадать. Да души просто обалдеют!

Начиная раздражаться, Ник строго продолжил:

— Паскаль пошёл дальше, чем все остальные. Он выращивает своего собственного Демона.

Перестав смеяться, Тейлор недоуменно почесал голову и выразительно скосил глаза к переносице. Чуть добавив в голос гнусавости и басовитости, он уточнил:

— Как странен мир. А как насчёт того, что Демон должен угрожать всей галактике? Ради того, чтобы поймать меня, Паскаль готов пожертвовать ойкуменой?

Бросив попытки окольных подходов, Ник прямо спросил:

- Ты знаешь, кто такой Эльф?
- Кто-кто?
- Да ты сообразил, можешь не переигрывать. Эйн-

джел Уайт, полковник Службы Безопасности Галактической Федерации, кавалер ордена святой Аниты, кавалер ордена Тианы, сотрудник отдела «Би», находится в личном подчинении Арлеуса Крюга. Воспитанник генерал-полковника Гавриила Уайта. Ученик и протеже Паскаля Шерера. Участник последней федеральной олимпиады, серебряная медаль по...

Тейлор коротко взмахнул рукой и перебил:

— Всё это можно изложить куда короче: белая глиста со смазливым личиком. — Чуть помедлив, он начал размышлять вслух. — Эйнджела я укокошу без проблем. В этом даже нечто символичное будет. Князь Тьмы протыкает горло Ангела-федерала. Кровь бьет фонтаном, пачкая белые одежды. Князь размазывает кровь жертвы по своему лицу, сжимает руки в кулаки и орёт так громогласно: «А-а-а!!» И его расстреливают с десяти разных точек заранее припрятанные наблюдатели. Красиво.

Представив себе нарисованную другом картинку, оракул нервно передёрнул плечами. Тейлор же серьёзно продолжил:

— Эльфу придётся ещё долго учиться, чтобы застать меня врасплох. Он, конечно, может ловко засветить мне в морду, но для этого ему надо будет ко мне подойти. А перестрелку я выиграю, и психологическое противостояние тоже. К тому же он правильный парень, а для меня правил не существует.

Ник, стараясь не выдавать своего потрясения, возразил:

- Кого ты хочешь обмануть, Тейлор? Если меня то незачем, если себя то это опасно. Ты смеёшься над пророчеством, но ты уже прикинул весь расклад по драке и тому, какой она может быть. Ты знаешь, как Эльф стреляет и сражается. Ты пригляделся к тому, что он умеет. Ты представил, как именно выиграть драку.
 - Это привычка, Ник. И обычно я не выигрываю дра-

ки, я от них трусливо сматываюсь. Потому что драться в смысле размахивания кулаками по-прежнему не люблю и не умею.

Оракул бережно расправил складки своей тёмной мантии и продолжил тему:

- Есть ведь ещё и старый пират. Говорят, у него подрос сынок, который поклялся не просто убить тебя, а вынуть из тебя душу. По кусочкам.
- То есть изгнать тех червяков, что шевелятся под черепушкой? Добрый мальчик. Но я не знал, что этот младенец выбрал нейрохирургию своей специальностью. Он уже выполз из пелёнок?
 - Ну не ёрничай ты.
 - A ты перестань нести чушь.
- Младенец был подростком, когда ты угробил Длану, а с той поры прошло уже приличное количество лет.

Бросив недовольный взгляд на оракула, Тейлор резко опроверг его слова:

- Я не гробил Длану.
- Теперь это никому не докажешь.

Тейлор зло ухмыльнулся:

— Контейнеры Коршуна всё ещё в моём распоряжении. К очередному юбилею могу организовать реконструкцию событий. Подкинешь идейку сценаристам того дебильного сериала?

Ник не удержался от эмоционального восклицания:

- Ты хранишь контейнеры?..
- Ой-ой, смотри, как ты сразу уверовал в мои доказательства.

Помолчав, Ник вернулся к обсуждению потенциальных монстров:

— А ты знаешь про...

Нетерпеливым жестом оборвав друга, Тейлор уже грустно заметил:

- Ник, в федеральном списке демонов шестнадцать

кандидатов. Если ты решил проверить меня на знакомство со всеми, то я тебе честно признаюсь, что да, я знаю про этот список, и знаю, что у многих попавших в него есть основания желать мне смерти. Также готов поклясться, что шесть демонов из списка мне незнакомы, и за какие заслуги федералы удостоили их чести стать моими личными врагами, я не имею ни малейшего представления.

Встав и взяв с низенького столика в углу тонкую бутылку, Тейлор аккуратно налил тёмную тягучую жидкость в два бокала. Протянув другу выпивку, он спокойно добавил:

- Между прочим, у тебя второй номер.
- Третий.
- Нет, старина Клюшкодай выбыл из игры. Помер.

Оракул снова не смог вовремя заткнуться, но весь вопрос не договорил:

- Ты его...
- Нет. Я за счастливую мирную старость.

Отпив вина из бокала, Ник, чуть поколебавшись, спросил:

— A почему я не первый? Почему Грэга поставили вперёд?

Тейлор одарил друга весёлым взглядом и объяснил:

- Не переживай, это чистая арифметика. Из-за меня погибла твоя сестра. И я же убил три тысячи соплеменников Грэга. Сам подумай, одна или тысячи есть всё же разница.
- Так сестра же. Не соплеменники. Тоже разница. Я чем дольше живу, тем чаще ловлю себя на желании скорректировать естественный отбор. Собрать всех соплеменников-идиотов на какой-нибудь астероид и жахнуть по нему чем-нибудь взрывчатым.

Тёмные глаза ответили грустными золотыми искорками, но затем в разговоре вдруг повисла длинная пауза.

Молчание снова нарушил Тейлор:

— Ну, спроси же, Ник. Что задумался? Давай, если я не захочу ответить, так не отвечу.

Ник поставил бокал на стол, и некоторое время следил, как успокаивается поверхность тёмной жидкости. Затем, решившись, поднял голову и в никуда огласил новую тему разговора:

— Девушка с твоего рисунка. С синими глазами.

Тейлор приподнял уголки губ в деланной улыбке:

- Я не говорил, какие у неё глаза.
- Да, я знаю.
- Её глаза меняют оттенок в зависимости от окружения и освещения. Могут казаться синими или зелёными. Но обычно они цвета полированной стали.
- Если я случайно встречу где-нибудь похожую девушку. Мне дать тебе знать?
- Я обязан предвидеть все миллионы вероятностей, чтобы однозначно ответить? Решишь сам, по обстоятельствам.
- Но она твой враг? Или женщина твоего врага?
 Она опасна?
 - Она не враг. Ни мой, ни твой.
 - A если…

Оракул не договорил, потому что Тейлор резко встал и одним махом допил вино. Аккуратно пристроив бокал с мутными разводами обратно на поднос с чистой посудой, он заторопился:

- Нет никаких «если». Мне пора. Убей меня какнибудь красиво, ладно?
 - Мы тебя поджарим в реакторе. Через две недели.

Тейлор сморщил смешную физиономию:

- Ффу-уу.
- Похороны будут красивыми. Обещаю. И я подумаю, может мы даже учредим грант имени Улётикуса. Для особо талантливых студентов академии оракулов. Улётно

получится.

— Эх, люблю гулять на своих похоронах, но некогда. Придётся как-нибудь потом сыграть в привидение.

Ник грустно улыбнулся, поймав себя на нежелании расставаться. Тейлор надоел ему до чёртиков, Тейлор раздражает, бесит, злит, Тейлора хочется попросту убить. Но так не хочется, чтобы он снова пропадал где-то далеко. Вздохнув, оракул спросил:

— За кого ты теперь собираешься воевать?

Чуть удивлённо посмотрев на друга, Тейлор отмёл это предположение:

— Я не собираюсь воевать.

Оракул не поверил в это спокойное заявление:

— Да ладно. Неужели ты не собираешься возглавить парочку армий? Не поскачешь в своей тарелке туда-сюда, оставляя за собой искалеченную логику нормальной истории? Не будешь брать в плен полководцев другой стороны, меняя эту сторону по своему разумению?

Тейлор повторил:

— Я не собираюсь воевать. Я отправляюсь учиться. — И, ухмыльнувшись потрясённому выражению лица оракула, злой гений добавил. — Никогда не поздно, как говаривал наш добрый учитель Александер.

Через пару часов тонкая «игла» стартовала прямо с мусорного полигона в окрестностях города, но Ник, узнав о хулиганском старте, распорядился ничего не предпринимать.

62. В гостях у Магистра

Маленький планетоид, филигранно встроенный в систему с желтым карликом, для неопытного глаза казался естественным порождением вселенной. Однако

Тейлор автоматически подмечал крохотные детали, выдающие искусственность происхождения планетки. И хотя приземление на бескрайний луг было детской задачкой для школяров, Тейлор выполнил все требования пилотажа с идеальной точностью. Тот, к кому он прилетел, не мог увидеть его мастерства, но это казалось важным.

Всё-таки не императрица какая-то там клонированная, не замшелый чиновник, не тупые царьки, князьки, президентики и иже с ними.

Магистр.

У хозяина планетоида не было важных званий и должностей, он не входил ни в одно из правительств ойкумены, и никогда не давал клятв на конституциях, обещая вести народы в светлое будущее. Всегда и во всех мирах оставался просто Магистром.

О немощном калеке, проводящим большую часть дня в постели, не сообщали помпезных новостей, его не упоминали в списках важных делегаций, о нём вообще не знали разные напыщенные особы. Но те, кто обладал реальной властью, знали, что среди сил, двигающих их звёздные системы по орбитам, есть воля одного человека, умеющего изменять то, что кажется предрешённым и неизбежным.

Магистр встретил Тейлора, полулёжа на гибриде кресла и кровати. Худощавый старик с белой сплошной повязкой, закрывающей верхнюю половину лица, казался абсолютно беспомощным, но Тей знал, что это впечатление соответствует действительности лишь отчасти. У порога гость помедлил, дав старику время узнать его.

Ослепший в эпоху, о которой Тейлор в принципе не мог ничего помнить, Магистр обладал невероятным слухом и сверхъестественным обонянием. Комбинация сигналов от других органов чувств позволяла ему созда-

вать образы, аналогичные тем, что давало бы зрение. Понимали это немногие, и за Магистром тянулся шлейф всевозможных слухов о колдовстве.

Чуть приподнявшись навстречу гостю, Магистр воскликнул:

— Ба! Какие люди! — И, протянув изъеденные временем руки вперёд, тут же повелительно добавил. — Дай пошупаю тебя, а то вдруг мне какую травку весёлую прописали. Для глюков успокаивающих.

Тейлор присел на кровать и бережно обнял старика. Пальцы Магистра скользнули по его лицу, осторожно лаская обветренную кожу. В замечании старика плеснулась искренняя радость:

— Живой, чертяка.

Ещё раз пробежавшись по лбу, носу и подбородку гостя, Магистр поморщился:

- Какой смазливый злодей. Я тебя таким уже и забывать стал.
 - Оракулом засветился. Вот и подправил переломы.
 - Спасибо, что не забыл проведать старую рухлядь.
- Я, Маг, можно сказать, памятью о тебе только и жил. Что ни день, уроки твои вспоминал. И без наставлений твоих давно бы сгинул без вести.

Умеющий сдерживать чувства Магистр всё же расплылся в довольной улыбке, а потом вернул радость тихой похвалой:

- Не люблю кормить твоё тщеславие. Но всё же ты молодец. Привёл ойкумену к равновесию. На пару хроносов хватит. А там другие турбулентности плясать начнут.
 - Спасибо. Рад, что тебе понравилась эта авантюра.
 Сжав руку Тейлора, Маг с лёгкой горчинкой заметил:
- Жаль, поганец Сашка сдох, некому «накоси выкуси» сказать. Поразмышляв десяток секунд, Маг добавил. Ну и что? Паскальчику, пожалуй, скажу. Пусть у него сердечко прихватит.

Улыбнувшись, Тейлор с ехидцей посоветовал:

- Да оставь ты его возиться в песочнице Совета. Пожалей старичка. У него трое молодых и прытких советников в оппозиции. Одна Чимей чего стоит. Она не просто не слушается, она ещё и закулисные интриги плетёт, решения мудрейшего опротестовывает. Дожил Паскальчик до удара временным бумерангом. Как он Вышеву травил, так его самого теперь молодняк травит.
 - Круговорот травли в природе.

Маг поёрзал на кровати, усаживаясь чуть повыше, а затем потребовал:

 Ну, рассказывай. Только, чур, сначала про девчонку.

Выслушав историю про невероятное спасение Князя Тьмы доброй Сероглазкой, их общие опасные приключения в подземном мире и счастливый полёт на чудесном летающем блюдце, Магистр тяжело вздохнул и подвёл итог:

- Хорошая сказочка. Только зря ты девчонку бросил. Тебе космос волшебную встречу послал. Такого знака с небес другие всю жизнь ждут, да не дождутся. А ты сам от дара отказался.
- Что мне надо было сделать? Потащить её с собой на войну? В тарелке? Посмотри, милая, это мой перелётный домик. Сегодня здесь, завтра там, а иногда нас ещё и обстреливают. Прислуги нет, в магазин за шмотьём не сходить, а в качестве единственного развлечения изволь послушать грубые шутки моих дружков-наёмников. Нет уж. Сейчас у Лизки всё есть. Я не хочу рушить её жизнь.
- «Всё есть» включает в себя травлю, допросы федералов и опасную славу. Её жизнь была полностью разрушена самим фактом попадания в катастрофу.
 - Она разберётся. У неё мозгов больше, чем у всего

Совета.

Маг с родительской интонацией и фальшивым сочувствием заметил:

— Да ты, дурачок, влюбился...

Тейлор, улыбнувшись, иронично переспросил:

- Что-что я сделал?
- Заболел. У тебя психическое расстройство, обычно называемое любовью.
- O! А я-то думаю, что за сквозняк в башке все умные мысли сносит. Лекарство посоветуешь?
- Обычно ты получаешь чем-нибудь тяжёлым по голове. И после нескольких дней в стеклянном домике излечиваешься.
 - Что-то этот рецепт больше не работает.
 - Тяжёлый случай. С осложнениями.

Тейлор состроил смешную гримаску, но старик продолжил рассуждения:

- Ты попался на адскую сковородку. Впервые за всю свою жизнь ты оказался человеком без масок и защитных костюмов, без громких имён и злой славы, без ауры богатства и власти. И добрая альенка позаботилась о тебе, ничего не прося взамен. Ты вкусил роковой плод чистой любви.
 - Почему же это сковородка?
- Потому что ты задумался о домике. И поразмысли на досуге, отчего ты стал столь непостоянен и требователен к своим подружкам? Почему не пользуешься результатами своих романтических манипуляций и ухитряешься бросать красавиц, даже не доведя их до постели?
- Четыре красавицы уморят кого угодно. А я и без них вымотался.
- Тебе не нужны красавицы. Тебе снится нескладная девчонка с серыми глазами. Девчонка, которая полюбила тебя, а не твою чёрную корону. Ты напрасно пытаешься забыть её ласковый взгляд. И мысль о том, что где-то

далеко она сейчас смотрит на другого мужчину, выжигает твой мозг.

Тейлор скривился, и Магистр понимающе улыбнулся. Погладив страшные шрамы на бессильной руке старика, Тей медленно выдал:

— Будь Лизка одна, я бы и не раздумывал, что делать. Моя девчонка и всё. Но для неё ребёнок — свет в окошке. Мне надо было украсть её ребёнка? И что дальше?

Маг едва заметно пожал плечами, и Тейлор горько признался:

- Сержиан очень похож на Гора. Просто копия. Смотришь на него видишь этого дерьмоплюя Гранатова. И мне хватило одного раза поймать себя на мысли о том, что хорошо бы придушить мальчишку за фиолетовый взгляд его папаши. А меня много лет мучили за мой необычный взгляд. Я не хочу стать похожим на Александера.
 - О, какой хитрый круг замкнулся. Ты его понял.
 Тейлор покачал головой:
 - Нет. Всё равно не понял.
 - Но посеянные им семена зла взошли.
- Заколосились, осыпались зерном и рассеялись по всей галактике.
- Пожалуй, что и так. Поговорим о ребусе с пророчеством? Я хоть и живу далеко от перекрёстков мира, но всё же не в полной изоляции. Я понимаю, почему ты не придал этому значения сразу. Но слухи расходятся и делают болтовню старого маразматика опасной.

Тейлор позволил себе выплеснуть немного раздражения:

— Да плевал я на пророчества. Мне хватает проблем и без этой галиматьи. Битва какая-то эпическая. Почему? Зачем? И приговор заранее объявлен — смерть Демона спасёт Галактику. Глупость. Каким образом одна смерть спасёт кучку звёздных систем?

Помедлив, Маг продолжил:

— Послушай внимательно, что я скажу. У меня было достаточно времени поразмышлять над тем, чего добивался Сашка. И я приготовил для тебя несколько уже готовых мыслишек. Тебе надо просто записать их на подкорку.

Тейлор мысленно тяжело вздохнул. Мысленно — потому что Маг улавливал любые колебания воздуха. А тяжело — потому что заранее приготовленные мысли Мага были обычно скучны, длинны и по большей части бесполезны.

Но Тей знал, что выслушает всё, что захочет сказать Магистр, и улетит только тогда, когда тот сам его отпустит. Это было самое меньшее, что он мог сделать для человека, которому был обязан слишком многим. Старик скучал в самой фешенебельной палате галактики, а поговорить по душам ему доводилось нечасто.

— Ты, дружок, терпелив, у тебя стальная выдержка, но от природы ты горячий парень. Несмотря на всю закалку временем и авантюрами, ты способен на отчаянно импульсивные поступки. И твоя уверенность в собственных силах — твоя же ахиллесова пята.

Бу-бу-бу. Тейлор осторожно занялся сложной дыхательной гимнастикой. Прости, Маг, я очень люблю тебя, но эти твои нудные речи...

— Саша был великим человеком. Но, совершив злодеяние, он оказался рабом живого воплощения своей любви и ненависти. Он отчаянно жаждал свободы, но не мог выйти из тюрьмы собственной совести. Однако я бы не придавал большого значения всей этой мистике с видениями и озарениями. Многие думают, что Саша не мог солгать тебе перед лицом смерти. Увы, вопрос не во лжи. Саша попытался нанести тебе ещё один, последний удар, провести тебя через ещё одно испытание...

Фу-фу-фу. Нет, вынести эти невозможно.

- Э-ээ, Маг, а нельзя как-нибудь покороче?
- Белое-черное, хорошее-плохое, свой-чужой, другвраг всё это абсолютные дуальности мира. Банальный бытовой конфликт двух сильных личностей вовсе не обязательно должен иметь такие пафосные причины. Злость. Обида. И ревность. Банальная глупая ревность из-за ласкового взгляда, которым одарили другого. Достаточно искры, чтобы вспыхнул огонь войны. Женщины губят этот мир.

Да-да-да, а ещё блуждающие астероиды и забытые планетоиды. Тейлор решил поддержать разговор, чтобы разбить монотонное журчание стариковского голоса иными звуками:

- Великий и ужасный Князь Тьмы душит Демона, потому что тот случайно наступил на платочек, выпавший из некоего заманчивого декольте? И это спасает галактику? Самое нелепое толкование из всех, что я слышал.
 - Зато смотри, как живо ты это обрисовал.
- И вместо эпоса получился заурядный эпизод криминальной хроники.
- Все эпосы начинаются как эпизоды криминальной хроники. Чтобы получить одинокого и непревзойденного героя эпоса, надо сначала укокошить его родителей, потом помурыжить парня в каких-нибудь застенках, и лишь после серии падений в грязь он обретёт достаточно сил и мужества, чтобы стать героем.
- Бла-бла-бла... В эпосах не пишут, сколько таких парней вырастают в форменных дебилов и моральных уродов.
- Так должны же откуда-то браться те самые криминальные хроники.

Тейлор скорчил кислую физиономию. Старик весело улыбнулся, увидев эту гримасу неведомым образом. Ста-

риковская рука описала широкий полукруг и продемонстрировала Тейлору знак победы. Маг закончил длинное вступление и перешёл непосредственно к наставлениям:

— Запомни два момента. Первое. Саша *хотел*, чтобы ты *убил* Демона. Добра он тебе не желал, а значит, победа нанесёт тебе самому мощный удар. Между тем, для спасения галактики может оказаться достаточным прострелить Демону ногу, например.

Хихикнув, Тей в тон старику высказался:

— Демон поправляется, галактика в опасности, я сражаюсь с Демоном, стреляю ему в ногу. И далее по кругу. Рекурсия.

Маг, не обратив никакого внимания на это весёлое замечание, продолжил:

— Второе. Это не очевидно, но Саша отдал в твои руки выбор того, кто будет Демоном. Ты назначаешь Демона, а потом его и убиваешь. И все довольны — галактика спасена. Но такая конструкция скрывает право на убийство без причин и оправданий. Демон приговорён просто потому, что он Демон. У него нет выбора. Ты принудишь его исполнить пророчество, хотя, быть может, в этом не будет никакого смысла.

Тейлор усмехнулся:

— Тут есть ещё занимательная проблема. Я убиваю Демона, потом вдруг обнаруживаю, что это был не тот Демон, а Демон — кто-то другой, галактика в опасности, я сражаюсь с новым Демоном... Далее по кругу. Опять рекурсия.

Гордо выпрямившись, Магистр медленно и величаво выдал:

- Окажешься возле памятника Добряку Дину, плюнь в его бронзовый лик.
 - Ой. Неожиданно.
- Одной поганой ночью мне не надо было слушать этого тщедушного мальчонку. Дал бы ему пинка, и сейчас

медитировал бы в размышлениях о тщете всего сущего.

— То есть скучал бы и мизантропствовал.

Маг попытался вернуть старые добрые времена, чуть укорив:

— Не дерзи.

Тейлор улыбнулся и взял руки старика в свои:

— Слушай, тебе надо выбираться из этой сладкой тюрьмы. Плесневеешь ты здесь в четырёх стенах. Хороши твои сиделки, но они все — церберы. А мир всё ещё прекрасен. Поехали со мной?

Неожиданное ответное пожатие Мага оказалось сильнее и резче, чем Тей мог предположить, и неровный глубокий вздох старика подсказал, что гость угадал его тайные мысли. Тейлор медленно продолжил:

— Эта ойкумена тесновата для меня стала. Я хочу проложить дорогу к рукаву Марколи. Сгоняю на Колумин, пройдусь по краю известных систем, с капитанами поговорю, карты поизучаю. А там, глядишь, и рвану к новым ойкуменам.

Губы старика застыли в мечтательной полуулыбке, и после длинной паузы Тейлор чуть подначил:

— Ну? Что думаешь?

Маг освободил одну руку, легко коснулся щеки Тейлора и широко улыбнулся:

— Представляю тебя с лопатой. Стоишь ты такой в рабочей робе на звёздном перекрёстке. Копаешь тёмную материю. Прокладываешь дорогу. Красота...

Рассмеявшись, Тей хотел было развить тему совместных приключений, но Магистр тихо и спокойно от них отказался:

— Я рад твоим добрым порывам. Но тебе не нужна обуза в виде брюзжащего овоща. Наши встречи искренни и драгоценны, пока они редки и полны новостей. Ты любишь меня на расстоянии. А вблизи возненавидишь. К тому же, кто останется присматривать за ойкуменой,

если ты умчишься искать новые земли?

Мудрые слова ранили жестокой правдой, но Тейлор понимал, что от этой правды в другую галактику не улетишь. И он, уводя беседу в сторону, непринуждённо спросил:

— A ты немножечко, совсем капельку, чуть-чуточку не присмотришь за моей Сероглазкой?

Ответный звонкий смех Мага разлетелся по комнате напоминанием о былом обаянии старика. Насмеявшись, Мак весело пообешал:

- Я присмотрю. Только ты можешь пожалеть о том, что попросил.
 - Да. Но это будет уже потом.

Разговор свернул на другие темы. Маг рассказывал об интригах внутри кланов римециев, Тейлор делился новостями, полученными от короля кханеш. Маг выдавал секреты краха недавно обанкротившейся мега-корпорации, Тей объяснял новую физическую теорию, созданную облачными сущностями.

Пришло и ушло время обеда, затем ужина. Наступило время расставания. Тейлор коротко распрощался, и его «игла» рванула к другим мирам.

С трудом поднявшись, Магистр, шаркая и трясясь, добрался до огромного панорамного окна во всю стену, за которым спускались к морю домики под красными черепичными крышами и пышные виноградники. Ландшафт был исполнен в точном соответствии с пожеланиями Мага, хотя строители видели в его требовательности лишь старческую причуду. Но звуки и запахи, вибрации и тонкие потоки воздуха дарили старику воспоминание о другом море, о других холмах и о других людях.

Магистр резко толкнул раму и вдохнул всей грудью свежий, чуть солоноватый воздух, принесённый лёгким ветерком от сонного берега. Представив себе уходящую

к горизонту лунную дорожку, которой никогда не было в этом мире, он послал мысленный привет возлюбленной, давно исчезнувшей во времени и пространстве.

Это всё ты виновата. Если бы не ты, я и ввязываться в эту канитель не стал бы. Я и пальцем не пошевелил бы ради этого несносного мальчишки. Но я вспомнил о тебе. О твоих сказках про спасение мира. И что? Где обещанное спасение? Где безмятежное счастье спокойной старости? Живу, как на действующем вулкане.

Теперь этот шалопай ещё и влюбился. И ведь ухитрился найти одну на весь космос альенку с миллионом проблем. Какое спасение, дорогая моя? Мы все сгорим в огне этих нежных чувств...

Милая женщина-сиделка подошла и мягко отвела старика к постели. Уложив подопечного, она села рядом и начала читать ему старые сказки. Магистр очень любил сказки.

63. Первый кандидат

Грэг Штокберг закончил очередную инспекцию вверенной ему больнички и тяжело вздохнул. Надо будет заказать Тейлору что-нибудь хотя бы отдалённо похожее на нормальную операционную. А вот о размещении болящих пусть градоначальник этой дыры заботится. Больные со всей ойкумены потянулись в этот забытый край в надежде на врачебный талант страшного ящера. Денег больные с собой везут чемоданами, так что можно, наверное, им и гостиницу организовать. Заодно талончики на приём выписывать. А то инвалиды в очереди скандалить начинают. Зачем великому Штокбергу нервные

всплески пациентов?

А ещё надо бы Тейлору сказать насчёт биореактора. Пусть эта прыткая обезьянка расстарается и достанет тот новый, что деляги рекламируют.

Неожиданно раздавшийся сигнал заставил ящера вздрогнуть, замереть в недоумении, поразмышлять секунд двадцать над тем, что бы это значило, и лишь потом ответить на вызов. Выслушав сообщение прыткой обезьянки, Грэг тяжело вздохнул и открыл все возможные ворота, тоннели и причалы. Если кому-то захочется оккупировать суровую планетку с населением в двадцать тысяч человек, велкам, дорогие захватчики. Будет интересно узнать, что вы здесь забыли.

Тайные мечты Грэга не исполнились. Из глубин космоса не выпало никаких захватчиков. Выпала одна «игла», которая пренебрегла разбитыми площадками космопорта и небрежно приземлилась на площади у больничного модуля.

Выпрыгнув из кораблика, Тейлор быстрым шагом пересёк пустоту, миновал шлюз и протянул Грэгу небольшую коробку:

— Привет. Я привёз тебе кости.

Щёлкнув зубами, Грэг задумчиво протянул:

- А я мясо люблю.
- Знаю. Но охотиться мне было некогда. Зато подвернулась оказия скрасть артефакт у археологического института. Ты же хотел с предком поручкаться?

Грэг выхватил из рук друга коробку, бережно прижал её к себе и скрылся в лаборатории. Тейлор усмехнулся и прошёл в небольшую жилую комнатку. Из лаборатории донеслись звуки хлопанья крышек и хлюпанья жидких субстанций, потом ящер вернулся и непринуждённо спросил:

— Чем ещё занимался? Сажал земляничку на Кетану-

— Бери выше. Разводил бабочек на Орхидее.

Грэг иронично прошипел:

— Шо? Опять?

Окинув скептическим взглядом жалкую обстановку, Тейлор виновато протянул:

- Не думал, что они тебя *так* накажут.
- Это просто ссылка. Пока Паскаль жив, он будет беречь мои пальчики даже больше, чем честь своей несовершеннолетней дочурки.

Огорчённо вздохнув, Тей тихо проговорил:

Прости.

Грэг приподнял тяжёлый хвост и резко, быстро хлопнул им по полу. Мебель в комнате заметно завибрировала, и ящер с негодованием ответил:

— Нет, Тейлорушка. Я никогда тебя не прощу! Потому что они закрыли мою тему! Они сказали, что в моей программе исследований нет смысла!

Скованно улыбнувшись, Тейлор бочком просочился вглубь комнаты и уселся в одно из широких кресел. В его словах прозвучало лёгкое пренебрежение:

- А-а, как же, невероятный вирус Штокберга. Тебе надо было назвать его в честь Лизки. А то вирус Штокберга, проба Штокберга, реактив Штокберга. У тебя мания величия разыгралась на почве знакомства с этой заразой.
 - Это мой вирус! Я его нашёл!

Тейлор сморщил смешную рожицу и поддразнил:

— Чешуйчатый эгоист.

Ящер насупился и отвернулся. Мысленно обругав себя за недооценку важности открытия для друга, Тейлор решил проявить разумную заинтересованность и спросил:

- А ты уверен, что вирус... чужой?
- Он не чужой. Он хуже. Он универсальный.
- И что такого в нём ужасного? Я был в прямом кон-

такте с больной инопланетянкой. И даже, пардон, вытирал ей сопли. Но не заболел.

- Ты вытирал ей сопли, когда она элементарно простудилась. И ты не заболел, потому что это ты. А остальным ты вкатил такие дозы сложной химии, что только чудом не поубивал их такой заботой. Вашим злым гостям повезло меньше. Но Совет не хочет даже слышать о том, что часть выживших поумирала от инопланетной заразы. Эти идиоты не взяли элементарных биологических проб.
- Или ты ошибся в предположении, что вирус угрожает этой ойкумене.
- Послушай, это действительно опасно. У Лизы чуть другой спектр зрения, она слышит немного в другом диапазоне, она маленькая и хрупкая, но у неё высокий уровень гормонов и сильная репродуктивная система, что, собственно, и обеспечило ей успех в деторождении. Однако генетически она никакая не чужая, она результат параллельной эволюции.
 - Слушай, это и так было понятно.
- Да. Но теперь очевидно, что разбежавшиеся по неведомым мирам беглецы увезли с собой нечто, что исчезло здесь. В каком-то далёком мире это нечто развило в себе и способности симбионта, и особую убийственную силу. Лиза вернула мутанта сюда, а жалкие обезьянки отвыкли иметь дело с такими пакостями. Понимаешь?
 - Почему же обезьянки до сих пор живы?
- Потому что пока Лиза здорова, вирус сидит в ней без каких-либо проявлений. В бункере организм Лизы был ослаблен. И вирус вышел на свободу.

Тейлор ухмыльнулся и добавил:

— С чистой совестью после долгой отсидки.

Ящер прошёлся туда-сюда, топая ногами и размахивая руками. Остановившись перед другом, он эмоционально провозгласил:

— Вам очень повезло! Если бы Лиза всерьёз заболела,

вы не смогли бы противостоять атаке вируса!

Потянувшись, Тейлор достал со стола бутылку с переливающейся жёлто-оранжево-коричневыми цветами жидкостью и налил два квадратных стакана до половины. Протянув один стакан другу, он едва отпил из своего и выразительно скривился. Тем не менее, он сделал ещё пару глотков, а потом возразил:

- Ты же сам признался, что не знаешь, как эта зараза работает. Тебе не удалось увидеть ожидаемую убийственную силу вируса. А у бандитов на Аллое была тысяча причин умереть и без инопланетной болячки. Так почему ты так зациклился на том, что вирус опасен? Ты ради своего внезапного тщеславия готов поверить в то, чего нет.
- Я уверовал в то, что есть, когда понял, как ты реагируешь на вирус.
- Забиваюсь в уголок, сворачиваюсь комочком и мелко-мелко дрожу от ужаса.

Веселье Тейлора повергло Грэга в нарочитую мрачность:

— Мощный ответ твоей иммунной системы похож на яростное и отчаянное сопротивление смертельному врагу. Твои древние гены хранят память о таких встречах. И то, как твой организм воспринимает контакт, вселяет в меня тревогу. Твои клетки всё равно, что взрывают термоядерную бомбу, увидев один маленький кусок генного кода. Почему, собственно?

Тей понимающе кивнул головой и попытался объяснить:

- Кто его знает, чего от чужого ждать? А я известный паникёр.
 - Ну причём здесь ты? Я о твоих клетках!
 - A они не я?
 - Нет!!

Тейлор решил завязать с подколками друга и, стерев с лица ухмылку, спросил:

- Кто мешает тебе продолжать исследования здесь?
 Скажи, что тебе потребуется, я всё привезу.
- Мне никто не мешает. Только у меня не осталось материала.

Старательно подавив очередной смешок, Тейлор предложил:

— Так дело-то простое. Давай Лизку похитим и запрём в каком-нибудь холодном бункере. Посадим на хлеб и воду, пустим сквознячок по полу, и, если ты прав, она через недельку-другую наплодит нам предостаточно вирусов. А я, так и быть, ради друга и науки наберу заразных соплей, сколько скажешь. Заодно и Лизку потискаю.

Ящер резко остановился:

— Ты что, ещё ничего не знаешь?

Вздохнув, Тейлор молча плеснул янтарного яда в стакан, одним глотком опустошил квадратную стекляшку и поднял тёмный взгляд на медика:

- Наверное, нет.
- Муж твоей инопланетянки был весьма настойчив в преодолении карантинных барьеров. А она толькотолько вылезла из регенерационной капсулы. Женские организмы очень определённым образом реагируют на стимуляцию процессов жизнедеятельности, так что пары свиданий хватило для того, чтобы твоя инопланетянка, не успев очухаться от счастливого спасения, оказалась в известном положении.

Тейлор поморщился:

— A можешь по-человечески объяснить? Какой барьер? Какое положение?

Грэг коротко и лаконично отрапортовал, не зная, какой реакции ждать:

— Лиза родила девочку. Роды прошли штатно, без осложнений. Ребёнок здоров, мать в порядке. Девочку назвали Экселианой.

Тей молча крутил в руках пустой стакан, кажется, сосредоточенно считая все его четыре грани, и ящер вернулся к любимой теме:

— Вирус никак не проявил себя во время беременности. И у меня нет возможности проверить, передался ли он ребёнку. В любом случае малышка на первое время защищена иммунитетом матери, но...

Тейлор рискнул сделать осторожный глубокий вдох. И медленный вылох.

И дался же Грэгу этот вирус несчастный. Такие новости, а он о вирусах разглагольствует. Туда вирус, сюда вирус. Тьфу!

Родила... А он всё гадал, почему она не выбирается из замка. И каких только сказок себе не насочинял. Подумывать даже начал о нанесении дружеского визита счастливому семейству. Ага. Тейлор Аквинорский соизволил прибыть. Лично. С цветами и тортиком. Вот они обрадовались бы.

Родила... Хорошо такие новости узнавать уже потом. Он бы точно извёлся. Начал бы прикидывать, как помочь. Ага. Помочь. Родить. Князь Тьмы вздумали пожаловать. С полотенцем и лицом дебила. От такого кто хочешь родит.

Родила... И свезло же Гранатову. Убить этого урода мало. Только законченный дегенерат подпустит к беременной жене федералов с допросами. Плохо такие новости узнавать уже потом. Знал бы, наплевал бы на всё и увёз свою Сероглазку. Куда? Ну, придумал бы чтонибудь. По дороге.

Родила... Почему этот гадёныш Дарий ничего ему не сказал? Нет, понятно, что одна немаленькая империя полетела бы сразу к едрене фене. А вся ойкумена — к чёртовой бабушке. Но неужели этому эскулапу имперские флажки милее друга?! Хоть бы словечком намекнул, свинья медицинская!

Родила... Значит, где-то в Поясе Зелёных миров есть планета с населением, чьи гены не успели уйти слишком далеко по боковой ветви эволюции. Значит, колонизация была относительно недавно. Если есть одна планета, значит, есть и другие — обитаемые миры, давно забывшие о центре цивилизации, которым мнит себя Галактическая Федерация. Может, в одном из таких миров есть укромный уголок, куда не доберутся охотники за головой злого гения?

Грэг продолжал болтать насчёт вируса имени себя. Тейлор пару раз ему поддакнул, переключившись на грустные размышления о том, что напрасно деятели из Совета сослали эту обиженную ящерицу на край света. Теперь у Грэга много свободного времени, и всё оно будет посвящено изучению загадочной микропакости. Даже если обнаруженный им вирус — относительно безвредная дрянь, Грэг запросто сваяет из неё новое биологическое оружие. Его же мясом не корми, дай какие-нибудь организмы постравливать. Бои дуринов запрещены, за собачек защитники животных сами кого хочешь порвут, битвы сапиенсов дороговато обходятся, а вот на сражения разных там вирусов мораториев никто не устанавливал. А кто его знает, что там, в сражениях этих, выведется?

От представления всевозможных жутких тварей Тейлора отвлекла повелительная просьба Грэга:

- Мне нужна твоя кровь.
- Не вопрос. Кусай и пей.
- Ещё слюна, моча, сперма, желудочный сок. И спинномозговая жидкость.

Тейлор усмехнулся и спросил:

— Мне сесть? Лечь? Встать в позу пьяного журавля? И где, кстати, твоя красивая ассистентка?

Грэг махнул рукой в сторону лаборатории:

— Сам, Теюшка. Всё сам.

Поморщившись, Тейлор отрицательно покачал голо-

вой:

— He-e, гений я, конечно, гений, и очень злой, но жучка сам себе в хребет я не загоню.

Через некоторое время Грэг бережно погладил спину друга и распорядился:

Всё. Полежи на животе.

Тейлор послушно вытянулся на койке, трагическим голосом возвестив:

— Ты сказал, что больно не будет! А я страдаю! Ты убил меня!

Грэг со всей возможной серьёзностью заявил:

- Я вот укокошу тебя взаправду, будешь знать. Оправдаю звание первого кандидата в Демоны Рассвета. И медальку заодно получу.
- Не-е, за тихое убийство тебе медальку не дадут. Умники Совета из невнятных слов психованного старикашки сваяли чудо-теорию о лучшем способе моей отправки на тот свет. Они не допустят хаотичных убийств в забытых углах галактики. Они собираются сражение века организовать по всем правилам. С трибунами, флажками и бесплатными пирожками. А заодно присмотреть, чтобы никто не выжил. Если ты меня без флажков укокошишь, им деньги за билеты возвращать придётся. Их, пожалуй, с тебя и взыщут.

Ящер горько вздохнул:

- И как мы дожили до того, что Совет превратился в сборище маразматиков?
- Да пусть тешатся. Интересно, что ты думаешь насчёт пророчества. По-твоему, в чём подвох?

Грэг сердито стукнул хвостом по полу:

— У меня плохое предчувствие. Александер тебя ждал. Ждал, чтобы бросить тебе в лицо точно выверенные и хорошо заученные слова. В своё время он основательно поковырялся в наших головах. Кто может поручиться, что

он не оставил тебе на память мину замедленного действия? И теперь этим дурацким пророчеством запустил обратный отсчёт.

— И в чём смысл? Убить меня он мог как-нибудь попроще. Без мин в голове, крыша которой и так бродит отдельно от хозяина.

Наполнив два стакана прозрачной янтарной жидкостью из пузатой бутылки, Грэг покачал головой и протянул один из стаканов Тейлору:

— Александеру было мало тебя убить. Ему нравилось тебя мучить, и он не давал тебе ни жить, ни умереть. От этого и пляши.

Отпив терпкого напитка, ящер пояснил:

— По-честному, я думаю, что теперь ты приглядываешься к каждому встречному и начинаешь мысленно прикидывать — уж не демон ли это мой дорогой из старинного заклятья. А паранойя такая гадкая штука, что однажды абсолютно все покажутся врагами. Ты останешься без друзей, без помощи, без защиты людей, сейчас готовых умереть по одному твоему слову.

Набросив на Тейлора одеяло, Грэг подкатил поближе к койке кресло на колёсиках и удобно устроился в нём, не забыв прихватить и свой стакан с настойкой. В его совете другу прозвучало лёгкое беспокойство:

- Не думай об этом. Демоны занимают мозги, у которых слишком много свободного времени. Для тебя есть только один верный и всегда работающий рецепт. Отправляйся в космос, займись делом пара войн или революций поставят всё на свои места. Я вот слышал, у Совета проблемы с Великим миром... Поговори, с кем надо, глядишь, и демоны отступят. Не поверю, что ты не в курсе, где найти пару-другую настоящих Динор.
 - И зачем они мне?
 - А это ты сам себе придумай.

Тей повернул голову набок, удобно устроил её

на сгибе руки и широко улыбнулся:

— Есть только одна настоящая Динора.

Грэг моментально насторожился, уловив в интонации друга чуть больше пафоса, чем полагалось бы. Тейлор торжественно провозгласил:

— Движение народного фронта провозгласило единственную Динору истинной императрицей. Почти весь состав прежнего правительства уже принес ей присягу. Два армейских объединения поклялись ей в верности. Новая Великая армия занимает периметр пояса Глоклина — думаю, если не завтра, то послезавтра императрица осмотрит свой дворец и отдаст распоряжения о восстановлении тронного зала. А скоро и у вас со всей помпой и по всем каналам объявят о возвращении Великого мира.

Ящер даже привстал с кресла:

— О, боги... Такие новости! Динора возвращается! Это всё меняет. Весь расклад.

Грэг грузно плюхнулся обратно в кресло и всплеснул руками:

- Подумать только, а ведь Чимей планирует начать вторжение.
- Не будет никакого вторжения. Приватные переговоры Диноры с Карвалио и Тенгизом уже начались. И они от имени Совета уже гарантировали ей сохранение границ и восстановление транспортного сообщения, не считая мелочей вроде подтверждения валютных договоров, которые надо бы, конечно, пересмотреть, но Советники дадут императрице время освоиться и разобраться.

Грег энергично тряхнул головой и с неожиданной горечью заметил:

— Вот они, твои «бабочки»... Вот куда ты так торопился с треклятого Аллоя. Всего-навсего помчался восстанавливать галактическую империю... Мог бы и намекнуть

старому другу, что этакое дело замутить собираешься.

— Меньше знаешь, лучше спишь. — Тейлор махнул рукой и продолжил. — Кстати, один наш знакомый мудрец назначен двадцать вторым советником Диноры. Ты можешь его поздравить — и не только с этим. Федералы его простили, собственно, им ничего другого и не оставалось, так что он вновь сидит на двух стульях.

На несколько минут в лаборатории повисла тишина, потом Грэг тихо спросил:

- Почему ты не остался там?
- Оракульский чепчик нимб жмёт.
- Ну будь ты хоть иногда серьёзным, а?
- А я серьёзен. Ну сам подумай, какой из меня оракул? Я и без того спровоцировал раскол в лиге, брякнув случайно, что пора религию выводить на новый уровень. У них теперь теологические драки, а я с похмелья был, башка болела. И с поклонами великой императрице у меня напряг. Я её наивной дурочкой слишком хорошо помню, и местами дурость в ней растёт и колосится пуще прежнего. Но если я её отшлёпаю, Ник меня сгноит в канализации императорского дворца. А я в этой клоаке накупался в своё время предостаточно.
- Ты мог бы попросить убежища в какой-нибудь тихой гавани.

Тейлор сделал небрежный жест рукой, словно отметая нечто ненужное, а затем вполголоса продолжил:

— Знаешь, что федералы сделали с Критосом? Высадили десант и сожгли всё в радиусе десяти километров от точки, где Ник символический флажок Диноры в снег вкопал. А теперь представь себе, что Вышева узнал о том, что у меня есть дом. Что Паскаль услышал о месте, куда я всегда возвращаюсь. Что Чимей прочитала о той планете, которую я буду защищать так, как никогда и ничего не защищал. Представил? И что, по-твоему, они каждый по отдельности и все вместе сделают с дорогим мне

миром?

После долгой паузы Тейлор ответил себе сам:

Им стратегического запаса дальних зарядов не хватит.

Не глядя на друга, Грэг попытался его утешить:

- Космос бесконечен.
- Очень точно подмечено. И я хочу найти мир, где меня никто не найдёт. Но не в этой ойкумене. Я хочу проложить дорогу к новым мирам и к новым ойкуменам. Это не моя идея, один хороший человек подсказал. И я свою дорогу назову его именем. Мостом Бизона.

Внезапно оживившись, Грэг встал и прошёлся по узкому помещению. Потом, улыбнувшись, медленно заявил:

- У меня такое ощущение, что в нашем космосе носится вселенская пассионарная идея, в которой речь о дорогах, мостах и новых ойкуменах, но главным почему-то остаётся слово «бизон». Я уже слышал это сочетание слов: мост Бизона.
 - Ерунда. Это моя мечта. Моя дорога.
- Давай, мечтатель, перебирайся на кровать и спи. Наш бесконечный космос пока обойдётся без твоих гениальных затей. А мне не терпится в новом материальчике покопаться.

Планетка, неторопливо вращаясь, удалялась от тусклой звезды. Над городком кружились редкие одинокие снежинки, и подкравшаяся зимняя ночь накрывала дома пеленой тишины, в которой бродили смутные сны о тёплых и приветливых мирах.

Смешной пятнистый жучок заполз на самый кончик молодого ярко-зелёного листа. Тейлор подставил жучку руку, но насекомое предпочло улететь. Тропинка неторопливо вилась между крепких приземистых стволов, завёрнутых в плотную чешую коры Пятна липкого жёлтого лишай-

ника покрывали корявые корни, вырывающиеся из земли. Лес казался однообразным и бесконечным, но тропа то резко виляла из стороны в сторону, то выпрямлялась в ровную линию.

За лесом расстилалось мягкое травяное море, по которому неторопливо плыли плетёные колыбельки. Одна, вторая... и третья побольше... и четвёртая, и пятая со свисающим уголком лоскутного одеяла.

Стена из полос изъеденного ржавчиной железа воспринималась как уродливая опухоль чужого мира. Тропинка обходила луг и упиралась в грубую дыру, из которой тянулся грязный дымок. Тейлор накинул капюшон, заглянул внутрь...

И его перебросило в какой-то другой сон.

64. Братство бункера

Кодамс-Сити, роскошная и вальяжная столица Кодамс-Ленда, готовилась к грандиозному празднику в честь годовщины высадки спасателей на Аллое. Цветочницы набивали карманы монетами, подтаскивая и подтаскивая корзины с растениями к центральной площади, где уже была возведена помпезная высокая трибуна для почётных гостей. Над трибуной реяли флаги, и плыл аромат свежеиспечённых булок. Пекарни проработали всю ночь, готовя горы пирожков для толпы. Правительство же платит, так что бы и не поработать.

На одном из верхних этажей самого дорогого небоскрёба Гранатовы готовились к своему выступлению. Лиза старательно наштукатуривала физиономию, Гор любовался собой в огромном настенном зеркале. Счастливая пара вызвала изрядное количество пересудов, появившись накануне в большом шоу, посвященном катастрофе. Взаимное согласие и любовь, сочащиеся

с экрана, повергали сердца домохозяек в завистливое отчаяние. Мужчины активно критиковали кудрявую блондинку за следование стереотипам, про себя замечая, что не отказались бы покувыркаться с этой сладкой малышкой.

Вовкиан и Элеонора тоже участвовали в разных шоу, но естественным порядком отошли на второй план, оказавшись своего рода статистами при набирающем популярность деятельном Игориане. Дети Гранатовых остались в фамильном замке, и Лиза настояла на том, чтобы о них по возможности не было никаких упоминаний в шоу и прессе.

Лиза настраивалась на мероприятие несколько недель, но оказалась не готова к тому, что годовщина высадки спасателей на Аллое будет обставлена как карнавал с шариками, флажками, легкомысленными сувенирами и пирожками. Она заранее знала, что отказаться невозможно, что никакие её личные обстоятельства никого из организаторов не интересуют, что для отца её детей это мероприятие важнее всего остального, и согласилась выступить овечкой на заклание, однако надеялась всё же на некую сдержанность и пусть лёгкую, но траурность.

Помимо всего прочего, оказалось, что Гор ухитрился одну из встреч назначить на утро торжественного мероприятия. Наведя лоск на физиономию, вздохнув, и приклеив к физиономии радостную полуулыбку, Лиза расселась на бархатном диване в гостиной шикарных апартаментов с видом на город. Её поза и лёгкий наклон головы в точности воспроизводили её же фото в одном гламурном журнале. Гор встал рядом, но сзади дивана.

В гостиную вошло четыре человека. Крупный полный мужчина с важной осанкой держал под локоть изящную шатенку со сложной высокой причёской. Юркий мужчи-

на с гладко прилизанными волосёнками казался неподходящим для элегантного костюма, который на нём болтался отдельно, сам по себе. Рыжий парень был наименее стеснён непривычной одеждой и вёл себя наиболее естественно, сразу засмотревшись на хрустальную люстру, сияющую над его головой.

Лиза потеряла дар речи. Сдавленный звук застрял в её горле, трансформировавшись в испуганный прыжок желудка, а затем и сердца.

Пёс, Иветта, Туз и Рыжий казались явлением из иного измерения.

— Здравствуйте, госпожа Луизина. Приветствую вас, господин Игориан. — Церемонно и низко выговорил Пёс, чуть наклоняя голову.

Госпожа Луизина быстро собралась и равнодушно выговорила привычную фразу:

- У меня амнезия. Я не помню ничего о том, что случилось на Аллое.

Договаривая название проклятой планеты, она поняла, что сделала глупость. Надо было сначала послушать, о чём пойдёт речь. Вдруг это делегация водопроводчиков, ратующих за повышение тарифов? Или представители провинциального городка, требующие постройки больницы? Да и мало ли людей ходит в последнее время к Гору?

Гор покровительственно похлопал её по плечу, и утешая, и напоминая о том, что говорить первым должен он. Лиза занялась разглядыванием своего безупречного маникюра. Отличные ярко-красные когти. Кого бы ими расцарапать? Гора? Гостей? Себя?

Пёс чуть выступил вперёд:

— Позвольте представиться. Я — Иван Петров, это — моя жена Маша Петрова. Мы держим небольшой ресторанчик на Орхидее. Называется «Космоед». Если вам случиться пролетать мимо, милости просим, заходите

в гости, мы будем рады.

Указав на Рыжего, он продолжил:

— Николай Лебедев. Программист-фрилансер. Постоянно живёт на Космике.

Рыжий застенчиво улыбнулся:

— Если нужно что-нибудь по цифровой части, только свистните.

Взмах руки, и вперёд шагнул Туз:

— Павел Григорьев. Владелец станции техобслуживания на Ниолее.

Приветливо разведя руками, словно приглашая всех куда-то зайти, Туз прорекламировал:

— Ремонт всех видов космической техники. Качественно, быстро, дорого. Но своим — бонусы и скидки.

Гор покровительственно и снисходительно улыбнулся. Пёс быстро продолжил:

Мы — представители общества памяти катастрофы на Аллое.

Лиза почувствовала, как Гор сразу расслабился. Они уже перевидали достаточно историков, фанатиков, придурков, так или иначе склоняющих тему катастрофы. И посетители явно подходили под типаж всех этих фриков.

Пёс шагнул ещё вперёд и медленно, тщательно выговаривая слова, произнёс, неотступно глядя прямо на госпожу Луизину:

— В последнее время вокруг катастрофы много ненужных спекуляций, а мы считаем, что тысячи погибших людей имеют право на уважение к их смерти.

Туз скороговоркой добавил:

— Вы собираетесь принять участие в празднике на костях, на крови, на ужасах и страданиях других люлей.

Лиза поневоле вспомнила проповеди с обещанием обязательного спасения для всех. Вот они и спаслись.

Но разве так они представляли себе эту встречу? И разве об этом они собирались говорить?

Гор вздохнул и скучно отговорился:

— Люди любят плясать на чужих костях. Это придаёт остроту ощущению того, что ты сам ещё жив.

Лиза по интонации этого ответа поняла, что муж уже составил мнение об очередных посетителях, и мнение это выражается одним словом: «бесполезны». Гор элегантно кивнул гостям и нежно чмокнул пухлое запястье Лизы:

— Прости, дорогая, но мне необходимо заняться важными делами. Развлеки, пожалуйста, наших гостей. Поговори с ними.

Вздохнув вслед исчезнувшей за дверью спине Гора, Лиза уставилась на завиток резного украшения позолоченной двери и чуть высокомерно объяснила:

— Праздник будет со мной или без меня. Но за участие в празднике я получу крупный гонорар. Очень крупный. Я же Луизина Гранатова, икона этой катастрофы, её символ и олицетворение.

Пёс чуть нахмурился, Иветта сощурила глаза, Рыжий ссутулился.

Чего они хотят от Лизы? Зачем пожаловали? Вот так, нагло, бесцеремонно, и в то же время анонимно?

Лиза решила не скрывать цели своего участия в празднике:

— Милена, пятилетняя девочка, пережившая катастрофу в катакомбах Линоя, получит возможность жить достойно. По моей просьбе лучший врач галактики Грэг Штокберг сделал ей сложнейшую операцию. Операция оказалась успешной, но девочке требуется долгий период восстановления. Я покривляюсь пару часов. Вы погундосите о том, что это неэтично. А у неё будет возможность расти и учиться в самых лучших условиях.

Кажется, благотворительность была чуждым и неприятным явлением для бывших обитателей бункера. Туз,

не таясь, состроил пренебрежительную физиономию.

Лиза устало и грустно продолжила:

— Если бы меня спросили на Аллое, хочу ли я скорбных песен по себе или карнавала, который поможет выжить хотя бы одному ребёнку, я не сомневалась бы в выборе. Или вы присвоили себе единоличное право говорить от имени всех выживших? Вы упрекаете меня за то, что я говорю о катастрофе? Что собираю деньги для калек и сирот? А вы сами много чего делаете?

Пёс веско и тяжело перебил её:

— Ты говоришь о том, чего не помнишь.

Туз более спокойно добавил:

— Тебя сделали иконой, потому что это удобно властям. А, может, кто-нибудь помог бы тебе вспомнить? Но ты даже не пыталась поговорить ни с кем из других выживших.

Пауза была невыносима. Внимательные взгляды изучали Лизу, подмечая, как ей казалось, все признаки её душевного смятения. Сердце выскакивало из груди, и в то же время руки и ноги мгновенно замёрзли, словно этого бешеного ритма работы кровяного насоса было недостаточно для прокачки жизни в дальние сосуды. Вдохнув и выдохнув, Лиза медленно и холодно парировала:

— Скажите «спасибо», что я ни с кем не говорила и никого не искала. Я живу под наблюдением. Все мои контакты пристально изучаются, и даже случайно заговорившего со мной человека ждут допросы федералов. Вы судите о моей жизни по постановочным шоу. Вы думаете, что я богата и счастлива. Что ж, я расскажу вам то, что не попало на экраны.

Сжав кулак и загнав острые когти в ладонь, Лиза отстранённо объяснила:

— Мои злоключения не кончились с возвращением с Аллоя. Мужчина по имени Степан Акулин сообщил

федеральной службе безопасности, что там, на Аллое, я была любовницей Тейлора Аквинорского, особо опасного государственного преступника.

Четвёрку гостей заметно парализовало.

— Оказалось, что Степан — душевнобольной человек, и его слова — лишь его воображение. Во время одного из своих припадков он умер. Но мне пришлось сильно понервничать из-за его клеветы. И рассказы о том, что я была преданной рабой другого мужчины, разрушили мои отношения с Игорианом.

Лиза увернулась от потрясённых взглядов гостей. Она спокойно продолжила:

— Вы строили свои новые жизни в спокойной беззвестности. А меня допрашивали федералы. Вы тихо собирались в своём мирном кружке. А я пробивала закон о компенсациях выжившим на Аллое и их особом статусе. Вам кажется, что я порхаю по жизни. А я по большей части выдерживаю постельный режим. Потому что я, несмотря ни на что, выносила и родила ребёнка. И да, об этом не кричат все каналы ойкумены, потому что я сговорилась с властями. Они избавляют меня от необходимости пачкать детскую кроватку кровью папарацци, а у меня амнезия, и я не помню ничего про их преступную халатность. Если вам это кажется аморальным — приезжайте и убивайте уродцев с камерами сами.

В комнате наступила замораживающая, абсолютная тишина. Лиза выдержала паузу, сделала изящный жест, будто отметая что-то неважное в сторону, и продолжила:

— Гор провёл генетическую экспертизу дочери, чтобы быть уверенным, что этот ребёнок — его. Вот только ревность и подозрения, однажды разбуженные, невозможно выключить, щёлкнув мысленной кнопкой. Мы с Гором лишь красивая картинка. Без камер мы практически не разговариваем.

Разжав кулак и погладив пальцами отпечатавшиеся

лунки, Лиза повернулась обратно к гостям. Медленно разглядев всех по очереди, она чуть презрительно улыбнулась:

— Вы, видимо, обрели ту новую жизнь, о которой мечтали. Вам тепло, уютно, весело, вы ходите друг к другу в гости и перемываете косточки женщине, которая оказалась заложницей собственной славы. Что ж, поздравляю. Рестораны, станции, программы — это замечательно. Я только не пойму, зачем вы приехали сюда предъявлять мне претензии?

Четвёрка гостей молча изучала рисунок ковра. Лиза усмехнулась и заговорила снова:

— Да, я не сбежала в чистенькую новую жизнь. Я вернулась к своему ребёнку. И дорого заплатила за возможность быть с ним рядом. Теперь у меня уже двое детей, а никто из вас не сподобился произвести на свет хотя бы одного. Я защищаю своих малышей так, как могу защитить. И не вам судить, могу ли я делать то, что делаю.

Гости встрепенулись, но Лиза не дала никому перебить себя:

— Да, я в беспамятстве говорю о том, что вы сознательно предпочли забыть. Говорю, потому что я — вернувшаяся с того света Лиза Гранатова. У вас новые имена, и ваше общество, может, добилось упоминания в районной газете. А мои слова транслируют по всей ойкумене, и мои слова — единственное, что ещё удерживает оголтелых писак от сочинения мюзиклов с плясками на костях. Вам это непонятно? Не понимайте. Ругайте меня за амнезию, за глупые слова, за то, что я — та, кто я есть. Вы для этого выбирались из преисподней?

Рыжий снова шумно вздохнул и кому-то невидимому в углу констатировал:

— Ох, и переплёт вышел.

Иветта укоризненно и сердито бросила сразу обоим мужчинам по разные стороны от себя:

— Вы идиоты.

Шагнув к Лизе, хозяйка ресторана «Космоед», чуть помедлив, заявила:

— Лиза, мы здесь не для того, чтобы предъявлять претензии, чтобы что-то рушить. Мы достаточно пережили крушений. Мы прилетели сказать тебе, что ты не одна в этом мире. Что мы будем рады помочь тебе. Что ты всегда можешь положиться на друзей, которым плевать на федералов и глупых мужчин. Что в этом мире есть люди, которые волнуются о тебе.

Туз высказался всё с той же интонацией проповедника:

— Мы встали на ноги, выздоровели, обустроились в новой жизни. Мы — граждане Федерации, у нас всё в порядке с документами, у нас достаточно денег. Что мы можем сделать для тебя? Что мы можем сделать для твоих летей?

Рыжий тоже шагнул вперёд и улыбнулся:

— Мы свои, Лиза. Понимаешь? Мы навсегда повязаны Аллоем. Мы выжили, и мы не дадим друг друга в обиду. Мы — союз сильных духом, команда спасшихся. Мы — братство бункера.

Сквозь непрошеные слёзы Лиза рассмеялась. А потом вдруг ухватилась за эту невероятную надежду, так вовремя присланную из космоса:

— А кто-нибудь из вас может слетать на Кетанус? И купить для меня по доверенности планетоид Гларина?

Четвёрка снова замерла с удивлёнными выражениями лиц, и Лиза заторопилась с пояснениями:

— Мне никак самой не выбраться, а отдают почти задаром.

Уже понимая, что шквал эмоций начисто отключил её способность вменяемо изъясняться, она на автомате добавила:

- Понимаете, было бы так здорово оттащить его

к транзитному тоннелю и переделать в вокзал. А если у меня будет вокзал и будет зона ремонта, то будет всё!

Изумлённые улыбки братства повергли Лизу в минутное отчаяние. Потом она сделала попытку собрать разбегающиеся слова и мысли в понятное повествование:

— Я хочу построить большую дорогу. Я уже накупила тоннелей и станций. Я нашла инвесторов и проектировщиков, я получила пачку разрешений от федерального правительства. У меня уже есть своя команда, и своё маленькое братство моста. Меня поддерживает один из лучших управленцев этой ойкумены. Но я не успеваю сделать всё, что нужно. Я привязана к детям, я не могу брать их с собой, и не могу надолго оставлять их одних. Если бы мне хоть немного помогли бы люди, которым я могла бы доверять, я бы открыла первый участок уже к концу хроноса. Понимаете? Это будет лучшая дорога в галактике. Мост Бизона.

Пёс тихо и задумчиво протянул:

Так это ты...

Туз, улыбаясь, пояснил:

— До нас дошли кое-какие слухи. Но мы думали, что это затея государственного преступника.

Лиза пожала плечами и парировала:

— Смеётесь? Что ему какой-то мост? Он на империю Диноры работает. Утром планирует военные операции, днём заседает в лиге оракулов, вечером охотится на неугодных ему сановников, а ночами греет постель императрицы.

Очередное изумление братства повисло в комнате паузой тотальной тишины. Сообразив, что на радостях слишком разболталась, Лиза поспешила добавить:

— Это только слухи. Федералы регулярно снабжают меня своими домыслами. — И, обведя друзей строгим взглядом, она с нажимом заявила. — Я ничего не помню.

Рыжий улыбнулся и доверительно сообщил:

— Мы поняли, Лиза. Можешь не повторяться. — И, встряхнув длинной чёлкой, программист гордо заявил. — Я буду строить мост. Просто скажи, что надо делать.

Туз задумчиво пожевал губу и выдал:

— A я тебе прямо-таки отчаянно нужен. Ты ничего не смыслишь в кораблях и их ремонте.

Иветта расчётливо-приторно улыбнулась:

- Мы хотим открыть сеть ресторанов. Пусть на каждом вокзале, на каждой станции люди смогут вкусно и сытно пообедать в нашем фирменном заведении.
 - До ресторанов ещё дожить надо.
- Мы молоды. Доживём. А потом и мемуары напишем.

Звуковые волны, рассеиваясь в паузе взаимопонимания, вписали это обещание в незримую ткань мироздания. Иногда разного рода братствам не обязательно клясться на крови или приносить помпезные обеты верности неким идеям. Достаточно просто пообещать друг другу написание мемуаров.

65. Флажки и пирожки

Лиза, фальшиво напевая модный мотивчик, как раз закончила раскрашивать себя в вульгарное чудовище, когда Гор забежал и проверил, готова ли она к парадному выходу на публику. Она ему радостно улыбнулась, мельком ловя в зеркале отражение собственного оскала в обводке ярко-красной помады. Хороша. И кудряшки — ужаснее не придумать. Красота, да и только.

Гор получил искренние заверения в том, что утренние посетители оказались ужасными занудами, клянчащими к тому же денег. Поставив мысленно галочку, отмечаю-

щую собственную прозорливость, Гор начисто забыл о визитёрах. И через полчаса почётные гости праздника уже выходили на трибуну, утопающую в цветах.

Игориан Гранатов произнёс цветистую речь, в которой было много правильных слов, но мало конкретного смысла. Луизина Гранатова была встречена невероятной овацией. Её речь была короткой и печальной. Счастливица напоминала людям, что они собрались не на праздничную пирушку, а на день памяти по погибшим в одной из самых невероятных катастроф столетия.

Толпа слушала, толпа рукоплескала героине дня, толпа веселилась, толпа размахивала флажками, толпа расхватывала бесплатные пирожки с лотков.

Потом зазвучали другие речи, и Гранатовы отошли на самый край трибуны. Стоя на одном месте, и расточая благостные улыбки, Лиза быстро выбилась из сил. Голова закружилась, живот заболел, тяжёлые камни ожерелья из опалов потянули к земле. Гор настоял на дурацком украшении, зная, что дорогое колье обязательно снимут крупным планом, а реклама опалам не помешает.

Ничего. Эту проверку на выносливость Лиза пройдёт. И не такое проходили. А её сегодняшний праздник не испортить никаким пирожкам. Годовщина ведь. День братства. Совершенно случайно наступив Гору на ногу острой шпилькой, Лиза ехидно ухмыльнулась его прыжкам и гримасам, нежно погладила мужа по лицу, утешая, и продолжила гимнастику очаровательных улыбок толпе.

Скромно одетый мужчина, с аппетитом уплетая бесплатный пирожок, наблюдал из толпы за счастливой парой Гранатовых и мысленно ругал сам себя.

Дурак ты, Тейлор. Зачем ты сюда припёрся? Мало было в жизни разочарований? Давно кости не ломал, собственной кровью не давился? Давно тебя бабы под виселицу не подводили?

Тут, правда, похлеще гильотины сюрпризец оказался. Толстая крашеная блондинка с кричащим макияжем. Ядрёней красного цвета помады ты, супермен и нелегал, пожалуй, в этой жизни и не видел. И такого размера ожерелья, наверное, тоже. Каждый опал размером с яйцо дурина. Переливаются они все знатно, только оштукатуренный фасад героини праздника несколько затмевают.

Это она?! Та бесстрашная гонщица по бездорожью? Та неунывающая болтушка, не замечающая неудобств подземной жизни? Та ласковая женщина с бездонным взглядом затуманенных страстью серых глаз?

Может, на Аллое в газовом хранилище не тот газ взорвался, что потом всем рассказали? Может, суперменские мозги от удара по ноге переклинило?

Воспоминание о девчонке из бункера никак не совмещалось с видом гламурно-неприятной Луизины Гранатовой. А кудрявая блондинка, словно специально, умильно скалилась и прижималась к руке любовника, не забывая выставлять напоказ модную сумочку.

Лиза-Лиза, ты так хотела вернуться — к этому? К роли никчёмной куклы, которой богатый дурак хвастается, будто дорогим аксессуаром? К кривлянью на глумливом празднике? К сиюминутному обожанию толпой?

Ты же учиться хотела. Ты мечтала об интересной жизни, в которой будут умные друзья. Ты рвалась к новым впечатлениям, к знаниям. Ты всё это забыла?

Пусть время, проведённое на Аллое, стёрлось из твоей памяти. Я заставил тебя забыть всё плохое. Но зачем ты забыла и хорошее тоже? Где твои и забавные, и серьёзные мысли о независимости? Где амбиции и гордость?

Сероглазка моя, зачем ты забыла саму себя?

Может, маленькое отродье Гора высосало из тебя душу?..

Нет... Ты забыла всё, но не это. Ты счастлива, моя звёздочка. Потому что у тебя есть два отродья, за которых

не жалко отдать и Федерацию, и великую империю, и всю ойкумену. И даже продать душу. Было бы кому.

Эй, там, в космосе! Меняю миллион червяков на один успешный генетический эксперимент!

Лиза провела курс дыхательных упражнений, совмещая их с гримасами лучезарности. От внутреннего запала взрывчатки будет хуже только ей самой. Незачем тратить силы на бесполезное раздражение.

На мгновение ей показалось, что она видит где-то далеко в толпе знакомые тёмные глаза с хороводом золотых солнышек. Она метнулась тоскливым ищущим взглядом по морю голов, но потом опомнилась. Нельзя помнить того, что нельзя.

И нельзя желать слишком много счастья сразу. Сегодня и без того замечательный день. Счастливый и волшебный день разворота её жизни к лучшему. У неё двое чудесных детей. У неё надёжные друзья. И её мечта из зыбкопризрачного облака в сознании обрела материальные контуры в реальном пространстве. Всё хорошо. И будет ещё лучше.

В ещё не потемневшем сумеречном небе вспыхнули тысячи красных и оранжевых огоньков. Медленно рассеявшись на крохотные искорки, они оставили за собой мутные полосы и угасли.

Гор повернулся к Лизе и сказал что-то напыщенное. Она ответила ему улыбкой абсолютно счастливой женщины.

Ослепительная улыбка больно ранила несуществующего червя-паразита в мужском сознании. Бедное существо заизвивалось, забилось в судорогах, и Тей грустно усмехнулся.

Ну что, злой гений, ты доволен? Помахал флажком? Подзакусил пирожком? Полюбовался на самую красивую

женщину галактики? Она в безопасности. Она счастлива. У неё всё хорошо. Теперь время бежать отсюда. Бежать как можно дальше.

Тейлор повернулся и шагнул в маленький переулок.

ИНТРОДУКЦИЯ * ВСТРЕЧА С БОГОМ

Жирная земля Трены в мягком тёплом свете Сансевы давала хорошие урожаи, поля и виноградники при разумном уходе вдоволь кормили и поили немногочисленные деревни. А вот путешествий по морю тренцы не понимали, и к рыбе относились настороженно. Сказывался древний опыт отравлений первопоселенцев обитателями гигантского океана, да и все эти рыболовные труды казались чересчур хлопотными и опасными.

В своей деревне только Мартин любил синюю даль, которая то манила его нежными зорями, то заливала холодными волнами, заставляя сражаться за жизнь. В детстве Мартин не хотел быть особенным, но тяга к морю оказалась сильнее наставлений старейшин. Он разузнал, где и когда проходят береговые течения. Он научился разбираться в приметах погоды и угадывать ураганы. Он изучил разные виды рыб и способы их ловли. И однажды он увидел тринора.

Огромное существо плыло совсем недалеко от берега, совершая грациозные прыжки вверх. Мощная голова с зубастой пастью вылетала из воды, плавно перетекала в широкую спину с острым плавником и оканчивалась резным плоским хвостом, которым чудовище с силой хлопало по воде, поднимая миллионы капелек воды в воздух.

Мартин был заворожён силой и красотой гиганта, поэтому рассказал о триноре в деревне. Но старейшины решили, что мифическое чудовище померещилось Мартину после гулянки накануне. Девушки посмеялись, дружки снисходительно похлопали по плечу, и за Мартином закрепилась слава выдумщика небылиц. И впредь уже Мартин помалкивал о смешных водяных человечках или бесформенных созданиях, ловивших рыбёшку длинными руками с присосками.

Нынешняя суровая зима не смогла сковать весь океан ледяным панцирем, но откуда-то издалека к берегу нет-

нет да приплывали бесформенные льдины. Льдины не заплывали в мелкую бухту, но наблюдательный Мартин знал, что и в открытом море льдины быстро тают, заметно уменьшаясь и в высоту, и в ширину.

Мартин редко выходил в море зимой, зная, что улова не будет, а внезапно налетающие штормы способны здорово измотать смельчака, рискнувшего бросить им вызов. Но и в деревне Мартин не находил себе места, поэтому он проводил дни на берегу, плетя сети и готовя снасти. Снастей у него было предостаточно, но кто знает, что будет завтра? Снасти всегда пригодятся.

Челнок привычно сновал в руках, в мыслях неторопливо раскручивались вычисления о размере улова за прошедшее лето, но потом Мартин заметил нечто поразительное. На льдине у дальних пределов бухты виднелось тёмное пятно. Это не мог быть водяной зверёк. И это не могла быть зубастая хищная рыба. Больше всего пятно напоминало человека, неведомым образом закинутого так далеко от берега. Прервав бесполезные гадания, Мартин быстро накинул куртку, приладил на голову тёплую шапку и столкнул лодку в воду.

Энергично работая вёслами и стараясь держать лодку точно по прямому курсу к льдине, которая словно пыталась уплыть, удалиться, Мартин совсем не заметил опасности, взмывшей к нему из глубины. Он успел лишь почувствовать смутное беспокойство, как удар колоссального тела переломил лодчонку и подбросил её части вверх. Тринор взмыл в воздух, и Мартина впечатало в идеально гладкую чёрную плоть чудовища. Инстинктивно и тщетно попытавшись ухватиться хоть за что-то, Мартин с ужасом понял, что скользит по туше. А тринор уже падал обратно в океан.

Погружение в воду вызвало у Мартина панику. Он мгновенно представил себе, как огромная пасть морского бога перекусывает его пополам. Вода за пределами бухты

оказалась неожиданно холодной, но рыбаку ничего не оставалось, как быстро избавится от тяжёлой куртки. Сковывающее руки ледяное ощущение пронзило отчаянием неизбежности, но неожиданно некая мощная сила потащила Мартина вперёд, а потом выбросила из воды. Пролетев несколько метров над океаном, Мартин неловко врезался обратно в воду боком. Он сделал несколько гребущих движений, но почти сразу оказался снова выброшен вверх.

Чудовища играли с несмышлёным человечком. По очереди подталкивая свою крохотную добычу гладкими обтекаемыми мордами, они перекидывали её друг другу, издавая тихие щелчки.

Мартин сосредоточился только на том, чтобы успевать дышать во время полётов и вовремя задерживать дыхание при погружениях. Когда триноры оставили его, он с облегчением обнаружил, что болтается на поверхности моря, вроде бы в одиночестве. Но потом его охватил ужас. Совсем рядом, в нескольких метрах от него, из воды вдруг показалась исполинская спина, и Мартин понял, что огромные чудовища, игравшие им, будто куклой, были всего лишь малышами.

Гигант одним лёгким толчком отшвырнул игрушку своих детей, Мартин врезался в белоснежную твёрдую поверхность, и реальность растаяла в мутной серой дымке...

Прикосновение чего-то обжигающе-холодного Мартина и воскресило, и напугало. Разлепив глаза, рыбак тщетно попытался подавить автоматическую панику. Он точно умер. И бог загробного мира, о котором толковали старейшины, оказался вовсе не похожим на человека. Скорее на причудливую лягушку.

Лягушка провела лапой по голове Мартина, и в сознании рыбака поплыли цветные картинки-образы, неясные

пятна со смутно знакомыми и всё же бесконечно далёкими вещами, для которых не находилось даже названия. Мартин как будто переворачивал листы календаря, проникаясь раздражением божества, и застывая в ужасе и восхищении перед чем-то неведомым.

Купола на краю бескрайней красной пустыни. Нее, не то. Цветные пузыри на берегу синего моря. Нее, не годится. Кружащиеся в сером свете белые снежинки. Фу, гадость. Изумруды подорожали, кефир полезен. Ой, только не это. Чур-чур-чур, от меня отвяжись, к дурному существу привяжись.

Стелющийся по металлическим плитам едкий дым сражения за галактику. Вот. Похоже. Только этого ещё не было. Стоп. Как это не было?? Глупее ситуации не придумать. Надо же было заблудиться. Ау!! Помогите! Где все?

Спокойно. Надо в координатах разобраться.

Белый жемчуг. Чёрная шуба. Синий камень в стальном кольце... Убиться, что ли, об льдину? Может, поэтическая извилина сдохнет?

Кровь на ладонях поверженного демона. Запрокинутая голова умирающего победителя. Зелёные сполохи угасающего рассвета. Мрак мрачный. И это не здесь.

Здесь — пир на весь мир. Точно здесь. Но не сейчас...

Создатель, ну почему нельзя было обойтись без этих кривых временных измерений?

Не опоздать бы. Ведь расхватают все блинчики...

Лягушка оторвала лапу от головы Мартина, и рыбак вдруг успокоился, каким-то шестым чувством догадавшись, что прошёл неведомое испытание, и теперь ему, наверное, вернут его лодку.

Смотреть на бога Мартин боялся, но любопытство взяло своё, и он очень осторожно и медленно чуть повернул голову. Лягушка стояла в центре странного белёсого

кокона, сливающегося с ледяной горой. Прямо на глазах Мартина кокон сгустился, обретя отдалённое сходство с ватным яйцом, а затем бесследно растворился в воздухе.

Бог ушёл, а боль вернулась. Невыносимая острая боль мгновенно растерзала всё тело Мартина. Уж лучше бы он умер.

Льдину под рыбаком встряхнуло, но у Мартина не было сил на размышления о том, что стало причиной этого явления. А ещё через минуту его подмыло и потащило в море сильной волной. Он тщетно цеплялся за лёд онемевшими бесчувственными пальцами. Наверное, это тоже испытание бога. Надо принять с достоинством столь непредставимую ещё несколько часов назад смерть.

Исполинская чёрная спина мелькнула и пропала, несколько хвостов, синхронно хлопнув по воде, залили льдину очередной волной, и Мартин попытался вспомнить слова, которыми следовало прощаться со своим бренным существованием. Боль и холод мешали сосредоточиться, но рыбак заставлял своё сознание вернуться в привычный мир, вспоминая то святилище у гор, то тёплый трактир с разгульными песнями и весёлыми перебранками.

А думать надо было бы совсем о другом. О чёрной гладкой плоти, уносившей Мартина прочь от льдины — к берегу. О быстром приближении этого самого берега. О взмывающих чуть поодаль с двух сторон от исполинского создания детёнышах с острозубыми «улыбками». Триноры везли Мартина домой. Потому что так им повелел великий бог, похожий на лягушку.

Мартин не смог вместить в себя всех нахлынувших впечатлений, и он заорал, вложив в свой крик и страх, и восхищение, и боль, и надежду. Словно в ответ на этот крик один из детёнышей выпрыгнул особенно высоко и сделал кувырок в воздухе.

Когда вокруг замелькали привычные скалы бухты,

Мартин немного забеспокоился, а смогут ли триноры подплыть к берегу. Но исполин в своих возможностях не сомневался. Почти у самого берега он позволил воде смыть Мартина со своей спины, а затем легко подтолкнул его носом на самое-самое мелководье. Прежде, чем рыбак успел опомниться, невероятное существо изящно развернулось, ёрзая брюхом по дну, чуть проплыло вперёд, нырнуло и исчезло. Маленькие триноры скрылись в глубине ещё раньше.

А к Мартину из прибрежных зарослей бросилось человек десять мужчин деревни со всеми мыслимыми и немыслимыми предметами, способными стать оружием. Бросив ненужные ножи, палки, копья, лучшие воины деревни сгрудились вокруг нового легендарного героя — повелителя морских чудовищ. И герою потребовалось потратить последние силы на донесение до разумов восторженных почитателей той простой мысли, что их новая легенда вот-вот умрёт. От переизбытка героических впечатлений.

Вопреки всем болезненным ощущениям оказалось, что Мартин вполне себе цел и достаточно здоров. Знахари не обнаружили ни переломанных костей, ни обморожений. Даже и десяток синяков не производили впечатления сколь-либо серьёзных травм. В этом чуде деревенские старейшины видели добрый знак, но в селениях с материка начали перешёптываться, что добрый бог не стал бы избирать для своего благого деяния столь ужасных существ, как триноры.

Несколько недель Мартин пролежал, наслаждаясь атмосферой моментального исполнения желаний. За ним одним, почти здоровым, ухаживали больше, чем за всеми другими больными, вместе взятыми. Потом Мартин понял, что вся эта суета людей изрядно его раздражает, и однажды утром вернулся к обычному ритму жизни.

Время пролетало, как-то вдруг за зимой пришла весна. Очередной рассвет на большом морском побережье Трены спрятался за туманом небольшого дождика, но ненастье оказалось недолгим. Дождь кончился, и Мартин неторопливо выбрался из своей рыбацкой будки на берегу. На кустарники, свешивающиеся с обрыва, приземлилась стайка голодных птичек. Их радостный щебет разбудил небольшого зверька в норе между корнями, и он проворно начал взбираться по лиане вверх в надежде на сытный обед.

Мартин спихнул лодку в воду и начал энергично грести, направляя своё маленькое судёнышко в открытое море.

Лёгкие и почти незаметные волны накатывали на берег, шурша мелкой галькой и рождая мерный шум движения времени. Игольчатые листья периний трепетали на лёгком ветерке с моря, моля и обещая: «Тринор плывёт, тринор спасёт...»

Всесильное Время разматывало ниточки судеб и плело на ткани мироздания причудливый узор.

Москва, 2005, 2010, 2018

Продолжение следует...

Оглавление

ПРОЛОГ* ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ * КУРОРТНЫЕ ЗАБОТЫ	11
1. Тревога	13
2. Крушение небес	18
3. Поспешные решения	20
4. Новые авторитеты	25
5. Находка и потеря	29
6. Экстремальная медицина	34
7. Улучшитель настроения	37
8. Побег	41
9. Ралли	45
10. Без пяти минут в раю	48
ЧАСТЬ ВТОРАЯ * БАЙКИ ХОЗЯЙКИ	53
11. Убежище	55
12. Гендерная арифметика	60
13. Выпускницы	67
14. Научный эксперимент	72
15. Семейный серпентарий	77
16. Деловое предложение	80
17. Цирковой слон	86
18. Кинжал и букет	90
19. Мать наследника	96
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ * СНЫ ВСЕЛЕННОЙ	103
20. Сектанты поневоле	105
21. Наследница по заказу	109
22. Любовь и побег	113
23. Фермерский рай	124
24. Предсвадебная вечеринка	129
25. Месть девчонки	137
26. Треугольник	144

27. Третий уровень	152
28. Легенда проклятой долины	167
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ * ВЗЛЁТ И ПАДЕНИЕ	177
29. Новые горизонты	179
30. Разведка	185
31. Без неприятных сцен	188
32. Другие	194
33. Лучший пилот	200
34. Весёлые зомби	202
35. Они здесь	206
36. Верный друг	212
37. Космическая лепёшка	216
ЧАСТЬ ПЯТАЯ * ГРАНАТОВЫЙ ЗАМОК	223
38. Споры и разговоры	225
39. Карантин	230
40. Шла-шла-упала	232
41. Причуды врача	236
42. Возвращение	240
43. Герой-одиночка	244
44. Документы для бродяги	247
45. Азарт и диета	249
46. Волшебные слова	255
47. Рука судьбы	262
48. Мечты и реальность	270
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ * СЛОВО ОРАКУЛА	277
49. Незваный гость	279
50. Империя на грани	283
51. Нет выбора	288
52. Яблоко в кармане	292
53. Художества	298
54. Молитва обречённого	302
55. Объятие императрицы	307
56. Имперский дух	311

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ * ДЕЛО НАЁМНИКОВ	317
57. Злачное местечко	319
58. Наёмники на привале	326
59. Теоретики демонизма	334
60. Улётная победа	337
61. Финиш героя	341
62. В гостях у Магистра	350
63. Первый кандидат	361
64. Братство бункера	374
65. Флажки и пирожки	384
ИНТРОДУКЦИЯ * ВСТРЕЧА С БОГОМ	389

Татьяна Латукова

Небо в алмазах Мост Бизона — 1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero